

5

2009

РОСССНЯ XXI

5.2009 сентябрь-октябрь

Теория и практика политических игр

Не перейти грань: Россия
и стратегия ее безопасности _____ 4

Европейские параллели

Валентина Марьина

1939 год: советская внешняя политика
в восприятии современников (на чехо-словац-
ком примере) (окончание) _____ 28

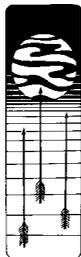
Страницы истории

Владимир Лапин

История России в рамках военных
технологий XVII–XXI вв. _____ 56

Альберт Ненароков

«Не все золото, что блестит»: о некоторых
аспектах современного изучения
послеоктябрьского меньшевизма _____ 80

Пути духовных исканий

Владимир Мильков

Духовная дружина русской
автокефалии: Иларион Киевский
(окончание) _____ **98**

Михаил Майзульс

«Демоном сокрушниче»: архангел
Михаил как экзорцист в культуре
средневековой Руси _____ **122**

Редакционная почта

Марк Лапицкий

Заметки о Герберте Уэллсе:
мечтателе-глобалисте
и зорком реалисте _____ **160**

РОССИЯ XXI

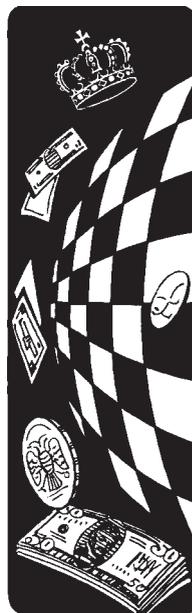
Contents in English look at the page 192

Мы устанавливаем правила и технику игры, а затем, следуя этим правилам, сталкиваемся с тем, что все идет не так, как было задумано нами. Что, следовательно, мы как бы запутались в собственных правилах. Именно эту «запутанность в собственных правилах» мы и хотим понять, то есть ясно рассмотреть.

Людвиг Витгенштейн

Во все эпохи человек думал, что он находится на «повороте истории». И до некоторой степени, находясь на восходящей спирали, он не ошибался. Но бывают моменты, когда это впечатление преобразования становится более сильным и в особенности более оправданным. И мы, конечно, не преувеличиваем значения нашего современного существования, когда считаем, что через него осуществляется глубокий вираж мира, способный смять его.

Пьер Тейяр де Шарден

НЕ ПЕРЕЙТИ ГРАНЬ: РОССИЯ И СТРАТЕГИЯ ЕЕ БЕЗОПАСНОСТИ¹

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УДК

304.9

Pressing issues of defense policies pursued by Russia and the USA are discussed. Contingency of a fundamentally new approach to nuclear security problems have emerged in the moment when START-1 run of validity is expiring. Any discussion is useful if the both parties have equal interest in it. Dialogue of Russia and the US is not only possible but it is urgent. Particularly in the context when these powers continue to present each other as potential enemies. The new strategy of mutual security which has been recently proclaimed as an innovation project is to be greeted. Thereat Russia cannot reduce its nuclear capability down to a dangerous minimum. This edge must not be transgressed. One has to make advances to the partner's initiatives with open eyes and clear understanding that under no circumstances any detriment to Russia's own security and strategic interests cannot be made. Now, after the US initiatives related to ABM defense deployment in the West one should remember about internal contradictions that affect behavior of the "old Europe" elites and those of Eastern Europe. The issue of strategic expansion of NATO and prospects of this alliance remains to be of current concern. What does NATO want to be?

Ключевые слова: нераспространение ядерного оружия; глобальная безопасность; внешняя оборонная политика; ПРО; НАТО; Восточная Европа.

E-mail: ecc@ecc.ru

¹ Стенограмма информационной программы Вести-24. 23.09.09. В передаче принимали участие Павел Золотарев, Сергей Кургиян, Ариэль Коэн и Дмитрий Рогозин. Передачу вела Эвелина Закамская.

Э.Закамская – Я напомним, что перед началом большого разговора России и США Б.Обама объявил об отказе от развертывания системы ПРО в Польше и Чехии. Таким способом он отказался от еще одного проекта республиканцев. Во-первых, сэкономил деньги американских налогоплательщиков и, во-вторых, подтвердил курс на перезагрузку отношений с Москвой. В России просто словам о дружбе не верят, их здесь уже много слышали. Продолжение последует завтра на переговорах Обамы с Д.Медведевым. Однако мы сейчас проверим позиции сторон в этой сложной партии.

Я представляю своих гостей. Добрый вечер, господа, спасибо, что пришли в нашу студию. Сергей Кургинян, политолог, президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» и Павел Золотарев, член Совета по внешней оборонной политике, президент Межрегионального фонда поддержки военной реформы, заместитель директора Института США и Канады. Теперь, когда сделан такой большой шаг (многие думают, что это большой шаг со стороны США по отношению к России) и впереди переговоры Б.Обамы и Д.Медведева, можно ли говорить о том, что будет отказ США от строительства системы ПРО в Восточной Европе ударным аргументом на переговорах с Д.Медведевым? И является ли он таковым по сути?

Наверное, Павел Семенович, вопрос к Вам, как военному специалисту.

П.Золотарев – Ну, во-первых, я хотел бы уточнить, что отказа еще не было. В общем-то, это решение было ожидаемое. Заранее говорили, что вряд ли есть смысл разворачивать элементы стратегической ПРО в Европе. По ряду причин. И из-за неготовности. Собственно, нет и эффективной ракеты, которую можно было бы туда поставить. Ну, и какое-то, конечно, значение имели аргументы России, настороженной по отношению к этой системе. И то решение, которое последовало, связано с тем, что отложили развертывание этих элементов ПРО. Но оно прагматичное по своей сущности, потому что развертывание элементов стратегической ПРО в Европе абсолютно бессмысленно с военной точ-

ки зрения. А то решение, которое сейчас последовало, прежде всего прагматическое, но не политическое.

Э.Закамская – Сергей Ервандович, как Вы считаете, знаковое ли это решение со стороны Вашингтона?

С.Кургинян – Я чуть-чуть иначе к этому подходил. Мы давно ведем дружескую дискуссию по этому поводу.

Э.Закамская – Мы следим за ней.

С.Кургинян – Я считаю, что в этом разворачивании ПРО в Европе была огромная опасность. Ну, я не буду говорить о политических компонентах, но американцы укрепляли пояс восточно-европейских государств, как бы отделяющий нас от Центральной Европы. Но еще, конечно, и технические вопросы очень непростые. Их здесь обсуждать, может быть, и не надо, но принцип заключался в том, что очень многие российские военные считают, что это ключевой вопрос и что этот вопрос следует решать. А теперь еще и американцы... Несколько американских физиков по заказу системы, которая готовит эту противоракетную оборону, сейчас выступили с докладом. Впервые выдающиеся американские ученые подтвердили своими моделями, что ПРО в Европе имела опасность для России. Потому что раньше все время пожимали плечами, говорили, как так? Некоторые наши специалисты говорили: эта опасность есть, другие (тоже аргументированно) – что ее нет, но теперь американцы сказали, что она есть. Это американцы, которые все, так сказать, «по уши» в этих военных регалиях, и именно они, эти ученые, сказали, что опасность есть.

Э.Закамская – Да, это было.

С.Кургинян – Значит, мы избежали большой опасности.

Э.Закамская – И действительно произошел некий поворот лицом к Москве, к России.

С.Кургинян – Да.

Э.Закамская – Я предлагаю сейчас послушать фрагмент выступления Б.Обамы, заявление, которое было сделано около часа назад, оно касалось России. Давайте его послушаем.

Президент США Б.Обама: «Мы будем стремиться к новым соглашениям с Россией для того, чтобы существенно сократить наши боеголовки и ракетоносители. Мы будем стремиться к распространению Договора о запрещении испытаний ядерного оружия. Мы завершим такую позицию,

которая приведет к более глубоким сокращениям ядерного оружия. И мы будем призывать страны начинать переговоры в январе по Договору по прекращению производства расщепляющегося материала для нужд оружия».

Э.Закамская – Итак, движение на пути к разоружению касается, в первую очередь, Договора СНВ, срок которого истекает в декабре 2009 года. Как вы оцениваете шанс по заключению нового договора к декабрю? Павел Семенович, наверное, с Вас начнем.

П.Золотарев – Ну, я отметил бы, прежде всего, что это в определенной степени всего лишь веха к тому мероприятию, которое должно быть в следующем году: очередная конференция по нераспространению ядерного оружия. И, наверное, в значительной степени, тот срок и та важность, которая придается подписанию нового договора, обусловлены не только тем, что заканчивает свое действие предыдущий договор СНВ-1, но и тем, что хочется заложить фундамент для обеспечения успешной работы очередной конференции. Предыдущая закончилась, в общем-то, безуспешно. Что касается договора, я уверен, конечно, что он будет подготовлен, несмотря на то что есть определенные разногласия, судя по всему. Я не исключаю, что, может быть, сроки будут не такими, что, вот, 5 декабря истек предыдущий договор и 5-го же декабря положат на стол президентам новый. Но и в этом ничего страшного нет, даже если срок переключается на январь месяц. Но этот договор необходим. Это обе стороны понимают. Я бы подчеркнул, что он необходим не только с позиции российско-американских отношений, а в целом, с позиции восстановления системы ядерного контроля и для того, чтобы обеспечить успех, как я уже говорил, решения проблемы нераспространения ядерного оружия.

Э.Закамская – У меня есть вопрос к Сергею Ервандовичу, но я все-таки, Павел Семенович, Вас еще потерзаю немножко. Вы говорили, как-то посетовали, что вот, если бы это заявление Обамы было чуть раньше, мы могли бы успеть поменять что-то в параметрах договора, поскольку там есть моменты, которые нас смущают.

П.Золотарев – Да, я думаю, что, учитывая сжатые сроки подготовки договора и то, что президенты подключились и обозначили свои позиции слишком поздно, это не лучший вариант. Если бы это сделали где-то в начале года! Но это было нереально. Реально, может быть, можно было ожидать таких шагов от нашего президента, но не от президента

США, который только вступил в должность. И плюс ко всему в течение этого года шла подготовка (еще не закончена) ядерного обзора, то есть официального документа, где обозначается позиция по многим параметрам, и в том числе по количественным и качественным параметрам стратегических наступательных вооружений. Если бы это прозвучало раньше, наверное, легче было бы работать.

Э.Закамская – А что нам нужно в этом договоре поменять? Известные цифры по количеству носителей и зарядов? И, как я понимаю, у России есть желание, чтобы эти комплексы размещались только на национальной территории, а не за ее пределами. Или что-то еще?

П.Золотарев – Вы имеете в виду проект договора или последний договор по сокращению стратегических наступательных потенциалов?

Э.Закамская – Проект договора.

П.Золотарев – Я не могу сказать четко по проекту договора, поскольку считаю абсолютно правильным, что переговорщики с той и с другой стороны до минимума свели утку информации по содержательной части, по тем разногласиям, которые есть. Но я думаю, что остающиеся разногласия касаются, во-первых, количества боезарядов, которые сохранить необходимо, количества носителей и того, как считать оперативно развернутые заряды. Ну, к примеру, считать ли заряды на подводных лодках, которые находятся в ремонте, в числе оперативно развернутых или считать их в резерве? Или как засчитывать боезаряды, которые сняты с разделяющейся головной части? Можно же из десяти, к примеру говорю, девять поместить в резерве, одну оставить и считать, что вот, всё, мы выполнили все свои обязательства.

Э.Закамская – Сергей Ервандович, Вас не смущает, что так долго держится содержание договора в секрете, ведь там может быть какая-то важная политическая составляющая?

С.Кургинян – Меня смущает. Меня всегда смущает всякая такая закрытость, потому что проблема слишком велика и альтернативная экспертиза, дискуссии по этому поводу могут помочь избежать больших ошибок. Если же говорить в целом, то у нас, конечно, есть вопросы к этому договору. Первый вопрос – это крылатые ракеты морского базирования и все прочее, вводится ли это в зачет? Второе – это боеголовки на складах. Третье, четвертое, пятое... Но это все тактические вопросы. Стратегических вопросов два. Первый. Если в эпоху Советского Союза и мирового коммунистического лагеря нам нужно было, скажем, 72 часа, чтобы дойти до Лиссабона (ну, я условно говорю), то сейчас наши

сухопутные силы гораздо слабее, чем сухопутные силы НАТО. Это значит, что для нас ядерное оружие сейчас это примерно то же самое, чем оно было для американцев в эпоху СССР и всего остального, для нас это сейчас гарант баланса и безопасности. Всякое сокращение, конечно, до какой-то степени необходимо, но не перебрать – это очень важно. То, что Обама заявил по поводу глобальной ПРО и всего прочего, очень важно (как говорится, лучше поздно, чем никогда), это огромный шаг. Но сейчас важно, на втором шаге так сказать, не впасть в экстаз. Чтобы не было как в старом анекдоте о гордом представителе кавказских народов, герой которого, услышав в театральном гардеробе, что сдачи не надо, отдал номерок и сказал: «Пальто не надо». Так вот, не надо, чтобы «пальто не надо», чтобы мы все это слишком сократили. Это первое. Второе: глобальная противоракетная оборона. Да, это замечательный шаг, что не будет третьего региона, это очень большой исторический шаг и его надо всячески приветствовать, тем более, что это, практически, первая уступка не под давлением. В ситуации острого конфликта Обама как-то сделал этот шаг навстречу. Все хорошо. Но при этом, что такое глобальная противоракетная оборона? Это значит, что мы, если она укрепляется, теряем главное: гарантированное уничтожение противника (если мы говорим о войне) в ответном ударе. Если первый удар американцев уничтожит слишком много наших ракет, которых на самом деле будет слишком мало (одно дело 90% от четырехсот, другое – от тысячи), то после этого оставшиеся ракеты противоракетная оборона США может перехватить. Не должно быть перейдено этой грани, потому что вопрос о том, будет ли она перейдена, это вопрос о безопасности и мире на планете. Это вопрос жизни наших детей и внуков. Поэтому это очень важно.

Э.Закамская – Ощущение уязвимости себя, оно должно присутствовать?

С.Кургинян – Огромное, огромное, более того, оно резко возросло. И сейчас мы должны быть в переговорах на порядок осторожнее, чем были ранее. Это не значит, что мы должны подозревать американцев во всем, смотреть на них волком и не идти навстречу. Надо сейчас идти навстречу. И будет очень неумно, если этого не сделать. Но мы должны пойти навстречу с широко открытыми глазами, очень осторожно и понимая, что если мы в этом переборщим, то подорвем свою безопасность необратимо, а у нас другой безопасности нет, поймите. Я не хочу называть цифры, говорить о том, сколько времени современная российская

армия может выстоять в сухопутном сражении с войсками НАТО. Мы очень быстро, если, упаси бог, это случится, начнем применять ядерное оружие. И пока оно у нас есть, этого не случится. Я же не обсуждаю, как нам умереть – тем и другим, – я обсуждаю, как нам жить.

Э.Закамская – Вот сейчас о дальности и размере встречных шагов мы поговорим, буквально, через несколько секунд. Я предлагаю послушать фрагмент недавнего заявления (одного из последних) министра обороны США Роберта Гейтса. Он объясняет, почему США отказались от размещения ПРО в Восточной Европе. Давайте слушаем.

Министр обороны США Р.Гейтс: «Наша разведка столько раз ошибалась. Если это опять случится в отношении Ирана, мы будем уже готовы: новая система защиты даст нам больше возможностей, чем та, которую я предлагал в декабре 2006: благодаря новым технологиям она стала более гибкой. Наземные перехватчики изначально были спроектированы для уничтожения не более чем пяти целей, и речь тогда шла о межконтинентальных баллистических ракетах. Сейчас Иран производит ракеты средней и малой дальности, поэтому размещение десяти противоракет будет более чем достаточно».

Э.Закамская – Смысл этого выступления еще сводился к тому, что Иран работает не так быстро, как все ожидали, и ядерная бомба появится у него еще нескоро, и поэтому сейчас, в принципе, можно ограничиться какими-то другими, менее затратными средствами. У меня, знаете, какой вопрос возникает в связи с этим? Разведка работает хорошо, то есть она сработает в следующий раз быстро, и если что, мы с Ираном разберемся в течение нескольких минут?

С.Кургинян – Гейтс сейчас не на разведке, он говорит, что она работает плохо. А раньше он сам был в ней.

Э.Закамская – Понятно. У меня возникает вопрос, а вот это раньше не было понятно? Нет такого ощущения, что это, знаете, такая хитрая многоходовка? Сначала нас напугали тем, что поставят ПРО в Восточной Европе. Мы испугались, сказали, как же так? Выражали несколько лет свои опасения по этому поводу. А потом ее забрали. Но теперь от нас ждут встречных шагов: посмотрите, мы же пошли вам навстречу.

С.Кургинян – Я сейчас объясню. Все, что сказано, это красивая мина при плохой игре. Гейтс делал эту ПРО, ставил эти ракеты, убеждал в том, что нужны перехватчики GBI, а «Пэтриоты» плохие и все остальное. Теперь он говорит, что все будет еще лучше, если будет так, как он отказывался делать тогда. Он соблюдает эту красивую мину при плохой игре, ему ничего больше не остается. Когда он рассказывает, что ПРО театра военных действий и глобальная ПРО – это одно и то же, это, так сказать, рассчитано на очень специфическую аудиторию. Совершенно ясно, что эти вещи принципиально разные. Они сдали много. Гейтс теперь должен сказать только одно, что не так много сдали. И это внутриполитический вопрос. Я внимательно просмотрел все материалы, высказывания за последние месяцы вокруг этого дела. И совершенно ясно, кто в восторге от того, что совершилось. А совершилось то, что Обама уходит из Чехии и Польши. В восторге французы, немцы, в основном, они просто не скрывают этого восторга, и понятно, почему. Потому что укрепление американцев в Восточной Европе означает разрыв их связи с русским сырьем и вообще с Россией. Это первое. И очень позитивную оценку этому дает Израиль. Кто против? Поляки, чехи, венгры, Восточная Европа. Схлестнулись, если так можно сказать, два клана, формирующие американскую власть, и совершенно ясно, что один из кланов победил. Это очень важный фактор. Значит, фактически, восточноевропейцы проиграли. Но восточноевропейцы – это мощнейшая группа в США. И они ответят. Для того, чтобы смягчить их реакцию, Гейтс говорит: ничего не произошло. Некоторые еще говорят: а давайте, мы визы будем им выдавать бесплатно, что-нибудь еще сделаем. Только успокойтесь, все в порядке – будут «Пэтриоты», будет все, спокойно...

Э.Закамская – А что, их, действительно, так опасаются?

С.Кургинян – Очень. Очень. Их очень опасаются. Это очень мощная группа. И восточноевропейцы еще скажут свое слово, они в бешенстве.

Э.Закамская – Ну, они уже начали говорить. Сегодня, правда, почему-то в адрес России.

С.Кургинян – Они в бешенстве. Я не говорю обо всех, там есть расколы. Но действующая актуальная элита, которая надеялась, что она будет кордоном, укрепляемым американцами кордоном, на пути нашего соединения с Западной Европой, – вот она в бешенстве. Ну, как говорится, пустячок, но приятно. На другой стороне впервые стоят не только

староевропейцы (французы и немцы), но и израильтяне. Просто видно по спектру заявлений. Ольмерт говорил, что этот район надо отдать, что это правильно, и после Ольмерта шли непрерывные разговоры на эту тему. Я был на конференции в Герцлии, где Шабтай Шавит на праздничном открытии конференции говорил обо всем этом за две недели до того, как это случилось. То есть совершенно ясно, что схлестнулись две силы, и, в общем-то, можно прогнозировать, в чем диалог.

Э.Закамская – А мы третья сила в данном случае или с другим кланом?

С.Кургинян – Это безусловный успех нашей дипломатии, это безусловный успех внешнеполитического руководства. Это, конечно, второе – то, что Обама действует по принципу: выслушай Буша и поступи наоборот. Это все сложилось в нашу пользу. Но внутриклановая борьба в США тоже существует, она видна как на ладони. Это не какая-то подковерная тайна, достаточно прочитать заявления и посмотреть, кто в бешенстве, а кто в восторге.

Э.Закамская – Павел Семенович, Вам что видно?

П.Золотарев – Ну, во-первых, я хотел сделать несколько замечаний в связи со словами, сказанными несколько ранее, когда речь шла о том, что нам нужно все-таки не терять бдительность, что американцы могут создать глобальную ПРО и нас обезоружить. Я далек от мысли о том, что у американцев столь сильны настроения, которые скорее можно охарактеризовать как интеллектуальную нищету. Они никогда не будут разрабатывать систему, предназначенную для отражения массированного ракетно-ядерного удара. Они это прекрасно понимают. И они нацеливают свою систему на отражение случайных и ограниченных пусков ракет, но в глобальном масштабе. Учитывая, что угроза распространения ракетно-ядерного оружия реальна, надо уметь отражать возможную угрозу, где бы она ни возникла. И вот это вкладывается в понятие «глобальная». У нас иногда думают немножко по-другому об этих словах.

С.Кургинян – Можно, я теперь?

П.Золотарев – Я закончу. Теперь, что касается ядерного оружия и важности для России. Я абсолютно с Сергеем в этом плане согласен, но хотел бы подчеркнуть, что для нас не столько стратегические ядерные силы важны в этом вопросе, сколько тактическое ядерное оружие. Потому что стратегические ядерные силы – это для такого противника, как США, далекого противника. Ну, может быть в определенной степени, и для такого, как Китай, который тоже имеет стратегические ракеты и в

своих планах, естественно, держит под прицелом и Россию, и США. Но, тем не менее для нас важнее тактическое ядерное оружие. Но предел сокращения, конечно же, существует. И, в целом, есть объективные противоречия между заявлениями американцев о стремлении к полному уничтожению ядерного оружия и попыткой создавать противоракетную оборону, потому что возможности противоракетной обороны – это как раз тот рубеж, до которого другие государства могут сокращать свои ядерные арсеналы. И они это тоже прекрасно понимают. Т.е. надо учитывать наличие этих противоречий и реальные угрозы, но их не преувеличивать.

Э.Закамская – Вы хотели добавить.

С.Кургинян – Я хотел добавить следующее. Конечно, мы всегда спорим, и я очень уважаю позицию собеседника, но я хочу напомнить, что Рональд Рейган (это, конечно, была утопия) хотел создать противоракетную оборону на 6 тысяч ракет. На 6 тысяч! С тех пор времена, конечно же, изменились. Мы не должны забывать, что есть два района в Калифорнии и на Аляске (два основных района), что третий район все равно будет, что на кораблях есть ПРО, что уже испытаны «Боинги» с химическими лазерами. Но все равно это может сработать только по отношению к ответному нашему удару. Если американцы в первом ударе уничтожат 90% того, что есть, то ответные, немногие наши ракеты они поймают. И вот тогда возникнет новая ситуация. Я не говорю, что американцы – безумцы. Нет, это люди, безумно любящие комфорт, они очень спокойно настроены. Но мы почему-то обсуждаем сценарий ведения военных действий. Зачем тогда вообще все это обсуждать? И почему тратятся безумные деньги на противоракетные обороны и все прочее? Сейчас можем чуть-чуть успокоиться, потому что демократы не так любят ПРО, как республиканцы, что не означает тем не менее, что это будет прекращено.

Э.Закамская – Я обратила внимание, что вы оба несколько раз называли США противником.

С.Кургинян – Ну, если мы рассматриваем сценарий войны?!

П.Золотарев – Я могу пояснить. Дело в том, что созданы такие стратегические ядерные силы (и американцами, и нами), что мы вынуждены держать определенную их часть, прежде всего наземные ракеты, в готовности к взаимному применению, и реальные планы их использования могут существовать только для наших двух государств, друг против друга. Просто такого количества других целей не существует в мире. И

эти планы – готовность к тому, чтобы вступить в действие по сигналам от системы предупреждения ракетных нападений. Мы в этом состоянии вынуждены находиться. Из этого следует, что, как только мы начинаем вести переговоры о сокращении стратегических наступательных вооружений, мы сразу же переходим на логику времен «холодной войны», от этого никуда не денешься. Это объективно.

С.Кургинян – Не только это. Вы поймите, все спецслужбы США называли нас противником.

Э.Закамская – К нам сейчас подключится ваш коллега из Нью-Йорка. Итак.

«Российские власти не определяют стратегию нашей обороны. Мы приняли решение, наиболее подходящее для нас, оно наилучшим образом будет защищать американский народ, наши войска в Европе и наших союзников», – это заявление американского президента, когда он объяснял, почему, собственно, отказывается от ПРО. *«Если при этом в России будут чувствовать себя менее параноидально и решат более эффективно сотрудничать с нами по проблеме иранской ядерной программы, вы знаете, это бонус»,* – добавил американский президент.

Кстати, на родине его не все поняли, мягко говоря. По последним данным, президент США потерял порядка 18% в своем рейтинге. Что думают о поступке Б.Обамы в США, спросим политолога Ариэля Коэна. Он выходит с нами на связь из Вашингтона. Господин Коэн, здравствуйте. Слышите ли Вы нас?

А.Коэн (политолог, эксперт фонда «Наследие») – Добрый вечер, Москва.

Э.Закамская – Господин Коэн, я подозреваю, что Б.Обама не лукавил, когда говорил, что мнение России для него в этой ситуации не первостепенно. Понятно, что в США сейчас накопилось много других проблем и, в общем, можно отказаться на время от идеи весь мир защитить. Вопрос, насколько искренне сейчас предложение США сотрудничать с Россией, еще раз озвученное сегодня Б.Обамой?

А.Коэн – Ну, прежде всего, я сожалею, что не услышал большую часть дискуссии коллег, но, думаю, говорить, что мы являемся заложниками тех технических систем, которые мы сами, своими руками по-

строили, – это совершенный нонсенс. Системы вторичны. А первично то, что у нас в головах. И тут, может быть, кто-то лукавит, кто говорит: «Мы, конечно, не считаем Америку противником, а вот тут такие системы ядерные, что мы никак иначе не можем жить».

Э.Закамская – Кем считают Россию в США?

А.Коэн – Действительно, после того, как в российских программных оборонных документах, таких как «Военная доктрина», «Внешнеполитическая концепция», прописано, что США и НАТО являются главным противником (как это было во времена «холодной войны»), то как теперь на это реагируют где-то там в разведке, – бог его знает. Но поскольку я хорошо знаю и критикую демократическую администрацию, я должен вам сказать, что для нее, ну никак, Россия не является противником, а тем более главным противником. Наоборот. Отмена ПРО направлена на то, чтобы положить основы для сотрудничества с Россией, особенно по иранской проблеме. Иранскую проблему в России понимают очень хорошо. И я так подозреваю, что российская разведка по Ирану работает лучше, чем американская.

Э.Закамская – Господин Коэн, политолог Сергей Кургинян хочет задать Вам вопрос. Может быть, получится небольшая дискуссия. Пожалуйста.

С.Кургинян – Здравствуйте, Ариэль.

А.Коэн – Добрый вечер, Сергей Ервандович.

С.Кургинян – Я очень рад Вас видеть и хочу приветствовать из Москвы. Вы прекрасно знаете, что, так сказать, вопрос о противниках – это вопрос «курица–яйцо», что первично. Это взаимный вопрос. Мы две единственные державы, которые могут уничтожить друг друга и мир. Да?

А.Коэн – Мы способны избавляться и от кур, и от яиц, Сергей Ервандович.

С.Кургинян – Согласен, да. И особенно от петухов, т.е. от «ястребов», что наиболее важно в таких случаях... До тех пор, пока мы не станем, например, частью одного военного блока НАТО и т.д., мы будем частью двух систем. Пока мы будем частью двух систем, мы будем рассматривать эти сценарии. Это первое.

Э.Закамская – Вопрос, Сергей Ервандович.

С.Кургинян – Так вот, скажите, Вам-то не кажется, что наступила пора либо более глубокого сближения США и России, либо каких-то уже окончательных других решений сторон? Это первое. И второе. Как

Вы оцениваете слова «менее параноидальным»? Это политически корректно с Вашей точки зрения?

А.Коэн – Я думаю, что (начнем с последнего) ни президент Обама, ни премьер-министр Путин не стесняются в выражениях. Вот я был на встрече с Путиным, когда он что-то говорил о том, что какие-то «проблемы из носа выковыривали». И, начиная от «мочилова в сортире», я могу прочитать весь список. Меня это абсолютно не напрягает.

С.Кургинян – Не напрягает.

А.Коэн – Мы с Вами знаем, что есть в России люди, которые тоже не стесняются в выражениях....

С.Кургинян – Да, я согласен.

А.Коэн – ... и достаточно параноидальны по отношению к США. Сегодня открывается возможность к реальному сотрудничеству. России для того, чтобы реально подойти, допустим, к членству в НАТО, нужно провести колоссальную работу, в гораздо большем объеме, чем это делали поляки, чехи, венгры, которые все лоббировали, которые стучали в дверь, которые просили. А если у Советов собственная гордость, то, может быть, нужно искать какие-то другие варианты. Но, опять же, реальные проблемы сегодня – это Иран, это ситуация по Кавказу, по Грузии и сохранение независимости Украины. Тут мы должны очень серьезно разговаривать, не в масс-медиа разговаривать. И, как всегда, возникает вопрос, а кто в состоянии, кто с кем будет разговаривать, когда у США горящие проблемы в Пакистане, в Афганистане и далее везде?

Э.Закамская – Господин Коэн, Вы упомянули несколько раз Кавказ и Иран. А может, просто у США сейчас меняется география интересов? С Европой все понятно, и с Восточной Европой, и с Западной. Она, в общем-то, оказалась в ситуации, когда ничего не может сделать с реальностью. Хотя США поставить ПРО в Европе или решили не ставить, Европы это не касается, здесь она ничего поделать не может. А Южный Кавказ, например, – это близость и к российским границам, и новый заход в Иран. Совершенно другие перспективы открываются.

А.Коэн – Новый заход – нет. Новый заход в Иран – это уже чья-то интерпретация. Реально голова у всех болит об Иране с ядерным оружием и с данным режимом.

Э.Закамская – Но российские границы – это не интерпретация.

А.Коэн – Будь в Иране у власти христианские демократы, ни у кого бы голова не болела про их ядерное оружие, даже если бы оно было. А

пока этот режим угрожает стереть с лица Земли члена ООН, это меняет всю ситуацию.

С.Кургинян – Ариэль, мы это понимаем. Но скажите, пожалуйста, читали ли Вы последнюю статью господина Бжезинского в «Гаарец»?

А.Коэн – Я читал.

С.Кургинян – Это семья Бжезинских, которая говорит, что такой проблемы нет. Мы слышим разные американские голоса?

А.Коэн – Господину Бжезинскому уже хорошо за восемьдесят.

С.Кургинян – А сыну?

А.Коэн – Господин Бжезинский сейчас предложил, чтобы Америка сбивала израильские самолеты. А до этого господин Бжезинский, я сейчас напомним нашим.... *(Прервалась связь)*

Э.Закамская – К сожалению, у нас прервалась связь. А мы еще хотели поговорить о том, что

П.Золотарев – Ну, я бы хотел к словам Коэна сделать два уточнения, потому что это просится. Первое, когда он сказал относительно того, что мы не заложники, что все это у нас в головах. Когда у них в США дежурят офицеры на пунктах управления пусков, и в ракетных полках, и в дивизионах подвижных пусковых установок, а у нас – в ракетных войсках стратегического назначения в готовности к проведению реального пуска и этот пуск может быть только по территории России или по территории США, – это не в головах, это в реальности. Теперь что касается его упоминания, что мы в Доктрине Америку рассматриваем как противника. С 93-го года, когда были приняты еще основные положения Военной доктрины, позже, в 2000-м году, когда была принята Военная доктрина, – ни в одном документе противник у нас не обозначен. Это ошибка.

Э.Закамская – Но и в их документе он тоже не обозначен?

С.Кургинян – Обозначен.

Э.Закамская – Россия?

С.Кургинян – В документах Национального Совета разведок США, в концепциях обозначена Россия как противник.

П.Золотарев – Ну, не совсем.

С.Кургинян – Ну, не противник, а как недружественная страна.

Э.Закамская – Как недружественная. Как она обозначена? Это важно.

П.Золотарев – Как страна, которая может нанести ущерб. Я считаю, что это правильно написано. Точно так же и нам надо в документах это писать.

Э.Закамская – Но это справедливо, может быть?

С.Кургинян – Ну, ясно, что они больше говорят про нас, что-то вроде «головная боль», чем мы о них.

Э.Закамская – Кстати, жаль, что не успели спросить господина Козна о сообщении буквально сегодняшнего дня, что США к 2015 году хотят разместить несколько военных баз в Грузии. Вот это, наверное, тоже заслуживает комментария.

П.Золотарев – Ну, это.....

С.Кургинян – Это уже переход в острую конфронтацию.

Э.Закамская – Да. Предлагаю поговорить о новом положении в Европе. В ночь на 17 сентября 2009 года президент США Б.Обама позвонил чешскому премьеру и проинформировал, что Вашингтон отказывается от размещения радиолокационной станции в Чехии. Польский премьер-министр, как писала потом «Вашингтон Пост», отказался отвечать на такой же звонок. Идея американцев построить ПРО в Европе наделала много шума. Так же громко обсуждается отказ от нее. Причем в каждом случае, как я уже говорила, для всего европейского сообщества это реальность, с которой они ну ничего сделать не смогут. А действительно, забавная история получилась. Ведь не осенило же американского лидера ночью....

С.Кургинян – Нет, не осенило.

Э.Закамская – Мол, надо взять сейчас и позвонить? Напоминает, знаете, как вот такой взбалмошный босс, который звонит своему подчиненному и говорит: «А ты думаешь об интересах компании?»

С.Кургинян – Ну, а про бонус? Вы не только про «параноидальное», про бонус тоже слышали? Бонус-то объявлен.

Э.Закамская – Бонус объявлен, да.

С.Кургинян – Ну, значит, я прав?

П.Золотарев – Видите ли, тут, наверное, надо учитывать, что у американцев традиционное представление о том, что в то время, как у них светит солнце, оно светит по всему миру. И они, в общем-то, даже не очень представляют себе, где какие государства расположены. Я вот как-то беседовал с человеком (наш российский представитель), который участвовал в работе американских расчетов, когда была активная фаза антитеррористической операции в Афганистане – начальная фаза. Они

ведь тогда наносили удары, особо даже не вникая, по территории ли Афганистана или уже соседнего государства.

Э.Закамская – «Что Вы знаете об Албании?» – «Какая-то она таинственная», – помните фразу из известного фильма?

П.Золотарев – Совершенно верно. Поэтому тут удивляться иногда таким вещам не стоит.

Э.Закамская – Что же все-таки из себя представляет новая система, которая должна появиться все равно, так или иначе?

П.Золотарев – Я думаю, это очень прагматичное решение. Потому что абсолютно бессмысленно сооружать какие-то стационарные объекты, когда существует неопределенность, откуда может возникнуть ракетная угроза. Тем более, когда есть мобильные средства либо морского, либо наземного, либо воздушного базирования, которые могут в случае необходимости оперативно быть развернуты там, откуда возникает ракетная угроза. Поэтому, повторяю, это очень прагматичное решение. И в связи с этим я считаю, что при наличии политической воли сотрудничество между Россией и США в этом направлении и возможно, и необходимо. Потому что к таким системам противоракетной обороны, региональным, на театре военных действий, необходимо подходить, прежде всего, с позиции противодействия распространению ядерного оружия. Если такая угроза возникает, можно заранее развернуть элементы этой ПРО, чтобы девальвировать на превентивной фазе перспективу развертывания или создания таких систем какой-либо страной. И мы с американцами проводили целую серию совместных учений по комплексированию, по управлению элементами ПРО и своими, и американскими. Но решение администрации Буша о развертывании позиционных районов в Чехии и Польше затормозило это направление работы. Вот сейчас, я думаю, есть перспектива их возобновить. Плюс ко всему есть надежда, что будет реализовано и российское предложение (его озвучивал еще президент Путин) об открытии совместного центра обмена информацией систем предупреждения ракетного нападения.

Э.Закамская – Это ведь старая история, которая давно обсуждалась.

П.Золотарев – Это очень старая история, более 10 лет решению, меморандуму об открытии такого центра в Москве. Но у Путина прозвучало предложение открыть такой центр и в Брюсселе, и в Москве, и потому, видимо, сейчас надо уже по-новому подходить и к содержательной части работы этого центра. Он может послужить элементом совместного (и не только российско-американского, он открыт с самого

начала для участия других стран) центра по анализу перспективы возникновения ракетной угрозы и по выработке рекомендаций, как на нее реагировать. А уж если возникает необходимость создавать такую систему, то создавать ее надо как элемент управления.

Э.Закамская – Как это возможно, если мы не можем определиться: противники мы или не противники? Или союзники? Как возможно сейчас вот так подойти и начать вместе работать на эту глобальную систему безопасности?

С.Кургинян – Это и есть главное, о чем я говорю. Мы все время топчемся, то чуть-чуть отходим – это называется, что мы обиделись друг на друга, то чуть-чуть приближаемся. Но мы все время не можем сделать окончательного шага, который решит одну стратегическую проблему: к нашим границам не должен приближаться военный блок, в который мы не входим и который мощнее нас. Если это чужой военный блок (а он, между прочим, и Сербию бомбил, и много чего вытворял, он не гуманитарная комиссия по правам человека, хотя мы знаем, что и эти инструменты иногда используются не для того, чтобы защитить права человека), если этот блок есть, то мы воспринимаем его как угрозу. Для того, чтобы мы не воспринимали это так, его не должно быть. В 2001 году после того, как Путин совершил беспрецедентный поступок по поддержке Буша после 11 сентября, Тони Блэр предложил ввести Россию в НАТО. Кто был против? Американцы и восточноевропейцы. С момента, когда мы единое целое, нет проблемы, что к нам подбирается враг. До момента, когда мы не единое целое, проблема есть.

Э.Закамская – Так, а мы же в НАТО сами не хотим.

С.Кургинян – Что мы хотим, это вопрос второй. Мне кажется, что вся наша актуально действующая элита (прозападная и т.д.) очень хочет и в НАТО, и в ЕС, особенно в ЕС. А иначе вообще непонятно, чего мы хотим. Я не хочу выражаться более резко (Козн тут говорил, что наши лидеры не стесняются в выражениях, ну, пусть наши лидеры выражаются, как хотят, а мы будем сохранять корректность) о том, что нам надо. Мы демонтировали Советский Союз, мы разрушили коммунистическую систему, мы остались национальным государством, у нас 140 миллионов людей, вокруг нас вздымаются гиганты: Китай на полтора миллиарда, Европейский Союз, с юга нас тоже подогревает, сами понимаете что. Мы не можем существовать отдельно. Мы должны либо воссоздать собственную империю, назовите ее как угодно, например, – демократическую империю (вон Евросоюз можно создавать, это же демократиче-

ская империя), либо мы должны войти во что-то другое. И наш естественный союзник, конечно, Европа, но именно она и отпихивается больше всего. А восточноевропейцы просто считают, что у них есть один бизнес: стать кордоном на пути нашего соединения с Европой.

Э.Закамская – Китай должен быть включен в новую систему безопасности, Павел Семенович?

П.Золотарев – В европейскую?

Э.Закамская – Вообще, в глобальную систему безопасности.

П.Золотарев – Естественно, и он там присутствует. Но я хотел бы здесь продолжить мысль Сергея, я с ним в этом плане согласен. Россия в одиночку существовать не может по многим параметрам. Например, вопрос военной безопасности. Создавать в одиночку современную систему вооружений, военную технику сейчас не под силу ни одному государству, даже США. Поэтому по многим направлениям нам надо сотрудничать, в том числе и с европейскими странами, и такое сотрудничество разворачивается. А что касается пожелания нашей элиты и нашего руководства, я хотел бы напомнить, что практически каждый российский президент давал понять (потом, правда, говорили, что это оговорки или еще что-то, но это были сигналы), что мы не исключаем своей перспективы присутствия в НАТО. Другое дело, что ни разу на такой сигнал не было восторженных воплей с той стороны.

Э.Закамская – Сейчас к нам присоединяется представитель России в НАТО Дмитрий Рогозин, из Брюсселя. Дмитрий Олегович, здравствуйте, видите ли, слышите ли Вы нас?

Д.Рогозин – Более или менее.

Э.Закамская – Дмитрий Олегович, я предлагаю сейчас послушать одно из последних заявлений главы военного комитета НАТО, а потом попросим Вас его прокомментировать.

Председатель военного комитета НАТО Д. Ди Паоло: «Мы намерены и в будущем разрабатывать этот вопрос при серьезном участии России. Надеюсь, мы сможем преодолеть период прохладных отношений, который наступил после августовских событий. Мы готовы двигаться вперед как в политическом, так и в военном плане. Но как в танго нужен партнер, так и здесь наши желания должны совпадать, чтобы мы могли танцевать вместе и слаженно».

Э.Закамская – Дмитрий Олегович, я даже немножко продолжу. Просто поясню про танго. Танго – это танец, как вы, наверное, знаете, требующий исключительной синхронизации партнеров. Более того, в танго один, как правило, следует за движениями другого. Готовы ли мы ответить на такое приглашение?

Д.Рогозин – Умеем ли мы танцевать танго? Я так понимаю этот вопрос? Ну, это, конечно, намного симпатичнее, чем ламбада. Вы знаете, я думаю, что лучше отказаться от этого птичьего языка, когда люди пытаются скрыть свои мысли такого рода выражениями, сравнениями, аллюзиями. Надо просто прямым текстом сказать, что надо. Чего нам не хватает на самом деле в наших отношениях? Просто честности и прозрачности намерений. Чего мы хотим от НАТО? Мы хотим, во-первых, чтобы они не наступали нам на пятки и прекратили развиваться как некое такое резиновое изделие, которое все время растягивается в сторону Востока. Все-таки НАТО не резиновое, может лопнуть. И, кроме того, всякое действие должно иметь свой мотив. Если целью этого расширения НАТО на Восток является бóльшая безопасность в Европе, то как раз эффект и результат прямо противоположен задумке. Безопасности меньше, потому что НАТО до сих пор расширялось за счет режимов крайне нестабильных, которые приносили в НАТО свои дрязги, свои склоки и, самое главное, русофобию. И это на самом деле омрачало все наше сотрудничество. Второе, что мы хотим от НАТО, это понять, ради чего существует эта организация. Если она создана для того, чтобы поддерживать стабильный мир в Европе, то это одно дело. Если же для укрепления американской гегемонии в мире, то это другое дело. Мы просто хотим прямого ответа. Не вопрос, умеем ли мы танцевать танго. Мы умеем и танго танцевать и краковяк, и польку-бабочку – чего хотите, исполним. Нам главное не это, а четкое объяснение мотивов поведения во внешней политике. Кем хочет стать НАТО – мировым жандармом или все-таки будет сохранять свою европейскую компетенцию? И готовы ли они учитывать наши коренные национальные интересы, поскольку у России такие интересы, как и у любого государства, безусловно, имеются. Вот и все.

Э.Закамская – Но Барак Обама, который сегодня выступил в Генасамблее и говорил о большом и глубоком диалоге с Россией, может быть, он дает ответы на какие-то вопросы, озвученные Вами сейчас?

Д.Рогозин – У нас есть реальный шанс сегодня договориться с США хотя бы о том, чтобы хотя бы начать убирать острые раздражители в

наших отношениях. Но господин Обама тоже должен быть последовательным. Если он делает предложения, допустим, по противоракетной обороне, то не надо потом возвращаться к вопросу о том, что, мол, это сделано для того, чтобы снять параноидальность российской реакции. Вообще надо убирать такого рода слова из нашего диалога, которые могут иметь какую-то такую, знаете, очень нервную реакцию у партнера. Кроме того, нам бы хотелось, чтобы мы на этом не останавливались. Крайне важно, чтобы США продолжили выносить этот негативный, так сказать, совершенно старый, прогнивший уже мусор из наших отношений времен «холодной войны». Об этом говорил, кстати, председатель правительства России Владимир Владимирович Путин. Он говорил о том, что мы ждем также определенных решений по снятию искусственных препятствий по интеграции России в ВТО вместе с нашими партнерами, с Белоруссией и с Казахстаном. Мы ждем во многом символических, но тем не менее важных решений в Конгрессе США по изъятию совершенно, извините за выражение, идиотских ограничений на поставки технологий в Россию. То есть, короче говоря, мы просто ждем обычных, нормальных отношений. Нам не нужны какие-то специальные отношения с Америкой, но нам, по крайней мере, нужно, чтобы из этих отношений были убраны явные раздражители, которые ничего, кроме плохого настроения, в эти отношения не привносят.

Э.Закамская – Дмитрий Олегович, последний вопрос. Со стороны Москвы все сделано для того, чтобы нам навстречу пошли дальше?

Д.Рогозин – Мы делаем очень много. На самом деле в наших отношениях с Западом гораздо внимательнее относимся к их интересам. Вот, например, мы понимаем, что натовская группировка в Афганистане увязла, как в болоте, причем «иваном сусаниным» там оказался не кто-то из российских или афганских политиков, а сами американцы, которые туда привели своих союзников. Должны были войти и уйти оттуда, решив свои задачи, но ведь не ушли. В 2001 году вошли и остались там, а сейчас собираются наращивать там свою военную мощь, думая, что с помощью солдат и бомбардировок они справятся с ростом популярности талибов. Но при всем скептицизме, который мы испытываем к этой афганской кампании, тем не менее мы понимаем, что поспешный уход натовцев из Афганистана – это еще бóльшая проблема, поскольку оставят они после себя только разбитую посуду. Поэтому мы, безусловно, готовы содействовать реализации мандата Совета безопасности ООН, которым пока наделены войска Запада в Афганистане, и мы открыли

очень многое, в том числе в национальном качестве *(?)*. Мы для Франции, Германии, Испании, Италии, США открыли даже транзит через воздушное пространство России. Это экономит огромные деньги. По натовским оценкам, наш транзит для американцев экономит США 1 миллиард долларов в год. И после этого возникает вопрос, должны ли мы еще что-то платить за какие-то добрые слова, которые мы слышим из Вашингтона. Нет. Мы и так сделали очень много и авансом.

Э.Закамская – Дмитрий Олегович, мы боимся, что связь с Вами может прерваться в любую секунду. Я благодарю Вас за то, что нашли для нас время. Представитель России в НАТО Д.Рогозин был на связи с нами. К сожалению, нет возможности задать ему вопрос. Но Дмитрий Олегович тоже сказал, как и господин Коэн, о том, что над чистотой языка приходится работать. А у нас с вами подходит к концу наш разговор. У меня последний вопрос, и, по возможности, прокомментируйте его оба. Действительно ли сейчас наступает какой-то переломный момент в международных отношениях, который может поменять мировую систему безопасности? Про финансовую архитектуру мы говорим, что ее надо менять. А архитектуру безопасности тоже нужно менять? Я так подозреваю, что это слова с каким-то глубоким смыслом, который еще до конца всеми не понят. Но, действительно, этот момент наступил, как вам кажется?

П.Золотарев – Думаю, что да. И он обусловлен не политикой США, и не политикой России, а процессами глобализации. Во-первых, США уже видят, что формируются несколько центров силы, они реальны, и уже роль жандарма им не потянуть, и невозможно ее реализовать, но они стремятся сейчас за собой закрепить функции лидера, который является неким глобальным балансиrom, с одной стороны. С другой стороны, кризис показал, что интересы поддержания устойчивости мировой экономики уже требуют более осторожно относиться к применению военной силы, и вообще к военному фактору. Некий такой сдерживающий элемент со стороны экономики в области военной безопасности появился. И вот это создает объективные условия для реализации того, о чем мы говорили.

Э.Закамская – Сергей Ервандович.

С.Кургиян – Ну, был обещан мир без кризисов и революций. Да? Кризис есть. Даже если он залечится через пару лет, останется шрам. Сейчас главный вопрос – о судьбах мира в XXI веке. Это вопрос, который надо обсуждать с ними. И либо мы с ними окажемся гораздо ближе,

либо гораздо дальше. Пройдет еще три–четыре года. Есть сейчас шанс на сближение? Его надо использовать полностью. Дай бог, чтобы он был использован, потому что в противном случае мир будет очень конфликтным и очень для нас дискомфортным.

Э.Закамская – Я благодарю вас за сегодняшний разговор. Я добавлю, что генсек ООН Пан Ги Мун сегодня на Генассамблее ООН уже похвалил Россию и США за вклад в движение человечества к миру и даже высказал надежду, что именно сейчас можно добиться вступления в силу договора о всеобъемлющем запрещении ядерного оружия уже на всей планете. Эту инициативу полностью поддержал Барак Обама. Действительно ли мир подошел к глобальным переменам в сфере безопасности, какими способами эта безопасность может достигаться? Ответы на эти вопросы будут искать в ближайшее время политики и эксперты. А начало этой глобальной дискуссии мы наблюдаем сейчас в Нью-Йорке. Ждем через несколько часов выступления Дмитрия Медведева и завтрашних переговоров Дмитрия Медведева с американским лидером.

Нельзя исключить, что будущие поколения пересмотрят значение, которое мы сегодня придаем отдельным фактам... Также не стоит вопрос о том, пытаться ли избегать своего времени и среды. Важно только то, чтобы наш угол зрения не заставлял нас пренебрегать тем, что другие

наблюдатели в других условиях считали значительным. Размещение должно быть датировано и локализовано.

Неоднозначность исторического события не позволяет дать категоричную интерпретацию.

Реймон Арон

Валентина Марьина

1939 ГОД: СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОК¹

(НА ЧЕХО-СЛОВАЦКОМ ПРИМЕРЕ)

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

УДК
327

Responses of Czechoslovak emigration, the civil wing of the Czech anti-Fascist Resistance and of the Slovak society to «the Western march» of the Red Army, to annexation of Western Ukraine and Western Byelorussia by the USSR (Ukrainian Soviet Socialist Republic) and the Soviet-Finnish war. The study is based mainly on archive materials, published documents, memoirs and on results of the author's own examination of the issue.

Ключевые слова: внешняя политика СССР; Э.Бенеш; Мюнхенское соглашение; начало Второй мировой войны; присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии; Советско-финская война; Коминтерн; история Чехословакии; Чехии, Словакии.

E-mail: moscow.slav@gmail.com

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2009. №4.

Реакция некоммунистического крыла Сопротивления
на пакт и начало войны

Курс СССР на альянс с фашистской Германией вызвал споры и в рядах некоммунистического крыла чешского Сопротивления как в оккупированных землях, так и за рубежом. Появились мнения крайне правого толка, особенно характерные для части чехословацкой эмиграции во Франции, хотя в целом в кругах ответственных политиков оценки советско-германского пакта были достаточно сдержанными. 23 августа 1939 г. Бенеш встречался с советским послом в Лондоне И.М.Майским, который записал в своем дневнике: «Он казался несколько озабоченным сообщением прессы о визите Риббентропа в Москву для подписания пакта о ненападении, но не обнаруживал большого волнения»².

Однако, по-видимому, спокойствие было напускным, о чем свидетельствует запись Бенеша об этой встрече. Он достаточно подробно изложил аргументы Майского, касавшиеся заключения советско-германского пакта: англичане и французы обращались с ними (Советами. – *В.М.*) как «с дальним бедным родственником», поляки вели себя «до невозможности оскорбительно», хотели получить «материал, танки, орудия, боеприпасы и прочее, но ни один советский солдат не смеет вступить на польскую землю – оскорбительно и невозможно. Немцы займут всю Польшу, а русские не посмеют даже пошевелиться – абсурд». Речь шла также о том, как скоро «Гитлер пойдет на Польшу» и какова в этом случае будет позиция СССР. Майский, по словам Бенеша, сказал: «Мы, конечно, не останемся в стороне». Общие впечатления экспрезидента о разговоре сводились к следующему. «Они (СССР. – *В.М.*) хотят войны, готовили ее сознательно и полагают, что ни Польша, ни Германия, ни Англия не могут повернуть назад и что война начнется – они резервируют свои действия (на этот случай. – *В.М.*). Мое впечатление обо всем этом было неплохое, и я думал, что они сохраняют возможность и далее вести переговоры с западной Европой; но на следующий день, когда я увидел текст пакта, мне показалось, что дело обстоит хуже, что они тем самым отрезали себе путь (к переговорам. – *В.М.*) и что это весьма грубая тактика втягивания Гитлера в войну... В общем,

² *Документы внешней политики (далее – ДВП). Т. XXII: 1939 год. Кн. 1. М., 1992. С. 644–646.*

это означает, что они просто считают, что началась борьба между капитализмом, нацизмом и фашизмом и что грядет мировая революция, которую они поднимут в подходящий момент, когда другие будут ослаблены войной»³.

Осторожная позиция Бенеша и его сторонников в связи с заключением советско-германского пакта была изложена в послании начальника канцелярии экс-президента Я.Смутного на родину 24 августа: «Мы смотрим на новую ситуацию весьма спокойно и полагаем, что этот договор является выражением недоверия Советского Союза к западным державам после мюнхенского опыта... наша тактика и действия останутся прежними, невзирая на меняющуюся ситуацию и развитие [событий]. Будем по-прежнему энергично готовить военное сопротивление и участвовать в войне против Германии на стороне того, кто бы ее ни начал и ни вел»⁴. Такого же взгляда придерживался и Фирлингер, который писал Бенешу 26 августа в Лондон: «Обвинять сегодня Москву в предательстве, по меньшей мере, чрезмерно... мы должны выждать, прежде чем сможем понять его (пакта. – В.М.) истинное значение и смысл»⁵. С этим был согласен и Бенеш. 28 августа он ответил Фирлингеру: «Советско-немецкий пакт здесь привел к сложной ситуации и некоей революции против Советов... мы должны выждать развития событий, прежде чем прояснится общая ситуация... Я сам обо всем этом окончательного мнения еще не составил и все еще надеюсь, что сотрудничество с Советским Союзом, в конечном счете, сохранится и что Советский Союз нам поможет»⁶.

А 1 сентября Бенеш в послании на родину так излагал свое мнение о пакте и новой стратегической линии Москвы на социалистическую революцию: «Советы полагают, что дальнейшее военное развитие в Европе нельзя предотвратить. Очевидно, они хотели вовлечь западную Европу в конфликт с Германией и действовать таким образом, чтобы война началась не против них, как в 1914 году, а между Западом и Гер-

³ *Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Praha 1998 (далее – ČSVDJ). Díl 1. S.74–75. См. также: Марьина В.В. К истории советско-чехословацких отношений 1938–1940 гг. По страницам дневника И.М.Майского // Россия XXI. 2006. №3. С.110–118.*

⁴ *Цит. no: Křen J. V emigraci. Praha, 1969. S.49.*

⁵ *Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. Praha, 1947. S.279–280.*

⁶ *ČSVDJ. Díl 1. S.81–82 (Примечание 3 к док. №22).*

маний, чтобы в течение какого-то времени стоять в стороне и чтобы иметь возможность вмешаться в подходящий момент в соответствии с собственным желанием и по мере необходимости. На слова Гитлера о том, что между Германией и Россией – вечный мир, не обращайтесь внимания. То, что Советы ожидают социальный переворот в духе своей политики, очевидно... Может статься, что здесь они просчитаются. Я думаю, что они неправильно судят о Западной Европе, как и в 1918 г., когда ожидали мировую революцию. Западная Европа в социальном и экономическом отношении еще достаточно сильна и социальной революции будет весьма решительно противиться... в то время, как Польша, Германия и Центральная Европа находятся в гораздо более опасном положении»⁷.

Не только единомышленники Бенеша, но и некоторые его политические соперники в эмиграции придерживались осторожных оценок, анализируя советскую внешнюю политику и заключение советско-германского пакта. В частности, Ш.Осуски писал 26 августа 1939 года в газете «Чехословацкая борьба» (*Československý boj*): «Нельзя исключать мнение, что Советская Россия в своих собственных интересах будет вынуждена раньше или позже присоединиться к Англии и Франции»⁸.

Вместе с тем и среди сторонников Бенеша были люди, которые, по крайней мере, в частной переписке более резко и непримиримо оценивали заключение пакта. К их числу относился и Рипка, о чем свидетельствует его письмо Смутному от 29 августа: «Трудно понять, почему русские заключили пакт с Германией. Ведь от них никто не требовал, чтобы они прямо начали войну. Разве что они заключили пакт, будучи убеждены, что таким способом ускорят войну и одновременно отведут ее от себя. Если же Сталин думает, что в подходящий момент разожжет пожар социальной революции, то он ошибается. То, что он сегодня вступил в союз с Германией, лишило его всякого морального, политического престижа в европейском рабочем классе»⁹.

Среди чехословацкой эмиграции на Западе нередки были в тот период и антисоветские, антикоммунистические голоса; особенно этим отличалась часть высших армейских кругов и некоторые деятели нацио-

⁷ *Edvard Beneš: Vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J.Šolc. Praha, 1996. S.28.*

⁸ *Цум. no: Křen J. Do emigrace. Praha, 1963. S.551.*

⁹ *Цум. no: Křen J. V emigraci. S.46–47.*

нальных социалистов и социал-демократов¹⁰. Впрочем, не они задавали тон в эмигрантских кругах, связанных с публичной деятельностью. Об этом свидетельствует, в частности, сообщение Фирлингера в Лондон 12 октября: «Слушаю сейчас регулярно чешские радиопередачи из Лондона... констатирую с радостью, что наше радио избегает принципиальной критики сегодняшней политики Советского Союза. Я знаю, что сам президент смотрит на вещи очень спокойно и всесторонне анализирует негативные и позитивные стороны нового развития»¹¹.

Не исключено, что осторожные оценки советско-германского договора обуславливались и британским общественным мнением, пока несклонным к резким суждениям. Дж.Харрис пишет, что после подписания пакта эксперты «Масс обсервейшн» (*Mass Observation*) констатировали, что среди британской публики «пакт не рассматривается как нечто очень серьезное: он воспринимается всего лишь как обманный тактический ход Сталина с целью "выиграть время" – как некое подобие тактики "умиротворения", которую сами британские политики применяли в течение последних трех с половиной лет». Эта точка зрения частично основывалась на публикациях в прессе о том, что, несмотря на пакт, в октябре 1939 г. СССР продолжал вести переговоры о новых торговых контрактах с Великобританией¹².

Такое же сдержанное отношение к политике СССР было, видимо, характерно в целом и для сторонников Бенеша в оккупированных Чешских землях, где недоумение от заключения советско-германского пакта сочеталось с надеждой на то, что в создавшейся ситуации Москва, находясь в дружественных отношениях с Берлином, найдет возможность облегчить положение чешского народа, а в подходящий момент прийти ему на помощь. Комментируя заключение пакта, газета «В бой» называла его «блестящим» и «гениальным» «ходом советской дипломатии» и отмечала, что он более выгоден СССР, чем Германии. В одном из номеров в начале октября эта газета выступила с критикой необъективных оценок внешней политики Советского Союза: если антикоммунисты видят в пакте повод для нападок «на Россию, предавшую чехов и поля-

¹⁰ *Ibid.* S.47; Laštovička B. *V Londýně za války*. Praha, 1978. S.20.

¹¹ Fierlinger Z. *Ve službách ČSR*. Díl I. S.295.

¹² Харрис Дж. *Британское общественное мнение и советско-германский пакт // Международная кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР*. М., 2006. С.393.

ков и забывшую их», то коммунисты, стремясь «оправдать Россию, делают это так, что лишь вредят, а не содействуют делу». «Россия имеет свою собственную концепцию, – писала газета, – и не оглядывается при этом ни на интересы Германии, ни на интересы Англии... Как это понимать? Очень просто. Россия хочет, чтобы в Европе был мир. Однако не из-за альтруизма, а просто потому, что это соответствует ее интересам. В собственных интересах она остановила продвижение немцев на Восток, что более, чем англичан, удивило немцев». В другом октябрьском номере газета «В бой» оценивала советско-германский пакт как крах восточной политики нацистов¹³.

Весьма сдержанной, как представляется, была оценка пакта и премьером правительства протектората генералом А.Элиашем, который поддерживал контакты с Бенешем и был казнен нацистами в 1941 году. В интервью для немецкого официоза газеты «Дер нойе Таг» (*Der neue Tag*) Элиаш заявил лишь, что протекторат поддерживает точку зрения о том, что заключение пакта свидетельствует о победе внешней политики Германии, и подчеркнул, что «с чисто чешской точки зрения» приветствуется экономический аспект немецко-русского сотрудничества: «Мы должны, поскольку включены в германскую империю, интересоваться тем, чтобы неисчерпаемые запасы сырья из СССР обогатили экономическую жизнь во всей империи, а тем самым и в Протекторате Чехия и Моравия»¹⁴.

Присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР

Вступление Красной Армии на территорию сражающейся, но близкой к поражению Польши и установление новых границ СССР хотя и не вызвали всеобщего одобрения, но приветствовались довольно широкими слоями чешского населения, которое связывало с этим надежды на освобождение от немецкой оккупации. «Настроение в Праге, особенно после того, как стала известна демаркационная линия, превосходное, – значилось в сообщении Генконсульства СССР из Праги. – Говорят о первой зоне (наступления на Запад. – В.М.) Сталина, за которой после-

¹³ *Odboj a revoluce. Zprávy. 1969. №1. S.74–76.*

¹⁴ *Цит. по: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф.138. Оп.19. П.33. Д.5. Л.7.*

дуют и другие, в том числе и Протекторат»¹⁵. 21 сентября Яковлев писал в НКВД: «Сейчас, после вступления Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину, в кругах чешской интеллигенции, не отличавшихся ранее левыми взглядами, находится понимание советской политики. Некоторые в "шутку" говорят, что они лишь завидуют белорусам и украинцам»¹⁶. Старый «чешский легионер» Свобода, председатель чешской центральной торговой комиссии, в беседе с Яковлевым 27 сентября утверждал, что «среди его друзей теперь царит одно желание, именно, чтобы Красная Армия дошла вплоть до Кракова, создав этим общую границу с чехами. Наряду с этим, до сих пор многие не могут представить себе, куда и как далеко пойдет СССР в своей новой политике»¹⁷.

Анализируя настроения чехов в протекторате в связи с внешней политикой СССР¹⁸, Яковлев писал в НКВД 1 октября 1939 г.: «Когда было опубликовано сообщение о демаркационной линии, делящей Польшу на две части через Варшаву, чехи, не скрывая, ликовали, расценивали эту линию как линию будущей границы и говорили о политическом поражении Гитлера. Около карт, вывешенных на улицах Праги, собирались толпы чехов. Немецкие круги были очень сдержанны. Теперь в связи с установлением границы на этнографической линии (белорусы, украинцы) настроения изменились. Политически не подготовленные массы чехов и левобуржуазные круги жалеют, что СССР отказался от части Польши, в кругах, близких к компартии, это, наоборот, произвело лучшее впечатление. Акт СССР, отказавшегося по тем или иным соображениям занять территорию, населенную поляками, находит только понимание в близких нам кругах. Этот акт подрывает почву под ногами фашистской пропаганды, пытавшейся действовать на массы утверждением, что СССР встал на путь "красного империализма". Эта идея под всевозможными соусами преподносилась немцами в чешской и словацкой печати»¹⁹.

¹⁵ АВП РФ. Ф.138. Оп.19. П.33. Д.5. Л.40.

¹⁶ АВП РФ. Ф.0138. Оп.20. П.130. Д.1. Л.190.

¹⁷ Там же. Л.187.

¹⁸ По словам Яковлева, «выводы о настроениях, которые я Вам пишу, являются результатом ежедневных разговоров, которые нам всем приходится вести с самыми разнообразными слоями людей в Праге».

¹⁹ Там же. Л.150–151.

Настроения, о которых сообщал Яковлев, были особенно характерны для рабочих, что явствует, в частности, из приветствий и писем, полученных Генконсульством СССР по случаю 22 годовщины Октябрьской революции. Всего их насчитывалось 165, в том числе 109 из Моравской Остравы и 34 из Праги. Их авторы выражали свои симпатии к стране Советов, веру в справедливость ее политики, надежду на помощь в освобождении от немецкого ярма. В некоторых письмах содержалась просьба «оккупировать Чехословакию вашими войсками», «присоединить Чехословакию к СССР», оказать помощь для «обеспечения нашей пролетарской революции, которую мы готовим всеми силами», выражалась готовность «бороться за новую советскую Чехословацкую республику»²⁰.

Подобные настроения отражены и во многих коммунистических листовках, распространявшихся после вступления Красной Армии на территорию Польши и присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. В одной из них, одобряющей «поход Красной Армии в Европу», говорилось, что СССР не мог допустить захвата Гитлером всей Польши и его укрепления на советских границах, что «продвижение границ СССР в нашу сторону – это сигнал Москвы: мы приближаемся... Вступление Красной Армии в Европу – это лишь начало. Следующие действия будут подобны землетрясению, после которого не останется ни Гитлера, ни Чемберлена, ни Даладье – восстание миллионов масс до сих пор угнетенных европейских народов»²¹.

Циркуляр подпольного руководства КПЧ, одобрявший советско-германский пакт, который «расстроил шулерские планы Англии и Франции в отношении Советского Союза», констатировал следующее: в результате этой дальновидной политики границы СССР продвинулись на 500 км в Европу, освобождены украинцы и белорусы, «Советский Союз является победителем в Польше», а «гитлеровская Германия идет к своему краху, и наступает время революционных сил. Как только созреют условия, Советский Союз подаст немедленно Западу руку помощи и обеспечит победу социалистической революции. Попытка интервенции в социалистическую (будущую) Германию окончится не

²⁰ АВП РФ. Ф.138 в. Оп.1. П.1. Д.2. Л.59–65.

²¹ Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК) [Передан Российскому государственному военному архиву (РГВА)] (далее – РГВА, ЦХИДК). Ф.501. Оп.3. Д.299. Л.132.

только полной победой немецкой революции, но и катастрофой западных империалистов». «Революции, победе Советов в Европе, – говорилось в циркуляре, – уже никто не воспрепятствует. Последняя победоносная для нас битва близится»²².

Ожидание близящейся советской помощи было характерно, видимо, не только для определенных слоев трудящихся в силу их солидарности с первой страной Советов, но и для представителей других групп населения, к примеру левой части интеллигенции и офицеров бывшей чехословацкой армии²³. Оккупанты, уловив это радостно-приподнятое настроение части чешского населения, отдали распоряжение находившейся под их полным контролем официальной чешской печати не писать «о русском вопросе» на первых полосах и обойтись без собственных комментариев событий. Были конфискованы некоторые выпуски пражских газет за произвольное их освещение. Оценочные статьи, одобренные немецкой цензурой, писали: «Россия и Германия, отодвинув на второй план идеологические разногласия, вступили на путь сотрудничества в интересах мира». Отмечалось, что новый советско-германский договор (о дружбе и границе от 28.09.1939. – *В.М.*) «является дальнейшим логическим шагом после пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом»²⁴.

Наряду с одобрительными оценками факта установления новых западных границ СССР частью чешской общественности, наличествовал и негативный взгляд на происшедшее. Так, например, некоторые функционеры бывшей социал-демократической партии расценивали это как угрожающее «наступление большевизма в Европе»; говорили о том, что «СССР предал борьбу против фашизма», что «диктатуры везде одинаковы» и т.д.²⁵ В упомянутом письме из Праги на московское радио говорилось о нарастании депрессии в связи с быстрым захватом гитлеровцами Польши и об «удивлении действиями Красной Армии». Сегодня можно грубо разделить население на два лагеря, констатировал корреспондент; представители одного утверждают, что Сталин надул Гитлера, что, в конце концов, СССР и Германия схлестнутся, что продвижение Красной

²² Там же. Л.384–388.

²³ АВП СССР. Ф.138. Оп.19. П.33. Д.5. Л.40.

²⁴ *Národní politika*. 29.09.1939 (установочная статья «Немецкий и русский народы»); *Naše zprávy*. 4.10.1939 (Передовая «Историческая веха»). См.: АВП РФ. Ф.138. Оп.19. П.33. Д.5. Л.72.

²⁵ АВП РФ. Ф.138. Оп.19. П.33. Д.5. Л.40; *Z počátků odboje 1938–1941*. Praha, 1969. S.101.

Армии направлено, прежде всего, против Гитлера. Этот лагерь, считал неизвестный автор письма, подписавшийся инициалами К.К., составляют рабочие и симпатизирующие СССР. Другой лагерь осуждает его действия, придерживаясь тезиса об оборонительном характере войны со стороны Англии, Франции и Польши. Это мнение, по словам автора письма, разделяет большинство чешского народа. Главная особенность сегодняшних настроений – или настроений с момента заключения пакта о ненападении – это смятение и потеря ясной ориентации, констатируется в корреспонденции. И хотя автор отмечает, что «многое тут исправила небывалая активность компартии», но в то же время подчеркивает наличие большого замешательства в ее рядах и среди рабочих²⁶.

В то же время, сообщая в НКВД о событиях в Праге 28 октября 1939 г., Яковлев писал: «В массах трудящихся, и в первую очередь среди рабочих и значительной части студенчества, идеологическая дезориентация по отношению к политике СССР кончилась... Большую роль в укреплении и возвращении симпатий к СССР сыграла наша национальная политика в Прибалтике²⁷ и выборы в Западной Украине и Западной Белоруссии. В руководящих кругах чехов происходит размежевание в отношении Германии. Премьер, генерал Элиаш, стал пользоваться репутацией ярого врага всяких уступок немцам... К нашему Генконсульству, охраняемому сильными отрядами полиции, прорвав кордоны, нахлынула многотысячная волна демонстрантов. Они неслись (буквально) к нашим воротам с пением национального гимна. Около здания консульства толпа хором кричала: "Да здравствует Сталин!", "Да здравствует СССР!", "Хотим к СССР!", "Долой Германию!" Полиция отгеснила толпу, размахивая резиновыми дубинками»²⁸.

Вера в помощь Советского Союза особенно усилились после присоединения к Советскому Союзу Западной Украины и Западной Белоруссии и установления новых западных границ СССР. К такому выводу пришел чешский историк Б.Пекарек, изучив содержание 933 листовок

²⁶ АВП РФ. Ф.138. Оп.19. П.34. Д.6. Л.72.

²⁷ Имелось в виду заключение соглашений о взаимной помощи между СССР и прибалтийскими странами, предусматривавших создание на территории Латвии, Литвы и Эстонии советских военных баз и размещение на них небольших советских военных контингентов. Соглашения были направлены против превращения территорий стран Балтии в плацдарм для нападения на СССР.

²⁸ АВП РФ. Ф.0138. Оп.20. П.130. Д.1. Л.156–161.

(в том числе 525 некоммунистических) и 55 подпольных газет различной политической ориентации, в том числе 21 некоммунистической и 5, в издании которых участвовали коммунисты и представители других политических течений. Для нелегальных некоммунистических изданий антисоветские настроения осенью 1939 года не были характерны²⁹.

В начале октября Чешские земли залила «листовочная волна», которая не спадала и в ноябре. Листовки, как коммунистические, так и некоммунистические, имели один характер: обращение за помощью к СССР (в первых) или к России (во вторых). В этих последних, адресованных «товарищам и славянам», высказывалась и мысль о присоединении Чехословакии к СССР в форме протектората: «мы – славяне и поэтому по праву требуем Протектората СССР»³⁰. Трудно сказать, какие настроения в чешском обществе тогда преобладали: прозападные или прорусские (просоветские). Во время массовых демонстраций 28 октября провозглашались лозунги: «Долой Гитлера!», «Да здравствует Бенеш!», «Хотим Сталина!» Наряду с национальным гимном «Где мой дом» и песней «Гей, славяне», пели «Интернационал» и гимн Советского Союза³¹.

Ясно одно, что симпатии к СССР, подорванные его новым внешнеполитическим курсом, начали постепенно восстанавливаться и среди той части чешского населения, которая утратила их. Об этом свидетельствовали не только советские и чешские, но и немецкие документы. В одном из них, сообщавшем о подготовке в Чешских землях к 21-й годовщине создания Чехословакии (28.10.1918. – *В.М.*), говорилось: «Массе чешского народа... свойственна надежда на освобождение к 28 октября, переход протектората к Советскому Союзу, возвращение президента Бенеша». В качестве характерного для настроений чешского населения приводился такой пример: 17 октября из города Табор ушла немецкая полицейская часть, и это явилось импульсом к демонстрациям, поскольку распространились слухи, что немцы покидают протекторат, а Красная Армия вступает в Чехию³².

О неоднозначных настроениях в стране была осведомлена чехословацкая эмиграция как в Москве, так и на Западе. 20 октября Фирлингер

²⁹ *Odboj a revoluce. Zprávy. 1969. №1. S.71.*

³⁰ *Ibid. S.76.*

³¹ *Z počátků odboje. 1938–1941. S.498.*

³² *Ibid. S.498.*

писал Бенешу: «Будет лучше, если мы станем сохранять публичную сдержанность в вопросе нашего отношения к Советскому Союзу», а 12 ноября подробно обосновал указанную позицию: «Хорошо бы избежать какой-либо критики советской политики и Советского Союза, который будет иметь в нынешних условиях сильное влияние на послевоенное устройство отношений в Центральной Европе»³³. Бенеш также не склонен был к скоропалительным выводам и по-прежнему предпочитал выжидательную политику. Новый внешнеполитический курс Москвы на сближение с Берлином, ставящий под угрозу успех дела восстановления Чехословакии, естественно, не мог вызвать симпатий экс-президента. Но он, как прозорливый политик, не верил в искренность советско-германской «дружбы», видя в действиях советского руководства лишь тактический шаг. Полагая при этом, что, в конечном счете, Гитлер не откажется от своей идеи похода на Восток, а Советский Союз займет свое место в едином с западными державами фронте борьбы против немецкого фашизма. 21 октября он сообщал в Прагу: «Что касается СССР, то предполагается, что он не вступит в войну на стороне Германии. Он будет проводить и далее свою нынешнюю политику, т.е. направленную на территориальные, политические и социальные перевороты в свою пользу. Мы ожидаем, что в данный момент он поставит перед Германией вопрос об уходе из Чехословакии (в чем экс-президент сильно ошибался. – В.М.)... Наша тактика должна состоять в поддержании равновесия между Англией, Францией, Россией и Америкой и должна содействовать тому, чтобы дело не дошло до возможного конфликта с Советами, как в 1918 году»³⁴.

В необходимости осторожности и сдержанности в оценках поворота во внешней политике СССР Бенеша убеждали и контакты с И.М.Майским. Осенью 1939 года они встречались еще несколько раз. Бенеш имел достаточно широкие связи в западных политических кругах, и для советского руководства, видимо, представляла интерес информация о реакции на новый внешнеполитический курс СССР не только чехословацких эмигрантских кругов, а вообще Запада. Во время беседы 21 сентября Майского помимо прочего интересовало и отношение Бенеша к вопросу о вступлении советских войск на польскую территорию. Согласно записи в дневнике посла, экс-президент отнесся к

³³ ČSVDJ. Díl 1. S.102; Fierlinger Z. *Ve službách ČSR. Díl 1. S.297, 305.*

³⁴ *Edvard Beneš: Vzkazy do vlasti. S.36.*

этому «с полным одобрением». Далее следовало: «Он понимает и целиком сочувствует нашей политике. СССР иначе не мог поступить. Он просит только об одном: устроить так, чтобы СССР имел общую границу со Словакией. Это очень важно. "Я не знаю, каково будет правительство в будущей свободной Чехословакии, – воскликнул Бенеш, – но это для меня и безразлично. Я не имею возражений против советского правительства. Лишь бы Чехословакия была свободна и независима. Лишь бы она избавилась от германского ига"»³⁵. В записи о беседе, сделанной Бенешем, ничего подобного нет. Скорее всего, с его стороны это был тактический ход, рассчитанный на получение поддержки СССР в деле создания чехословацкого правительства в эмиграции, поскольку ни Англия, ни Франция не проявляли особого желания положительно решить этот вопрос.

Встречался с Майским и Я.Масарик, будущий министр иностранных дел в чехословацком эмигрантском правительстве. Он так передавал Бенешу содержание разговора с советским послом 25 октября 1939 г.: «Хотя Майский был и очень осторожен в критике Германии, но было ясно, что он верит в ее разгром и что теперешняя акция России является временной и выжидательной тактикой»³⁶.

По всей видимости, на позиции Бенеша в ту пору оказывали влияние не только взгляды советского посла в Англии, но и позиция некоторой части английских политических кругов, близких к У.Черчиллю. Именно она была предпочтительнее для чехословацкого экс-президента, не доверявшего после Мюнхена Чемберлену и Даладье. Черчилль, назначенный в сентябре 1939 г. Лордом Адмиралтейства, военно-морским министром Англии, в то время склонен был к весьма взвешенной оценке внешней политики Советского Союза. Выступая по радио 1 октября, он говорил: «Россия проводила холодную политику собственных интересов... для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии... Я не могу вам предсказать, каковы будут действия России. Это такая загадка, которую чрезвычайно трудно разгадать, однако ключ к ней имеется. Этим ключом являются национальные интересы России»³⁷. 6 октября в беседе с Май-

³⁵ См.: *Марьина В.В. К истории советско-чехословацких отношений... С.113–114.*

³⁶ *ČSVDJ. Díl 1. S.91.*

³⁷ *Черчилль У. Вторая мировая война (сокращенный перевод с английского в 3-х книгах). Кн.1. М., 1991. С.205.*

ским Черчилль заявил, что «Гитлер должен быть уничтожен», а нацизм «сокрушен раз и навсегда». Его не смущала даже возможная большевизация Германии: «Лучше коммунизм, чем нацизм». Черчилль также считал, что действия Москвы в Прибалтике «соответствуют интересам Англии, ибо они сокращают возможный "лебенсraum" (жизненное пространство. – В.М.) Гитлера». «Если балтийские страны должны потерять свою самостоятельность, – заявил он, – то лучше, чтобы они включились в советскую, а не в германскую государственную систему. К тому же включение этих стран в орбиту СССР соответствует тенденциям истории и географии, а стало быть, стабилизации и миру в Восточной Европе»³⁸. Таково тогда было мнение будущего английского премьера, являвшееся следствием его абсолютного неприятия гитлеровского нацизма как «большого зла» и предпочитавшего коммунизм и советский строй как «меньшее зло». «Основные интересы Англии и СССР не сталкиваются, а совпадают, – говорил он Майскому. – Стало быть, есть база для добрых отношений между обеими странами. Бритпра (британское правительство. – В.М.) принимает ваше заявление о нейтралитете, как положительный факт, и только хотело бы, чтобы это был дружественный нейтралитет... Сталин сейчас играет большую игру и играет ее счастливо. Он может быть доволен. Но я не вижу, почему мы должны быть недовольны?»³⁹

Итак, представленные выше документы свидетельствуют, что резкое изменение внешнеполитического курса Советского Союза, вызвавшее, особенно в начале, недоумение, а также вступление Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, не оказали в целом негативного влияния на отношение чешского гражданского антифашистского лагеря к СССР. Возможная помощь ожидалась как с Запада (в связи с начавшейся войной), так и с Востока, особенно по мере того, как война западных держав стала обнаруживать свой «странный» характер. В письме, полученном Бенешем в ноябре 1939 года от одного из видных деятелей некоммунистического крыла движения Сопротивления, говорилось: «Вопреки пакту с Германией Россия у нас пользуется большой любовью. Пакт рассматривается как удавка, подготовленная Гитлеру русской стороной»⁴⁰.

³⁸ Цит. по: Марьина В.В. *К истории советско-чехословацких отношений...* С.117.

³⁹ АВП РФ. Ф.017 а. Оп.1. П.1. Д.6. Л.272–275.

⁴⁰ Janaček F. *Dva směry v začiatkoch národného odboja*. Bratislava, 1962. S.216.

Словацкий резонанс

Словакия, формально получившая из рук Гитлера 14 марта 1939 г. независимость, фактически сразу же утратила ее вследствие заключения с Германией 23 марта так называемого Охранного договора. «Концом самостоятельности Словакии» называл его позже советский посланник в этой стране Г.М.Пушкин⁴¹. Новоиспеченное государство оказалось абсолютно зависимым от рейха и вынуждено было следовать в фарватере его внешней политики. Формальная независимость Словакии нужна была Гитлеру для реализации его амбициозных планов установления «нового порядка» в Европе. Гитлер предполагал, используя словацкую территорию, усилить свое проникновение в Юго-Восточную Европу. Но это намечалось сделать несколько позднее. В 1939 году у Гитлера были еще «нерешенные» дела в Центральной Европе, и Словакия, как и Протекторат Богемия и Моравия, использовались Берлином для подготовки и нанесения удара по Польше.

24 августа словацкий премьер монсеньор Й.Тисо получил составленное в ультимативной форме предложение участвовать вместе с Гитлером в войне против Польши. Словацкая армия должна была быть подчинена Верховному командованию вермахта, а аэродромы освобождены для немецких самолетов. Одновременно Германия обещала в случае согласия Словакии с предложенным дать ей гарантии южных границ против Венгрии и возвратить территории, занятые год назад Польшей. Тисо принял это предложение, настояв и на возвращении территорий, отошедших к Польше в 1920 году. 1 сентября части словацкой армии вместе с германскими вооруженными силами вторглись на ее территорию. Это трактовалось как «кульминация справедливой борьбы за возвращение территорий», аннексированных Польшей в 1920 и 1938 годах⁴². Непопулярная в Словакии, хотя и ведомая под ирредентистскими и реваншистскими лозунгами, война завершилась присоединением к Словакии, с согласия рейха, территорий, отошедших к Польше в 1920, 1924 и 1938 годах, общей площадью в 600 кв. км с населением 45 тыс. человек⁴³.

⁴¹ АВП РФ. Ф.029. Оп.5. П.29. Д.42. Л.103.

⁴² Čierna-Lantayová D. *Pohlady na Východ (Postoje k Rusku v slovenské politike 1934–1944)*. Bratislava, 2002. S.91.

⁴³ АВП РФ. Ф.082. Оп.22. П.93. Д.8. Л.261; Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Уголовное дело Ф.Чатлоша. Протокол допроса

Сентябрь 1939 г. ознаменовался и новым курсом Советского Союза в «словацком вопросе». До этого СССР стоял на позициях непризнания ликвидации Чехословакии и создания самостоятельной Словакии. В Москве, как говорилось выше, продолжало функционировать чехословацкое посольство во главе с З.Фирлингером. После заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. чехо-словацкий вопрос стал для Москвы частью ее новой внешнеполитической ориентации. Официальные словацкие власти безоговорочно одобрили пакт и новую внешнюю политику СССР⁴⁴. Газета «Словенска политика» (*Slovenská politika*), орган словацкого правительства, 19 сентября писала с надеждой: «Немецко-русский пакт будет способствовать улучшению нашего международного положения»⁴⁵. Его подписание торжественно отмечалось в Братиславе. Однако некоторые представители словацких верхов, в том числе влиятельный министр иностранных и внутренних дел Ф.Дюрчанский и его окружение, ранее занимавшие открыто германофильские позиции, были недовольны усилившимся давлением Берлина на Словакию и считали, что пакт создает благоприятные условия для установления дипломатических отношений Словакии с Советским Союзом. Это, по их мнению, помогло бы созданию сильного противовеса германской политике полного овладения страной⁴⁶.

Сторонники налаживания отношений с СССР в Словакии (в верхах они группировались вокруг Й.Тисо и Ф.Дюрчанского) решились, по видимому, с согласия германского правительства, предпринять шаги, направленные на сближение с Советским Союзом. 14 сентября 1939 г. новый советский полпред в Берлине А.А.Шкварцев записал в своем дневнике: «Принял посланника Словакии Черняка (правильно: Чернак. – В.М.), Черняк поставил предо мной вопрос о признании нами Словакии и установления с ней дипломатических отношений... По его мнению, признание Словакии со стороны такой великой державы, как СССР, стабилизирует положение Словакии и содействует делу мира»⁴⁷. В тот же день телеграмма об этом предложении ушла в Москву. Шкварцев просил указаний и получил их от Молотова на следующий день,

Чатлоша от 11 декабря 1946 г.

⁴⁴ АВП РФ. Ф.138. Оп.19. П.33. Д.5. Л.8.

⁴⁵ Цит. по: Там же. Л.28.

⁴⁶ АВП РФ. Ф.0138. Оп.20. П.130. Д.1. Л.142–143.

⁴⁷ АВП РФ. Ф.082. Оп.22. П.93. Д.8. Л.223.

15 сентября, с грифом «совершенно секретно»: «Можете сообщить, что СССР согласен установить дипломатические отношения со Словакией»⁴⁸. Молниеносность ответа заставляет предположить, что этот вопрос широко не обсуждался советским руководством и решение принималось на самом высоком уровне, возможно только Сталиным и Молотовым. Этот шаг Москвы явился прямым следствием подписания советско-германского пакта о ненападении. Берлин в то время постоянно настаивал на ликвидации чехословацкого представительства в Москве, и Германия в тех конкретных условиях была заинтересована в признании Словакии со стороны СССР де-юре. Ведь фактически это означало отказ СССР от его негативной оценки расчленения Чехословакии в марте 1939 г., а также свидетельствовало об укреплении курса на советско-германское сотрудничество.

Москве признание Словакии де-юре тогда тоже казалось выгодным. Это давало возможность (по крайней мере, предположительно) противодействовать укреплению позиций Германии в регионе, небезразличном для интересов СССР. Речь В.М.Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. свидетельствовала, что Советский Союз не намерен допускать решения вопросов Восточной Европы без своего активного участия⁴⁹. Установление дипломатических отношений со Словакией было заявкой на активизацию советской политики в Юго-Восточной Европе, на Балканах. Однако Берлин вовсе не желал усиления влияния СССР в Словакии и боялся этого, не без основания полагая, что здесь традиционно сильны русофильские настроения. Но Советское руководство пока, видимо, даже не намеревалось широко афишировать свои отношения со Словакией. Официальных сообщений на этот счет не последовало, хотя Шкварцев 16 сентября 1939 г. пригласил к себе Чернака и передал ему содержание телеграммы Молотова. «Чернак встретил мои слова с большой радостью», – записал в своем дневнике советский посол⁵⁰. Германское информационное агентство немедленно оповестило мировую общественность о происшедшем. «Чехословацкий» Лондон, встревоженный этими сообщениями, попытался выяснить в Москве, так ли это. З.Фирлингер, посетивший НКВД 19 сентября, полу-

⁴⁸ ДВП. Т.ХХП: 1939 год. Кн.2. М., 1992. С.80, 82.

⁴⁹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т.2. М., 1992. С.352–353.

⁵⁰ АВП РФ. Ф.082. Оп.22. П.93. Д.8. Л.226.

чил ответ, что таких сведений не имеется⁵¹. Ни в сентябре, ни в октябре он не добился от наркоминдела никакой информации на этот счет.

Москва и Братислава готовились обменяться официальными представителями, что, наряду с «походом» Красной Армии на запад, занятием ею Западной Украины и Западной Белоруссии и быстрым приближением к словацким границам, инициировало рост славяно- и русофильских настроений (причем во всех слоях словацкого населения) и активизацию действовавшей в подполье коммунистической партии. В то же время ширились и антинемецкие настроения, о чем свидетельствовали документы самого разного происхождения. 21 октября Шкварцев принял Чернака и сообщил ему о согласии советского правительства на назначение в Москву в качестве посланника Ф.Тисо, родственника президента Словакии Й.Тисо⁵². Совнарком СССР 1 декабря 1939 г. принял решение об открытии Полпредства СССР в Словакии. 11 декабря словацкий посланник прибыл в Москву, а 14 декабря здесь прекратило существование чехословацкое посольство⁵³. Полномочным представителем СССР в Братиславе был назначен молодой дипломат Г.М.Пушкин⁵⁴.

Устойчивые славяно- и русофильские настроения, а также номинальная самостоятельность Словакии способствовали тому, что колебания в оценке крутой смены советского внешнеполитического курса здесь были незначительны. Указанному выступлению В.М.Молотова 31 октября, в котором Германия характеризовалась как миролюбивое государство, стремящееся к скорейшему окончанию войны, а западные державы осуждались, как инициаторы военных действий, «Словенская политика» (3.11.1939) посвятила передовицу под названием «Ясные слова из Москвы»⁵⁵. Но некоторые антисоветски настроенные слои населения оказались застигнутыми врасплох. «Пакт вызвал в Словакии смятение. Пактом многие недовольны. Особенно вооружены против пакта сельские попы, представляющие в Словакии реальную политиче-

⁵¹ АВП РФ. Ф.0138. Оп.20. П.130. Д.3. Л.46, 48.

⁵² АВП РФ. Ф.06. Оп.1. П.20. Д.215. Л.96, 103. – Согласно конституции государство с октября 1939 г. стало именоваться Словацкой республикой, а Й.Тисо получил пост президента.

⁵³ АВП РФ. Ф.06. Оп.1. П.20. Д.215. Л.55.

⁵⁴ О советско-словацких отношениях см. подробнее: *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным*. М., 1999. С.198–240.

⁵⁵ Čierna-Lantayová D. *Op. cit.* S.95.

скую силу и заявляющие, что они – стена против коммунизма», – говорил в беседе с Яковлевым 8 сентября 1939 г. словацкий поэт-коммунист Л.Новомески.

Оригинальное мнение о пакте, по словам Яковлева, высказал Новомескому шеф пресс-бюро словацкого правительства Я.Смрек, который «считает пакт важным и полезным», поскольку, дескать, «СССР намерен уничтожить компартии в Европе, но зато создаст общее полевание масс и этим добьется большевизации Европы». Ф.Дюрчанский и его окружение, как считал Новомески, использовали пакт в своих интересах: «Из министерства иностранных дел был немедленно изъят матерый враг СССР Гарин-Михайловский, работавший там референтом русского отдела. На его место теперь Дюрчанский пригласил Лацо Новомеского, заявляя, что это будет приятно русским. Круги Дюрчанского наивно сожалеют, что нет в Словакии бывшего коммунистического депутата Клементиса и коммуниста-поэта Понивана (правильно: Поничана. – В.М.). Они были бы хорошими послами Словакии для СССР».

Однако ортодоксальные коммунисты, по свидетельству Новомеского, сначала настороженно отнеслись к пакту: «Друзья СССР, – по его словам, – плохо понимают значение пакта и видят в нем направление курса политики СССР»⁵⁶.

Действующие в подполье коммунисты, единственная оппозиционная сила в стране, сначала действительно были несколько дезориентированы. К тому же именно тогда в компартии, включая и московское руководство КПЧ, возникли неясности в вопросе о будущем Чехословацкого государства. Если еще летом 1939 г. необходимость его восстановления не подвергалась сомнению, то осенью об этом уже речь не шла. В принятом в ноябре 1939 г. совместном Воззвании коммунистических партий Германии, Австрии и Чехословакии о возрождении последней не говорилось ни слова, но выдвигалось требование полного и свободного права «на самоопределение австрийцев, чехов, словаков и поляков»⁵⁷. В связи с созданием самостоятельного государства большинство коммунистов Словакии высказалось против лозунга «За свободную Словакию в свободной Чехословакии и в новой Европе», рекомендованного ранее московским руководством КПЧ. Считая, что этот лозунг в сложившихся

⁵⁶ АВП РФ. Ф.0138. Он.20. П.130. Д.1. Л.142–143.

⁵⁷ *Rudé právo*. 1939–1945. Praha, 1971 [Переиздание номеров газеты с комментариями]. S.65–66.

условиях не будет поддержан и поэтому «не годится для Словакии», они выдвинули требование борьбы «За свободную Словакию, против немецких оккупантов». А осенью 1939 года в связи с присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР и приближением его границ к Словакии стал появляться лозунг «За советскую Словакию», получивший более широкое распространение несколько позднее и осужденный московским руководством КПЧ как сектантский. Однако от поддержки требования восстановления Чехословацкой Республики оно также решило отказаться. Это затем и было сформулировано в депеше (март 1940 г.), направленной Готвальдом в страну: «Наши предвоенные лозунги следует изменить. Лозунг "восстановления Чехословакии" сегодня скрывает империалистические и антисоветские планы. Национальный вопрос сегодня стоит иначе, сводится к проблеме чехов и словаков. Мы решительно подчеркиваем, что для нашей партии действителен лозунг о полном праве на самоопределение для чехов и для словаков. Право на самоопределение означает право на самостоятельное государственное существование. Для чехов – бороться за восстановление национальной и государственной свободы. Для словаков – бороться за полный суверенитет нынешнего Словацкого государства. Борьбой за право наций на самоопределение отличается наш путь от пути мирового империализма и Бенеша... Поэтому следует отказаться от старых лозунгов в отношении Словакии. Словацкое государство – реальная основа для борьбы за полную свободу словаков. Будущие отношения между чешским и словацким государствами являются вопросом самоопределения обоих народов и зависят от военных событий (и результатов – дописал Г.Димитров, ознакомившись с текстом). Термин Чехо-Словакия следует толковать в этнографическом смысле и как выражение освободительного движения обоих народов»⁵⁸.

«Западный поход» Красной Армии изменил настроения коммунистов и породил надежды на ее быструю помощь в деле освобождения словацких трудящихся от ярма эксплуататоров. Прорусские настроения в Словакии осенью 1939 г. весьма усилились и охватили довольно широкие слои ее населения. Распространялись слухи, что вскоре Советская Россия займет бывшую Подкарпатскую Русь, Словакию, Моравию и Чешские земли («эти земли славянские, а славяне все должны быть

⁵⁸ *Děpeše mezi Prahou a Moskvou 1939–1941 // Příspěvky k dějinám KSČ. 1967. №3 (далее – Děpeše). S.412–413.*

вместе»). В одной из коммунистических листовок приветствовалось установление советской власти в Западной Украине: «Это – гениально продуманная политика великого Сталина... Именно эта политика вынудила первый раз отступить Гитлера, отказаться от востока и повернуть оружие против своих западных капиталистических союзников». Словацкий народ, говорилось в листовке, «от всего сердца приветствует праздник освобождения Западной Украины. Эта победа утверждает и словацкий народ в надежде, что придет и его день»⁵⁹.

Установление дипломатических отношений с СССР приветствовалось большей частью словацкого общества. На позитивном отношении к СССР словаков (кроме, может быть, немногочисленных тогда сторонников Бенеша) не повлияли, насколько известно автору из имеющихся в его распоряжении документов, ни советско-финская война, ни ликвидация чехословацкого представительства в Москве, чего нельзя сказать о настроениях чехов и чехословацкой эмиграции на Западе.

Советско-финская война

30 ноября 1939 г. СССР начал войну против Финляндии. Мировое общественное мнение было на стороне обороняющихся финнов, вооруженные силы которых оказывали яростное сопротивление частям Красной Армии. Мир захлестнула волна антисоветских настроений. 3 декабря представитель Финляндии в Лиге Наций потребовал созвать ее заседание для осуждения советских действий. Созданный в Париже Чехословацкий национальный комитет (ЧНК) во главе с Бенешем оказался перед нелегким выбором: участвовать в решении вопроса или отказаться от этого. На заседании комитета 7 декабря Рипка изложил мнение Бенеша. Последний считал необходимым осмотрительно подойти к принятию решения, поскольку «в будущем мы могли бы оказаться в достаточно неприятной ситуации хотя бы по отношению к России»⁶⁰. Слова Рипки дополнил генерал Р.Виест: «Д-р Бенеш сказал, что Заседание [Лиги Наций] выскажется против советской России, нейтралы будут скорее всего молчать, а мы оказались бы в ситуации только против России»⁶¹. Принятое единогласно и направленное в Совет Лиги Наций «ди-

⁵⁹ Slovenský Národný archív. Bratislava. Štátné zastupiteľstvo (ďalej – SNA). Sg.5664/1939.

⁶⁰ Напомним, что тогда еще существовало чехословацкое представительство в Москве.

⁶¹ Цум. no: Němeček J. Československý zahraniční odboj a sovětsko-finská válka 1938–1940 // Moderní dějiny. Sborník k dějinám 19. a 20. století. 3. Praha, 1995. S.146.

пломатическое» решение ЧНК содержало извинения за невозможность по техническим причинам принять участие в заседании. В радиограмме на родину 8 декабря 1939 г. Бенеш сообщал: «В женевском заседании ЛН (Лиги Наций. – В.М.) ЧСР не участвует... Обсуждение на заседании сведется к выступлению против России за ее нападение на Финляндию. По тактическим соображениям мы избираем тактику осторожную и выжидательную»⁶². Совет Лиги Наций исключил СССР из ее членов. Таким образом, Бенеш, по сути, остался верен своей политике: осторожность и недопущение каких-либо действий, которые могли бы быть истолкованы как враждебные по отношению к СССР и негативно повлияли бы на его позицию в чехословацком вопросе.

Не поддался Бенеш и на давление, которое оказывалось на него в связи с развернувшейся на Западе, и особенно во Франции, антисоветской кампанией. Раздавались требования отправить на помощь Финляндии, где уже находились польские части, и чехословацкие войска. В ЧНК этот вопрос не обсуждался, но в печати появлялись (и, видимо, немало) заявления с резкой критикой политики СССР и в поддержку Финляндии. Находящийся в Англии чешский публицист К.Б.Палковский, в прошлом вице-председатель Общества культурных и экономических связей с новой Россией, в связи с этим писал Бенешу в январе 1940 г.: «Прошу Вас, не можете ли Вы воспрепятствовать тому, чтобы хоть немного оставили Советский Союз в покое, мы будем в нем когда-нибудь опять нуждаться. Приватно каждый может восхищаться Финляндией, как хочет. Я ею также восхищаюсь и желаю ей всего наилучшего, чтобы из всего этого счастливо вышла, но не следует об этом постоянно оповещать мир»⁶³. Оправдывал действия СССР, опираясь при этом на советскую аргументацию их необходимости, Фирлингер⁶⁴. В официально сдержанной позиции в отношении советско-финской войны могли, по мнению Я.Немечека, играть роль и иные мотивы, кроме желания на всякий случай не раздражать Москву: все скандинавские страны после 15 марта 1939 г. заняли негативную позицию в вопросе дальнейшего существования чехословацких представительских учреждений. Первую скрипку в этом играла именно Финляндия, которая сразу же

⁶² *Edvard Beneš: Vzkazy do vlasti. S.42.*

⁶³ *Němeček J. Op. cit. S.149.*

⁶⁴ *Fierlinger Z. Op. cit. Dil 1. S.305–308.*

заявила о недействительности чехословацких паспортов и ликвидации чехословацкого постпредства⁶⁵.

В эмигрантской печати на Западе появилось немало статей, осуждавших СССР и выражавших поддержку, хотя и символическую, Финляндии. Заодно резкой критике подвергалась политика Коминтерна и коммунистов. Можно констатировать, что среди чехословацкой политической эмиграции на Западе не существовало единства мнений в оценке советско-финского конфликта, но официальная позиция ее руководства в лице ЧНК и Бенеша всегда оставалась сдержанной. О том, как часть чехословацких эмигрантских кругов на Западе в действительности оценивала советско-финскую кампанию, свидетельствует послание на родину «СССР и Финляндия» (без подписи) от 14 марта 1940 г. «Если даже делать осторожные выводы, – говорилось в нем, – то советская военная кампания против Финляндии показала, что СССР плохо подготовил эту кампанию, т.е. что выбрал для нее плохое время с военной точки зрения, и что он просчитался, полагая, что Финляндия подчинится нажиму так, как это сделали другие государства под немецким нажимом... Советские военные операции против Финляндии не оправдали надежд и с военной точки зрения. Еще при вступлении советских войск на оккупированную территорию Польши раздавались критические голоса, касающиеся недостатков в организации советской армии, а также узкой и односторонней подготовки советского офицерского корпуса. Эти недостатки были также причиной неудач советских войск на финском фронте. С одной стороны находилась малая армия, но хорошо подготовленная, во главе с хорошим офицерским корпусом и защищавшая свою землю с энтузиазмом, в то время как с другой стороны советская армия наступала без воодушевления, и на всех ее действиях явно сказывались организационные недостатки и слабость командования. С трудом достигнутые успехи оплатил СССР огромными потерями»⁶⁶. Эта оценка, скорее всего, исходила от представителей военных кругов чехословацкой эмиграции и была достаточно объективна, совпадая в основных чертах с суждениями современных российских исследователей проблемы.

Сдержанно оценивала войну в связи с указаниями цензуры и официальная пражская печать, хотя в сообщениях некоторых изданий о собы-

⁶⁵ *Němeček J. Op. cit. S.150.*

⁶⁶ *Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943. Díl 1. Praha, 1966. S.88.*

тиях в Финляндии просматривались антисоветские тенденции, а большинство газет выражали симпатии к ней помещением информационных статей об этой стране⁶⁷. Советский генконсул в Праге сообщал в секретариат В.М.Молотова 29 января 1940 г.: «Настроение большинства чешского населения находится под влиянием англо-французской пропаганды. Московские радиопередачи на чешском языке не имеют прежнего влияния, и почти все чешские радиослушатели принимают лондонские и парижские передачи на чешском языке... Антисоветская пропаганда этих радиостанций имеет широкое распространение, и антисоветские настроения начинают проникать не только в мелкобуржуазные слои, но также в слои чешского рабочего класса... в вопросе финляндского конфликта отдельные слои рабочих стоят против коммунистов. Многие рабочие уже поняли сущность финляндского конфликта, но тот факт, что они не видят "быстрых успехов" Красной Армии, и усиленная антисоветская пропаганда с Запада удерживают в их сознании скептическое отношение к СССР и даже антисоветские настроения»⁶⁸.

На страницах подпольной «Руде право» в это время появились статьи, резко критикующие развернутую на Западе антисоветскую кампанию. Советско-финская война воспринималась коммунистами не как локальный конфликт, а как начало столкновения между социализмом и капитализмом. В статье «Красная Армия освобождает Финляндию» (начало февраля 1940 г.) говорилось о помощи, которую «Советский Союз оказывает тяжело угнетаемому финскому народу против клики империалистических агентов, помещиков и капиталистов», приветствовалось установление правительства «выдающегося деятеля Коммунистического Интернационала, бывшего профессора хельсинкского университета Отто Куусинена», выражалась надежда на победу финского народа и Красной Армии. Было опубликовано приветствие ЦК КПЧ правительству финской демократической республики⁶⁹.

Определенные колебания в оценке советско-финской войны, видимо, наблюдались в Словакии. Об этом, в частности, свидетельствовала листовка Коммунистической партии Словакии, озаглавленная «О чем идет речь в Финляндии» и обращенная к прогрессивным, но «недостаточно разбирающимся в империалистической демагогии словакам». Говори-

⁶⁷ АВП РФ. Ф.01386. Он.1. П.1. Д.2. Л.22.

⁶⁸ Там же. Л.5.

⁶⁹ *Rudé právo. 1939–1945. S.53–55.*

лось о двоякого рода неясностях. Во-первых, почему СССР использовал вооруженные силы против Финляндии? Во-вторых, почему он не проявляет в Финляндии достаточную инициативу и напористость, излишне затягивая решение финского вопроса? Последнее «наносит удар по престижу Советского Союза и вредит доброму имени Красной Армии».

Далее следовали разъяснения по этим вопросам с позиций классового подхода, излагались аргументы СССР и его предложения Финляндии, оцененные как справедливые, оправдывалась неспешность действий Красной Армии. «Но пусть никто не сомневается в том, – говорилось в листовке, – что Красная Армия оправдывает возлагаемые на нее надежды. Ясно, что если это потребуется в интересах революции, то она в полной мере проявит свою легендарную мощь и свои блестящие способности». Подчеркивалось, что в Финляндии «устанавливается социалистический строй, строй братства народов, вечной свободы и счастья»⁷⁰. О «благородных» и «справедливых» действиях Советского Союза «по отношению к малому народу» говорилось и в листовке, распространяемой в Жилине в декабре 1940 г.⁷¹

Открыто враждебную позицию по отношению к СССР заняла сначала нелегальная газета левой части некоммунистического чешского Сопротивления «В бой». В начале декабря 1939 г. она писала: «Россия, чтобы оправдать войну, использовала нацистскую терминологию... Мы симпатизируем Финляндии. Мы избавились от последней дружеской привязанности к России. Наш идол – славянская держава – завоевывает мир таким же способом, как пангерманизм». Затем следовали размышления о том, как будет развиваться советская политика и не дойдет ли дело до союза Германии и СССР с целью дальнейших завоеваний. Но были и более сдержанные оценки.

В январском (1940) номере той же газеты делалась попытка без инвектив разобраться в причинах ориентации Советского Союза «на дружбу» с Германией. И немалая вина в этом возлагалась на политику западных держав («...английские капиталисты дождались союза Германии и России, хотя этого никогда не ожидали. За ошибки английских капиталистов будет расплачиваться весь мир. Проверка русской силы в Финляндии пока свидетельствовала не в пользу России, и... Англия Россию уже не опасается. Она организует теперь все государства, чтобы

⁷⁰ SNA. AÚML ÚV KSS. F. ÚV KSS. A.j. 30.

⁷¹ Ibid. PR karton 359. Sg.147/64.

после сведения счетов с Германией могла противостоять большевистской России»). В февральском номере (1940) газеты появилась небольшая, но резкая заметка о ликвидации чехословацкого полпредства в Москве и признании Советским Союзом Словацкого государства де-юре, из чего делался вывод о признании Москвой оккупации Чехословакии: «Это, видимо, излечит последних большевиков у нас, если еще не излечило нападение на маленькую Финляндию и союз (СССР. – В.М.) с Германией».

Но оценки газеты не отличались стабильностью в своем отношении к СССР: негатив сменялся позитивом, инвективы – надеждой на помощь. В мартовском номере (1940), с одной стороны, Советский Союз осуждался за жесткие условия мира с Финляндией, которые отдали эту «изувеченную» страну «на милость Советам», проводились параллели с мюнхенской политикой Германии в отношении Чехословакии. С другой стороны, выражалась надежда, что СССР все же не является союзником Германии, а, наоборот, выжидает подходящего момента для столкновения с ней: «Удовлетворение Советов тем, как сегодня гарантирована защита Ленинграда, свидетельствует не об антифинской или антишведской, а об антинемецкой позиции»⁷².

Таким образом, для чешской некоммунистической нелегальной печати была, скорее всего, характерна критичность в отношении советско-финской войны, особенно на первом ее этапе, чередующаяся со стремлением понять истинные причины внешней политики СССР и надеждой на то, что он, в конце концов, выступит против Германии и сыграет важную роль в освобождении Чехословакии. В депеше, полученной Готвальдом из Праги после заключения мира с Финляндией, говорилось: «Мирный договор с Финляндией здесь имел широкий отклик и вызвал большие симпатии к Советскому Союзу»⁷³. Эти мотивы усиливались параллельно с развязыванием Гитлером войны на Западе и стали очевидными после падения Франции.

⁷² См.: *Odboj a revoluce. Zprávy. 1969. №1. S.77–80 (Исследование В.Пекарека об освещении в некоммунистической печати 1938–1945 гг. отношения к СССР).*

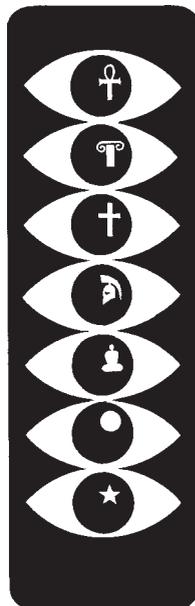
⁷³ *Depeše... S.414.*

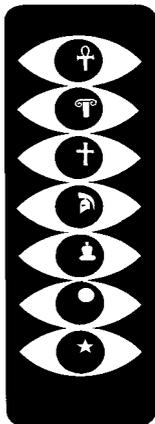
Что человек не входит в запланированный порядок существования, очевидно уже из того, что сам этот порядок расщеплен на противоположности. ... Организация разрушила бы то, что она стремится обеспечить для человека как человека, если бы противоположные силы не держали ее в узде. Государства типа пчелиных ульев мыслимы в качестве статичных образований, повторяющихся любым образом; человеческое же существование – только как историческая судьба отдельного человека и человечества в целом, как необозримый путь технических завоеваний, экономической деятельности, политических систем.

Карл Ясперс

Политическое «зло» – это, собственно говоря, безумие величия, то есть безумие того, что велико, это – Величие и виновность власти! Следовательно, уклоняясь от политики, человек с неизбежностью утрачивает свою человеческую сущность. История и политика ставят человека лицом к лицу с его собственным величием и собственной виновностью.

Поль Рикер

Владимир Лапин

ИСТОРИЯ РОССИИ В РАМКАХ ВОЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ XVII–XXI ВВ.¹

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

In the history of Russia the military factor was exceptionally important virtually in all branches: in economics, in domestic and foreign policies, in social organization as well as in Russians' self-perception. During last three centuries Russia had to sustain a difficult race in the sphere of military technologies in order to retain its great power status and the opportunity to follow its own way. The author analyzes the domestic socio-cultural realities' impact on the process.

Ключевые слова: история России XVII–XXI вв.; военные технологии; военно-техническая мысль; военная промышленность.

E-mail: history@eu.spb.ru

¹ Продолжение. Начало см.: Россия и Европа: погоня на поле технологий // Россия XXI. 2009. №4.

В знаменитом произведении Томаса Мора «Золотая книга, столь же полезная, как забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», есть слова о реакции людей на технические новинки: «Военные машины они (жители Утопии. – *Ред.*) изобретают очень искусно, а после сооружения тщательно прячут, чтобы не обнаружить их раньше, чем они понадобятся, и через это не сделать их скорее предметом насмешки, чем пользования»². Подобно человеку, каждый механизм, порожденный его знанием, проходит период младенчества, детства, юности, зрелости, старости и дряхлости. Как трудно бывает понять, оправдает ли надежды родителей будущий создатель механизмов, так же трудно бывает определить, что же в конце концов получится из машины. Но если свойственные возрасту глупости и слабости маленького человечка воспринимались как должное, то изъяны машины, делающей свои первые шаги, часто вызывали нетерпимую реакцию со стороны тех, от кого зависела судьба изобретения. Нелепого вида железные коробки, медленно ползущие на гусеницах, дали много поводов для шуток, но уже через несколько лет никто не веселился при виде надвигающегося танка. В 1910–12 гг. даже горячие поклонники аэропланов не верили в то, что всего через три десятилетия потомки парусиново-фанерных «стрекоз» будут стирать в пыль города, топить линкоры и загонять самую бравую пехоту, как мышей, в земляные норы.

Вся история человечества свидетельствует о том, что пиком инженерной мысли было, образно выражаясь, острие копья. Подавляющее большинство новшеств находило себе применение прежде всего в военной области и порождено было потребностями воинов.

ГДЕ НАЙТИ СИЛУ ДЛЯ УДАРА?

В эпоху холодного оружия главным источником энергии, используемой в военном деле, была мускулатура человека. Вся военная технология до начала XVI столетия – решение проблемы острого дефицита энергии. Ограниченные физические возможности среднего человека стимулировали появление и развитие колюще-режущих и дробящих орудий. Эффективность первых достигалась концентрацией усилий на максимально ограниченной поверхности за счет остроты наконечника или лезвия, а вторых – за счет аккумуляции энергии в утяжеленной боевой части (палица, цеп). Все метательные машины этой эпохи – от примитивного лука до громадных ката-

² Мор Т. *Золотая книга, столь же полезная, как забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии*. М.; Л., 1935. С.180.

пульт – также посылали в цель свой смертоносный снаряд исключительно за счет той энергии, которую в них «заряжали» человеческие мышцы, сгибаая упругий лук или приводя в движение противовес баллисты.

Холодное оружие с древнейших времен и до наших дней не претерпело принципиальных изменений: совершенствовалась техника обработки металла, вырабатывалось представление об оптимальном весе и размере меча или копья, о форме клинка или наконечника. То же самое можно сказать и о защитном вооружении (щиты, шлемы, латы и т.д.). Ухищрения кузнецов позднего Средневековья похожи на разработки современного спортивного инвентаря. Подобно тому, как его качество в полной мере проявляется только в соревнованиях профессионалов высшего класса, когда каждый грамм может иметь значение, минимальные различия в конструкции оружия могли сказаться только в единоборстве воинов, равных по силе и по мастерству. Причудливые орудия XIV–XV вв., как акриловые костюмы пловцов XXI в., не стали массовыми: в них нуждались только избранные мастера, способные приобрести такие недешевые штучки.

Античность не дала примеров таких изысков в сфере вооружения, хотя дефицит энергии в военном деле не мог не ощущаться. Одним из объяснений этого может служить принципиальная разница античного и средневекового военного строя: греко-римские военачальники использовали сплоченный строй как средство концентрации и аккумуляции энергии каждого отдельного бойца. Средневековое войско было не более чем сумма бойцов-одиночек. Мощь удара сплоченной массы была оценена еще в глубокой древности, но только римляне сделали эту мощь по-настоящему управляемой благодаря дисциплине и манипулярному строю своих легионов. В позднее Средневековье и в начале Нового времени произошел возврат к античным тактическим принципам. Умелое использование огромной ударной силы сплоченных и дисциплинированных масс пехоты позволило, например, швейцарцам закрепить за собой реноме непобедимых солдат.

Важным шагом на пути преодоления энергодефицита стало изобретение стремени. Всадник, получив три точки опоры, приобрел немислимую ранее устойчивость. До этого времени удар копьём был невозможен по законам физики (сила действия равна силе противодействия): воин просто слетал с лошади. Гораздо удобнее было действовать мечом и стрелять из лука. Стремя позволило эффективнее использовать огромную энергию лошади. Стремя оказалось тем самым связующим механизмом, который воплотил идею кентавра: соединение мощи и скорости боевого коня с разумом и боевыми навыками воина. После изобретения

стремени так называемый «ударный» метод боя становится превалирующим. Тому есть дополнительные объяснения: во-первых, в Европе того времени произошли заметные антропогенные изменения ландшафта. Под луга и пашни была расчищена достаточно большая территория, дававшая простор для действий тяжеловооруженной кавалерии. В странах, где лес достаточно быстро отвоевывал свои позиции, у рыцарей не было места, чтобы «расскакаться». Рыцарство должно было дожидаться своего ландшафта.

В средневековой Руси особенности ландшафта и демографическая ситуация исключали применение тяжелой кавалерии из военно-технологического арсенала. Лесные массивы, болота, обилие ручьев и малых рек, отсутствие значительных открытых пространств делали конницу малоэффективной в бою и крайне уязвимой на марше. Сказывалась и малая плотность населения, его высокая подвижность: селяне легко могли покинуть свои жилища и построить новые в безопасном месте, не принимая вынужденного боя с заведомо более сильным и лучше вооруженным противником. В России не сформировалось воинской культуры европейского типа со всеми вытекающими отсюда последствиями.

СТРАШНЫЕ И НЕСТРАШНЫЕ ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ

В эпоху холодного оружия в принципе не существовало технических военных секретов, шпионы охотились за планами военных действий, за сведениями о расположении, численности и передвижениях войск, о качестве выучки ратников, о взглядах влиятельных лиц на возможность развязывания конфликта. Фактически до начала Второй мировой войны правильнее было бы говорить о военных сюрпризах, чем о военных секретах. Когда французы в 1854 г. привели к крепости Кинбурн батареи, покрытые металлическими щитами, русские артиллеристы оказались в растерянности: чугунные ядра, как мячики, отскакивали от неприятельских кораблей. Но для того, чтобы дать «симметричный ответ», русским кораблям потребовалось всего несколько месяцев. Огромные потери российских войск от огня нарезных ружей в той же Крымской войне объясняются вовсе не тем, что превосходство винтовок над гладкоствольными мушкетами не было известно ранее, или тем, что пули Минье в форме островевого колпачка являлись бог знает каким шедевром европейской инженерной мысли. Просто руководство военного ведомства при Николае I со всей откровенностью закаленных строевиков презирало все эти «игрушки», полагая, что чудо-богатыри все эти фокусы перечеркнут своим штыком-

молодцом. Во время осады Севастополя французами и англичанами в 1854–1855 гг. появились слухи о намерении союзников применить какие-то «вонючие бомбы». Основой для таких слухов стали известия об опытах по использованию удушающих газов и зажигательных снарядов. В первом случае британский фабрикант по фамилии Макинтош предложил сжечь в непосредственной близости от русских береговых батарей специальные суда, загруженные горючей смесью, образовывавшей большое количество удушливого дыма. По его замыслу этот дым должен был проникнуть в форты через амбразуры и буквально выкурить их гарнизоны. В те времена еще не были изобретены боевые отравляющие вещества типа фосгена или хлора, но токсичное действие даже обычного порохового дыма испытали на себе многие корабельные и крепостные артиллеристы. При интенсивной стрельбе и отсутствии ветра в казематах и на артиллерийских палубах нередко создавались невыносимые условия для людей, и они выскакивали наружу под пули и осколки в поисках свежего воздуха. Английский адмирал Дендональд даже произвел расчеты: для отравления защитников Севастополя требовалось сжечь смесь из 2000 тонн угля и 500 тонн серы. Одной из причин того, что британцы отказались от применения такого средства, стало их опасение вскоре получить такой же ответ. Специальная секретная комиссия пришла к выводу: изобретение «...заключает в себе силу произвести то всесокрушающее истребление, которое изобретатель ему приписывает, но очевидно, что эта сила не может быть исключительно удержана за Англией, ибо первое приложение ее откроет принцип и способ применения его».

В 1914–1915 гг. Англия с неприятным удивлением узнала, что морские мины заграждения, которыми она до того времени пренебрегала, являются весьма эффективным оружием. Отставание в этой сфере было ликвидировано в считанные месяцы, поскольку для британской промышленности массовое производство таких смертоносных изделий не было сложным. Главное было получить чертежи и выяснить важность работы.

Стремительный рост наукоемкости военной техники во второй половине XX – начале XXI столетия ввел в разряд военной тайны не только тактико-технические возможности вооружений, но и устройство приборов и механизмов, принцип их действия, материалы, из которых они изготавливались. Поэтому, начиная с 1940-х годов, ведется настоящая охота за образцами техники вероятного противника. Разбитые самолеты и танки, даже отдельные их детали являлись ценной добычей специальных разведывательных групп.

Изобретение и распространение огнестрельного оружия, несмотря на все несовершенство первых аркебуз и бомбард, было подлинной революцией в военном деле. Отныне разрушительное действие осуществлялось за счет энергии, высвобождавшейся в зарядной камере в момент выстрела. Посылая противнику мушкетную пулю весом 15–20 граммов, стрелок использовал энергию, достаточную для того, чтобы в течение нескольких минут махать пятикилограммовым мечом. Полупудовое ядро наносило удар в крепостные ворота с силой тарана, к которому прилагали свои усилия сотни человек.

Мушкет давал его обладателю огромные преимущества, но сложность заряжания делала его непригодным для конницы. Усовершенствование ручного огнестрельного оружия (ударно-кремнёвые, капсульные замки) не изменили ситуацию. До внедрения магазинных винтовок и многозарядных револьверов малая скорострельность и хлопотливость заряжания оставались непреодолимыми препятствиями на пути обеспечения огневой мощи кавалерии. Энергетическая «слабость» автоматически отодвинула конницу на второй план. Отныне военный потенциал владельцев зависел от того, сколько простолюдинов оно сумеет поставить под ружье, вооружить и прокормить. Это имело колоссальные социокультурные последствия, выразившиеся прежде всего в формировании и укреплении централизованных государств. Сбор денег на содержание постоянной армии послужил толчком к складыванию системы государственных учреждений. Так называемая «регулярность» армий Нового времени (стабильная организация войск, их деление на постоянные тактические единицы, систематические учения, отрыв военных от производственной деятельности, унифицированное вооружение и обмундирование и т.д.) сама по себе являлась частью военной технологии. Важнейшим технологическим компонентом здесь была дисциплина – четкая и беспрекословная иерархическая система подчинения и руководства.

В России переход к регулярной армии произошел со значительным запозданием. Здесь, по нашему мнению, наибольшую роль сыграл военно-стратегический фактор. В XVI–XVII вв. Россия сосредоточила свои усилия на борьбе с татарами, турками и поляками, в которой дворянская конница, составлявшая основу царского войска, демонстрировала приемлемую боеспособность. При этом столкновения с европейскими воинскими формированиями заканчивались неудачами. В 1612 г. 400 немецких наемников, входивших в состав армии Лжедмитрия I, устроили в Москве многочасовую резню, потеряв всего восемь человек³. Другие

³ Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Моско-

примеры явного превосходства регулярных войск над ополчениями всех видов заставили царя Алексея Михайловича учредить так называемые полки нового строя, обучавшиеся на европейский манер. Однако это не привело к созданию современной армии, поскольку солдаты в мирное время распускались по домам и в повседневных заботах утрачивали привитые навыки. Тем самым происходило не компенсируемое ничем отступление от технологических норм регулярных армий, служивших для россиян примером. Действительно новую армию создал уже Петр Великий, государственные преобразования которого историки напрямую связывают с потребностью обеспечения вооруженных сил⁴.

Поражающим фактором огнестрельного оружия до середины XIX века была кинетическая энергия пули или ядра, приобретенная в момент выстрела. Снаряд двигался по определенной траектории, во многом совпадающей с линией канала ствола, из которого его выпустили. Поражение цели достигалось только в том случае, если эта цель оказывалась на этой самой траектории. Человек, оказавшийся в двух метрах от места падения ядра, был в такой же безопасности, как человек, находившийся на другом материке. Ошибка в направлении прицеливания всего в один градус при стрельбе всего на один километр уводила снаряд на несколько десятков метров от цели. Поэтому бомбардировка ядрами являлась эффективной только при стрельбе по крупномасштабным и неподвижным предметам. Обязательным условием была открытость позиции: наводчик должен был своими глазами видеть, куда он направляет пушку. Ядро действовало на цель с силой, не превышающей ту кинетическую энергию, которую оно получало в момент выстрела. Увеличение калибра имело свои пределы из-за трудностей манипуляций с циклопическими ядрами, необходимостью отливки исполинских орудий, малой эффективностью таких пушек (двухпудовое ядро, падавшее в пяти шагах от цели, было столь же безвредно, как и двухфунтовое.). Порох, которым начиняли бомбы, являлся слабой взрывчаткой. Для подрыва вражеского бастиона в минные галереи его закладывали по несколько десятков пудов. Н.И.Пирогов подсчитал, что 2000 бомб, попавших в Камчатский редут, ранили 60 и убили 20 человек⁵. Другими словами, для того, чтобы вывести из строя одного защитника Севастополя во время Крымской войны 1853–1856 гг., союзникам надо было произвести 33 выстрела из пушки или мортиры. До изобретения надежных и безопасных взрывателей в последней трети XIX столетия основ-

виш. М., 1997. С.173.

⁴ См.: Анисимов Е.В. *Податная реформа Петра I. Л.*, 1982.

⁵ Николай Иванович Пирогов в Севастополе // *Русская старина*. 1885. Т.47. С.294.

ным способом воспламенения заряда бомбы являлся вставленный в нее фитиль, который назывался трубкой, поскольку действительно представлял собой цилиндрическое отверстие, заполненное горючим составом. Рассчитать точно длительность горения трубки не представлялось возможным, и потому в большинстве случаев между падением бомбы и ее взрывом проходило несколько секунд, сколько – никто не знал. Храбрецы, рискуя жизнью, могли обезвредить прилетевшую к ним смерть, погасив каким-то образом горящую трубку. В Севастополе появился даже особый вид молодечества – обезвреживание неприятельских бомб.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ – НОВОЕ ЛИЦО ВОЙНЫ

Появление эффективных разрывных снарядов в последней трети XIX в. одновременно с внедрением скорострельных и дальнобойных винтовок произвело очередную военнотехнологическую революцию. На полях сражений это привело к коренным изменениям в тактике: только рассредоточение, использование естественных и искусственных укрытий спасало живую силу от неминуемого уничтожения. Появление на рубеже XIX–XX столетий пулеметов еще и усилило эту тенденцию. До внедрения скорострельного оружия и разрывных снарядов основной тактической идеей было сосредоточение живой силы, чтобы компенсировать вышеуказанный энергодефицит, а после того, наоборот, рассредоточение, чтобы избежать поражения этой энергией.

Другим важным следствием применения разрывных снарядов вкупе с повышением дальнобойности артиллерии стало резкое увеличение числа жертв среди мирного населения. При нанесении удара мечом или копьем воин ясно видит того, кого он поражает. Стрелок, посылающий пулю в противника, как правило, не видит его лица, но различает его униформу или по различным признакам определяет, что его цель – солдат враждебного государства. Артиллерист, который посылает на несколько километров снаряд, поражающий взрывной волной и осколками всех в радиусе нескольких метров или даже десятков метров, при всем своем желании не может знать, кого он отправил на тот свет – военного или гражданского. Появление же в 1940-е годы систем залпового огня, когда все живое уничтожается разом на площади в несколько гектаров, перевело вопрос о безопасности мирных жителей в зоне боевых действий в разряд вопросов риторических. То же самое следует сказать и о применении тактического ракетного оружия и авиаударов по наземным целям. Известия из Югославии, Палестины, Ирака и Афганистана сви-

детельствуют, что при всей высокотехнологичности современных вооружений человеческие ошибки, связанные в том числе и с погодными условиями, неизбежные сбои в системах наведения, попадания управляемых бомб и ракет в мирные объекты происходят с трагической регулярностью.

Как известно, техника развивается асинхронно: одни отрасли опережают другие. В военной сфере происходило то же самое. Орудия убийства к 1900-м годам достигли огромной мощности, тогда как управление ими отстало на целый век. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. огромные массы войск оказывались сосредоточенными на участках фронта протяженностью до 100 км. В таких условиях заметно возрастала роль старших командиров, способных из потока сведений о ситуации на поле боя составить адекватную картину происходящего и отдать соответствующие распоряжения. Уже невозможно было с господствующей высоты обозреть поле битвы, а в случае крайней необходимости лично вмешаться в дело. На первые позиции выдвинулись организация управления войсками, установление бесперебойной связи между всеми частями сложного армейского механизма. Время отчаянных конных ординарцев, несущихся с приказом или донесением в пыли и пороховом дыме, безвозвратно ушло в прошлое. Едва ли не главным действующим лицом становился телефонист, бубнящий в трубку распоряжения начальника. Японцы, не перегруженные трафаретными представлениями об организации связи, оказались наиболее подготовленными. «При каждом полку состояло несколько человек, обученных телефонному делу... Эти толковые телефонисты всегда следовали в арьергарде на линиях, где происходил бой, и там тотчас же прокладывали телефонные провода по местам, более защищенным и наиболее удобным... По линии, на которой происходил бой, все телефонисты были соединены друг с другом одним круговым проводом, и таким образом каждый слышал речь другого... Главной же их обязанностью было непрерывно в течение боя доставлять сведения начальнику артиллерии о действии орудийного огня и о положении дел на передовой линии...» – писал один из иностранных наблюдателей⁶. В русской армии была иная картина: управление оказалось организованным по старинке: «Ничего не знали нижние чины и очень мало знали офицеры про расположение частей... Генералом Куропаткиным был даже отдан приказ, в котором предписывалось вступать в связь с каждой соседней или прибывшей частью и вменялось в обязанность командирам частей, чтобы не только офицеры, но и нижние чины знали название местности своего бивака и какие части расположены по сосед-

⁶ *Бартелетт Э. Порт-Артур. Осада и капитуляция. СПб., 1908. С.142.*

ству. Но этот приказ многими не исполнялся и положение ординарцев, которых посылали с срочными распоряжениями и донесениями, было очень затруднительное, особенно в ночное время...»⁷.

С повышением значения руководства действиями мелких подразделений заметно увеличилась и роль командиров взводов и рот. «Роль офицеров во время войны в Восточной Азии была громадна, они являлись теми точками, вокруг которых собирались люди и представляли собой в полном смысле слова душу боя. Офицеры показывали примеры доблести, первыми начинали перебежки и, подобно магниту, тянули за собой людей... Большая убыль среди русских генералов бросается в глаза; она отчасти объясняется тем, что им приходится исполнять обязанности своих подчиненных и вследствие этого подвергать себя излишней опасности. Все это, вместе взятое, конечно, должно было отзываться на управлении боем, а потому, по-видимому, более осторожное поведение японских генералов заслуживает подражания. Последние в случае надобности тоже рисковали жизнью, но не увлекались до такой степени, как их противники»⁸. На масштабных маневрах под Курском и Псковом в 1902–1903 гг. в качестве опыта применялись различные технические новшества – полевые телефоны, наблюдательные аэростаты, автомобили для связи и подвоза провианта. Но при этом не было никакого стремления приблизить эти маневры к реальным условиям войны⁹. Как показали дальнейшие события, пренебрежение техническими средствами связи имело самые губительные последствия. Большинство генералов считало телефон и телеграф малополезными и дорогими игрушками и отдавало предпочтение конным ординарцам¹⁰.

Надо отметить, что аналогичная недооценка средств связи и фронтовой организации имела место во всех европейских армиях того времени. Германцы, французы, британцы и австрийцы бросились исправлять свои ошибки, исходя из опыта боев в Манчжурии. В советское время к недооценке средств связи и организации военных операций вели и специфические особенности тогдашней действительности. Во-первых, на технологию управления влиял образ командира – героя гражданской войны, летящего впереди войск на лихом коне. Во-вторых, неудача

⁷ Гусев С.Я. *Свежие раны. Воспоминания корпусного контролера о Русско-японской войне.* СПб., 1911. С.59–60.

⁸ Адариди К. *Действия пехоты в освещении Русско-японской войны капитана австрийской службы Аlara Кнебеляфа Трейеншверта.* СПб., 1907. С.19–20.

⁹ Драке Л. *В период больших Курских маневров 1902 г. // Военно-исторический вестник.* 1911. №3–4. С.30–35.

¹⁰ Левицкий Н.А. *Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1936. С.34–35.*

часто расценивалась как воинское преступление, избежать ответственности за которое можно было только проявлением личной храбрости или, еще лучше, пролитием собственной крови вместе с кровью подчиненных солдат. В-третьих, уровень подготовки командных кадров был таков, что на первом этапе Великой Отечественной войны для многих старших офицеров было проще руководить боем из передового окопа, чем из штаба. Поэтому советские генералы и полковники не так уж и редко сами шли в атаку с автоматом в руках, тогда как немецкие предпочитали заниматься своим делом, не вылезая понапрасну под пули.

К величайшему сожалению, невысокий уровень управления войсками, частая потеря связи между штабами и боевыми частями, недостаточные навыки координации действий авиации, артиллерии, танков и пехоты оказывались самым уязвимым звеном российских вооруженных сил XIX–XX вв. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., в Первую мировую войну и в Великую Отечественную войну наблюдалось парадоксальное на первый взгляд явление: когда командиры полкового и батальонного уровня начинали действовать на свой страх и риск, игнорируя неадекватные обстановке приказы высшего командования или вовсе не получая таковых, ситуация начинала выправляться.

В военном флоте до начала Первой мировой войны командир эскадры или целого флота общался с подчиненными путем наборов флажных сигналов подобно тому, как это делали моряки за два века до этого. Когда корабли двигались со скоростью 5–10 км в час, а расстояние между ними составляло 100–500 м, адмирал мог с грехом пополам отдавать команды таким способом. Но дредноуты и эсминцы, построенные в 1910-е годы, летели со скоростью 40–50 км в час, и за те несколько минут, которые уходили на подбор сигнала и его «репетирование» по своеобразной эстафете от корабля к кораблю, эскадры успевала преодолеть несколько миль. Только быстрая и надежная радиосвязь позволили устранить технологический анахронизм.

ДЕД – МУШКЕТ, ВНУК – ПУЛЕМЕТ

Вся эпоха холодного оружия не дала ни малейших оснований для зарождения понятия «гонка вооружений»: греческий гопплит и средневековый кнехт имели практически равное оружие и равные шансы на успех в случае поединка. Очень медленно изменялась военная техника до середины XIX столетия. Не было принципиальной разницы между теми ружьями и пушками, которые гремели при Полтаве и век спустя при Бородино. Фрегат петровской эпохи имел неплохие шансы на победу при встрече с фрегатом эпохи наполеонов-

ской. Соревнование в военной сфере проходило по линии наращивания численности войск, их обучения, совершенствования тактических приемов. Во второй половине XIX века начинается гонка вооружений в полном смысле этого слова – соревнование военно-технической мысли. Появляется понятие «поколение оружия».

Повышение роли технического фактора привело к серьезным изменениям в расстановке политических сил на мировой (европейской) арене. В XVII веке Голландия на равных воевала с Англией. Дания в середине XIX века уже без шансов на успех, но довольно долго – несколько месяцев – сопротивлялась натиску прусской армии. В XX веке армии небольших государств всего несколько дней выдерживали давление войск великих держав.

Отсутствие глубоких технических знаний и в военной сфере стимулировало появление различных «прожектов», реализация которых, по мнению авторов, могла поднять военное могущество России на недостижимую для других высоту. В Российском Государственном Архиве Военно-морского флота хранятся сотни предложений о создании «непотопляемых» кораблей, о «способах полного уничтожения вражеских флотилий», о «смертоносных пушках» и, разумеется, о «подводных судах», присланных в Морской технический комитет офицерами, ремесленниками, купцами, чиновниками, мещанами, гимназистами и даже лицами духовного звания. В 1827–1861 гг. Морской технический комитет рассмотрел около четырехсот различных проектов. Авторы – 149 иностранных подданных и 191 россиянин, среди которых заметное место занимали лица с «нерусскими» фамилиями – 44 человека. По социальному статусу отечественные изобретатели делились таким образом: 28 крестьян и мещан, 14 морских и 30 сухопутных офицеров, 27 инженеров и техников, 14 купцов, 1 дворянин (помещик), 5 унтер-офицеров, 4 врача, 3 учителя, 1 священнослужитель, 14 лиц неопределенного «состояния» и 40 гражданских чиновников. Наибольший технический энтузиазм проявили титулярные советники (9-й класс Табели о рангах), составившие 16 прошений. Ровно половина «отечественного» контингента изобретателей – явные прожектеры, что сквозит уже в самих названиях их творений: «Способ сжигания неприятельского флота» (надворный советник В.М.Казakov); «Машина для уничтожения вражеских судов» (крестьянин Д.Михайлов); «Подводная батарея» (мещанин из г. Боровичи В.Крапивин) и т.д.¹¹ Эти попытки «совершить чудо», изобрести некое оружие, способное, как волшебный меч, одним движением

¹¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф.162. Оп.1. Д.13–14, 94, 150, 156, 162, 180, 190–192, 198–199, 205, 209, 213, 216–217, 219, 221–226, 232 и др.

уничтожать врагов, – очень распространенное явление. В середине XVII века, не умея еще как следует обращаться с артиллерией, приглашая иностранных пушкарей на службу, москвиты пытались удивить мир мортирой весом в 140 тонн, метавшей гранату весом в 5 тонн, начиненную к тому же 800-килограммовым пороховым зарядом. Для перевозки этого монстра предполагалось делить на три части, скрепленные на боевой позиции специальными винтами. «Царь-мортира» осталась в чертежах, поскольку транспортировка даже ее трети (50 тонн) была практически невыполнима при тогдашних средствах передвижения. В эти же годы в России было изготовлено несколько орудий, заряжавшихся с казенной части и отличавшихся скорострельностью. Но из-за несовершенства конструкции они также не получили практического применения¹².

В XVIII – первой половине XIX столетия Россия не испытывала проблем с отставанием в области военных технологий. Это объяснялось тем, что само по себе производство оружия и боеприпасов не представляло каких-либо трудностей для отечественной промышленности. Колоссальные финансовые и административные ресурсы государства позволяли в короткие сроки создавать новые производственные мощности, обеспечивать их сырьем и рабочей силой.

Проблемы России в сфере военных технологий начиная с середины XIX века в значительной степени связаны с тем, что Мартин ван Кревелд назвал веком систем. Воспроизводство отдельных зарубежных образцов и даже создание таких же отдельных оригинальных конструкций в XVIII – первой половине XIX в. достигались ограниченными силами отдельных умельцев при мобилизации огромных административных и финансовых возможностей государства. В немалой степени этому способствовало наличие сырьевой базы и совпадение трудовых навыков населения с потребностями оборонного производства. Так, например, для военного судостроения имелись практически неисчерпаемые запасы высококачественного леса, пеньки, смолы и парусины, а также сотни плотников-виртуозов, которые сами являлись продуктом цивилизации, где дерево было основным материалом. В середине XIX века потребовался металл в невиданных ранее количествах, станки для его обработки, рабочие-металлисты, инженеры, способные руководить их работой. Нужны были специализированные предприятия, нужна была развитая многоотраслевая промышленность. Все это имелось в странах Европы и только в зачаточном виде существовало в России. Так, например, в 1855 году в Петербурге имелся только один станок, который мог вытачивать

¹² Роде А. *Посольство Ольдеганда // Утверждение династии. М., 1997. С.25–26.*

цилиндры для паровых машин, находившийся в каретной мастерской(!) Зимнего дворца. Машинистов и кочегаров для строящейся флотилии паровых канонерских лодок обучали на паровозах Царскосельской и Николаевской железных дорог.

Ситуация усугублялась тем, что во второй половине XIX века быстрые и радикальные изменения в военной области сопровождались разного рода «фантазиями», появлением экзотических конструкций, лишь малая часть которых становилась прообразом действительно практически применимых вооружений, а основная масса переходила в разряд курьезов. Страны с большими военными бюджетами могли себе позволить рискованные эксперименты, а Россия – нет. Результатом ожидания выработки правильного типа оружия было естественное отставание в принятии его на вооружение.

Но на пути быстрого создания должного военного потенциала встал противник, тогда совершенно непобедимый, – бюрократическая машина. Ее многочисленные «колесики» вращались медленно, со скрипом, бумаги из канцелярии в канцелярию передвигались неспешно, по каждой мелочи возникала дополнительная переписка. Если даже в делах рутинных случались заторы, то новизна просто вязла в межведомственных спорах, в отсутствии соответствующих инструкций и технических условий. Для производства какой-то вещи, ранее не изготавливавшейся в России, требовалось установить: а) кто будет ее проектировать, б) кто изготавливать, в) кто контролировать, г) кто будет решать вопрос о месте проектирования, д) кто будет решать вопрос о месте изготовления, е) кто будет решать вопрос о выработке положения о контроле, ж) по каким статьям все это будет финансироваться, з) как будут определяться цены, и) какое кадровое обеспечение для всего этого требуется, к) из каких сумм будут выплачивать жалование новым работникам канцелярий и т.д. и т.п. Русского алфавита для перечисления всех подобных вопросов явно не хватит. Многие проблемы, в том числе копеечные в буквальном смысле этого слова, решались на уровне комитета министров и даже самого императора. Это оказывалось неизбежным в стране, где глава государства лично подписывал правила подвертывания солдатской шинели и утверждал число молотков в походной кузнице кавалерийского полка. Те, кто полагает, что последняя фраза – от нашего желания усилить впечатление, могут посмотреть, например, Полное собрание законов Российской империи. Кроме царского внимания к полам шинелей и походным кузницам, там можно обнаружить правила укладки драгунских барабанов (высочайше утверждено 1 декабря 1849 г.), чертеж приспособления для проверки патронных капсулей (высочайше утверждено 20 марта 1846 г.) и массу подобных мелочных

нормативных актов, действие которых начиналось только при условии императорской подписи на них¹³.

В 1942 г. был издан специальный приказ, запрещающий внесение каких бы то ни было изменений в технологию изготовления деталей для самолетов без письменного разрешения наркома авиационной промышленности.

БОЕВОЙ КОРАБЛЬ – СГУСТОК ИНЖЕНЕРНОЙ МЫСЛИ

В морской войне во все эпохи корабль был не более чем конструкция для перемещения вооружений и воинов. Таран имел весьма и весьма ограниченное применение (в этих случаях сам корабль являлся оружием). До середины XIX столетия абордаж (рукопашный бой экипажей) оставался решающим боевым средством, хотя артиллерийская дуэль приобретала все большее и большее значение. До изобретения парового двигателя единственным энергетическим ресурсом были ветер и физическая сила гребцов. Применение первого ограничивалось прежде всего прочностью самих кораблей и приспособлений для использования ветра (рангоут, такелаж, паруса): сильный и тем более штормовой ветер были опасны для самого судна. Другим недостатком парусных судов была их полная зависимость от наличия ветра и значительная зависимость от его направления. Малая маневренность парусных судов, отсутствие заднего хода, делали их непригодными для плавания в сложных навигационных условиях (узкие или извилистые фарватеры и т.д.). Гребные суда не зависели от ветра, превосходили парусные в маневренности, но были тихоходны, так как мощность их двигателя – суммарная мощность гребцов. Галеры уступали парусникам в мореходности, так как имели низкий борт, необходимый для эффективного действия весел. Весла также мешали установке артиллерии, вследствие чего гребные суда использовались в основном как транспортные.

Корабль стал подвижной платформой для артиллерии, которая многократно повысила его боевые возможности. Боевое судно стало неким сгустком энергии, и обладатели боевых флотилий могли претендовать на благоприятное место под солнцем. Португалия, Испания, Англия, Голландия – эти страны не случайно заняли особое место в истории Нового времени, того времени, когда происходил первый энергетический передел мира.

¹³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т.21. Отделение 3; Т.24. Отделение 2.

Россия в XVIII – первой половине XIX в. строила боевые корабли, которые по своим техническим параметрам ничем не уступали иностранным. Самое существенное отличие заключалось в том, что на корпуса шла дешевая древесина, из-за чего срок службы судов составлял всего 6–8 лет. Накануне Крымской войны 1853–1856 гг. Россия располагала внушительными флотами на Балтике и в Черном море. Однако значение этой огромной силы оказалось сведенным на нет появлением в составе европейских флотов паровых винтовых кораблей. Именно способность паровых кораблей маневрировать вне зависимости от силы и направления ветра лишило парусники всякого боевого значения: на парусном корабле практически все орудия могут вести огонь только по борту, со стороны носа и кормы парусники беззащитны. 10–12-пушечный бриг с убогонькой паровой машиной, разгонявшей его до скорости пожилого пешехода, легко подбирался к неповоротливому 100-пушечному гиганту и безнаказанно расстреливал его продольным огнем. Поэтому Черноморский флот был затоплен, а Балтийский укрывался за фортами Кронштадта и Свеаборга.

Ветряные двигатели боевых кораблей (парусные системы) не позволяли им развивать скорость, превышающую 10 узлов (18 км/час). Корабли были очень уязвимы в бою: повреждения рангоута, такелажа, и парусов, а также потери в экипаже затрудняли или даже делали невозможным маневрирование. В большинстве случаев одновременно могла действовать только половина артиллерии (по одному борту).

Ситуация радикально изменилась после внедрения парового двигателя и особенно после применения гребного винта вместо первоначально распространенного гребного колеса, которое страдало от вражеского огня и от штормовых волн, заставляло судно «рыскать» при бортовой качке. Эпоха гребного винта и парового двигателя является одновременно и эпохой металлического судостроения, при котором корабли не были связаны свойствами материала при определении размеров судов (деревянный морской корабль не мог иметь более двух тысяч тонн водоизмещения). Резко возросшая энерговооруженность боевых судов, начиная со второй половины XIX века, резко повысила скорость их движения, придала немислимую ранее маневренность. Принципиально иная энергетическая установка сказалась на коренном изменении корабельной архитектуры. Дальнейшее совершенствование судовых энергетических установок шло по пути роста их мощности как в связи с увеличением массы судов, так и в связи с тем, что скорость кораблей стала одной из важнейших тактико-технических характеристик. Водоизмещение линкоров с поршневым двигателем достигло 15000 тонн, а скорость

эсминцев 30-ти узлов. Дальнейший рост водоизмещения и скорости потребовали новой энергетической установки – паровой турбины.

Отдельная страница военно-морской техники – это история подводного судостроения. Идея строительства подводного судна давно привлекала людей. Прежде всего такой корабль был незаметен или почти незаметен для противника, во-вторых, даже будучи обнаруженным, он оказывался весьма трудной мишенью, так как имевшиеся снаряды либо ricoшетировали от воды, либо требовали прямого попадания, чего добиться было весьма трудно из-за малых размеров подводной лодки. Первая лодка была построена в 1620 году голландцем Корнелием ван Дроббельном и испытана в Лондоне. Лодка с экипажем в 20 человек, движимая специальными веслами, прошла по Темзе на глубине в 4 метра. Это был один из немногих примеров счастливого окончания испытаний, большая часть которых заканчивалась неудачно или даже трагически. Малая скорость, неустойчивость на курсе, отсутствие подходящего вооружения, ничтожный радиус действия заставляли смотреть на подводное плавание как на опасный, хотя и очень эффективный, аттракцион. Главной проблемой была энергетическая установка, которая должна была работать без потребления кислорода. Таковым двигателем мог стать только электромотор, получающий питание от аккумуляторов. Подобные технические новинки появились только накануне Первой мировой войны, когда субмарины и превратились в действенное оружие. К этому времени инженеры и ученые смогли решить множество технических проблем, препятствовавших созданию боеспособного подводного корабля: были усовершенствованы дизели, аккумуляторы, перископ, приемы и материалы гидроизоляции. Модернизированные торпеды стали грозным оружием подводных лодок.

Тем не менее аварийность подводных лодок оставалась очень высокой, редкий выход в море обходился без происшествий. «Минога» погибла со всем экипажем из-за того, что забытые сигнальщиком флажки не позволили задраить люк при погружении. «Дельфин» погубила неопытность нового командира, не сумевшего «поймать» нужный момент для герметизации входного люка, через который стравливался воздух из цистерны. «Камбала» не сумела увернуться от эсминца во время учений. Причиной гибели всех семи лодок, потерянных императорским флотом в 1914–1917 гг., были не вражеские атаки, а технические аварии. К началу Первой мировой войны в составе флота России было 37 подводных лодок, многие из которых по своим тактико-техническим данным не уступали зарубежным образцам.

В начале XX века не было специальных средств обнаружения подводных лодок и борьбы с ними. Для противодействия японским субма-

ринам, которые по данным русской разведки намеревались пробраться на рейд Порт-Артура, предписывалось посылать шлюпки, экипажи которых должны были завязать заранее приготовленный мешок на перископе. «Ослепленной» лодке ничего не оставалось другого, как всплывать для капитуляции или гибели.

Техническая гонка вооружений на море началась как раз во время Крымской войны, когда т.н. бомбические пушки заявили о конце эры деревянных кораблей, корпуса которых не выдерживали даже очень слабых разрывов. Ответом стало покрытие судов металлом. Впервые плавучие батареи, прикрытые 10-мм железными листами, применили в 1855 г. французы при атаке крепости Кинбурн в Черном море во время Крымской войны. Град русских ядер оставил на этих судах нового типа только вмятины, тогда как береговые укрепления были сметены. Морские битвы Австро-Итальянской войны 1866 года и Гражданской войны в США продемонстрировали полное преимущество обороны перед нападением: ни один снаряд не сумел пробить бронированный борт. Но в 1870-е годы появились дальнобойные нарезные орудия, снаряды которых прошивали тонкие железные листы как картон. Действенность новых пушек позволила резко сократить их число и сконцентрировать в одном месте, прикрыть его толстой броней, оставив, правда, без защиты остальные части корабля, в основном оконечности. Бронированную батарею стали называть казематом, а сами броненосцы – казематными. Такое решение во многом объяснялось инерцией инженерной мысли и сохранением вспомогательного парусного вооружения, затруднявшего использование верхней палубы. Чтобы увеличить угол обстрела, который у казематных броненосцев был очень невелик, орудия главного калибра перенесли на верхнюю палубу, защитили круглым броневым барьером – барбетом. После того, как от попаданий сверху орудия защитили бронированным колпаком, осталось сделать только полшага к башенным броненосцам, что и было сделано в 1880-е годы. С увеличением дальнобойности орудий снаряды стали лететь не настильно, а по траектории, позволявшей поражать не борт вражеского корабля, а его палубу, которую тоже пришлось бронировать. Появился даже особый тип крейсеров – «бронепалубные». На рубеже XIX–XX вв. главную силу флотов составляли эскадренные броненосцы, которые при всем разнообразии конструкции имели много общего: водоизмещение 9–15 тысяч тонн, поршневая паровая машина, ход до 16 узлов, броневой пояс по ватерлинии, броневая защита важнейших механизмов. Вооружение составляло 4 орудия 203–405 мм в двух башнях, 8–14 пушек среднего калибра по 105–152 мм в казематах и 10–20 пушек 37–47 мм на верхней палубе и на надстройках для отражения атак миноносцев. Опыт Русско-

японской войны 1904–1905 гг. заставил внести значительные коррективы в конструкцию кораблей всех типов, пересмотреть многие тактические установки. Прежде всего, потребовалось сплошное бронирование, так как все незащищенные части разрушались фугасными снарядами и становились очагами пожара. Артиллерия среднего калибра оказалась крайне неэффективной в эскадренном бою, требовалось увеличить число больших орудий. Все это требовало значительного увеличения водоизмещения и нового двигателя.

Англичане первыми усвоили уроки войны и в 1907 году построили линейный корабль «Дредноут» – «неустршимый», название которого стало нарицательным для целого класса кораблей. Новинка имела десять 305-мм орудий в пяти башнях, водоизмещение 18000 тонн и скорость, позволяющую обгонять эсминцы постройки 1900 года.

Уже в XVI веке высказывалась идея уничтожения вражеского корабля подводным взрывом подобно тому, как разрушались неприятельские укрепления с помощью подземной минной галереи. В 1624 году К. ван Дроббельн сконструировал шестовую мину, которая представляла собой пороховую бочку, насаженную на длинное бревно. Эта конструкция совершенствовалась и применялась вплоть до последней трети XIX в., т.е. до появления торпед. Предпринимались попытки создать буксируемые мины, имевшие своими предками брандеры – мелкие суда, груженные горючими материалами, которые подводились к корпусу вражеского корабля. Использование этих адских новинок затруднялось тем, что атакующий должен был вплотную подойти к своей жертве, которая отчаянно защищалась. Взрыв мощного заряда был опасен и для самих нападавших. Скрытность, малая уязвимость и скорость атаки повышали шансы на успех, но предполагали небольшие размеры миноносца, что понижало его мореходность. Сама же шестовая мина была довольно громоздким сооружением, требовавшим аккуратного обращения и исключавшим перезарядку. Тем не менее во время Гражданской войны в США и в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. несколько крупных кораблей было потоплено и повреждено именно этим оружием.

Размышления о том, как доставить подрывной снаряд к борту вражеского судна, не подвергая смертельному риску команду миноносца, привели русского фотографа-художника И.Ф.Александровского и англичанина Уайтхеда к созданию самодвижущейся мины, получившей впоследствии название торпеды. Патент Александровского похоронили в архивах, а патент Уайтхеда купили для серийного производства нового оружия на Обуховском заводе и заводе Лесснера. 14 января 1878 года катера «Чесма» и «Наварин» двумя торпедами потопили турецкий корабль «Итинбах». Новинка быстро совершенствовалась: за 30 лет ско-

рость хода увеличилась втрое, дальность – впятеро, составив соответственно 40 узлов и 5 миль. Торпеды лучше держались на курсе, возросла мощность заряда и надежность всех механизмов – от двигателя до взрывателя.

Во всех флотах мира началась «минная лихорадка»: спешно строили специальные корабли, вооружали торпедами небольшие быстроходные пароходы. Увлеченность этим оружием в конце XIX века объясняется следующим: во-первых, это была перспективная техническая новинка, раз за разом подтверждавшая свою эффективность, Во-вторых, торпеда в вечном споре нападения и защиты могла склонить чашу весов на сторону первого, так как артиллерийский огонь не наносил тогда большого ущерба броненосцам. В-третьих, миноносцы стоили намного дешевле линкоров и крейсеров, что позволяло странам с ограниченными ресурсами и слабым машиностроением обзаводиться сильным оборонительным флотом.

Уже в 1880 году под Андреевским флагом плавало более 100 миноносков водоизмещением 20–30 тонн. Эти корабли сыграли большую роль в подготовке кадров минного флота, но боевое их значение ограничивалось низкими мореходными качествами. Постепенно сформировался тип эскадренного миноносца водоизмещением 300–400 тонн, имевшего 4 торпедных аппарата и несколько пушек для борьбы с себе подобными.

ДОГОНИМ И ПОБЕДИМ!

До Первой мировой войны Россия в целом «поспевала» за европейскими державами и США в гонке военных технологий, хотя уже в начале XX столетия появились признаки определенного кризиса. Внедрение электрических, пневматических и гидравлических систем в военном флоте, зарождение и стремительное развитие точного приборостроения сопровождалось все более возрастающей зависимостью от импорта готовых машин или их важных комплектующих. В России было достаточно грамотных инженеров и умелых рабочих, но одно дело – изготовление отдельных экземпляров, другое – постановка их на поток. В 1913 году только 42% потребностей в области электрического оборудования обеспечивала отечественная промышленность, а 58% импортировалось. При этом следует отметить, что большая часть наиболее сложных систем ввозилась из-за границы, в том числе из Германии¹⁴. В значительной степени поэтому в 1914 г. резко

¹⁴ *История энергетической техники СССР. Т.1. М., 1977. С.141–142.*

замедлились темпы строительства многих боевых кораблей, а некоторые из них так и не были введены в строй¹⁵.

Во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов военно-технологическое отставание Советской России от стран Запада приняло угрожающие размеры. Никто не сомневался в том, что следующая война будет войной моторов, а именно в машиностроении наше государство отставало наиболее сильно. В новую эпоху страна вошла, не имея абсолютно никаких мощностей по производству бензиновых и дизельных двигателей, турбин, электромоторов, гидравлических и пневматических систем, аккумуляторов, оптики, прецизионных станков, важных химических производств и многого другого, без чего решительно невозможно развертывание массового изготовления боевых кораблей, автомобилей, танков, самолетов, средств связи. Не было достаточного количества инженеров и квалифицированных рабочих.

До некоторой степени угроза со стороны Запада смягчалась тем, что до конца 1930-х гг. европейские державы не раскручивали гонку вооружений так, как это было на рубеже XIX–XX вв. Сказывалась усталость от войны и фактическая невозможность масштабного столкновения до возрождения боевого потенциала Германии. Кроме того, большое значение имела инерция: думали о будущей войне, но готовились к войне предшествующей. Особенно это касалось держав-победительниц. Отсюда – колоссальные расходы на долговременные оборонительные сооружения, доказавшие в 1939–1944 гг. свою малую эффективность. В сфере морских вооружений отдавалось явное предпочтение линейным кораблям при одновременном снижении внимания к подводному флоту и морской авиации. Здесь уместно заметить, что наибольшее число новинок приходится на долю Германии: военная элита этой страны адекватно оценила опыт сражений 1914–1918 гг. Заметное внимание к высокотехничным видам вооружений проявила Италия, входившая в круг победителей благодаря не собственным победам, а боевым успехам своих мощных союзников. То же можно сказать и о Японии: при символическом участии в войне страна восходящего солнца извлекла из нее много ценных уроков в области техники, тактики и стратегии.

В Советской России имел место еще один уникальный фактор соревнования в военно-технологической сфере – фактор коммунистической идеологии и репрессивной практики. Как известно, в сталинскую эпоху оказаться в числе «вредителей» или «врагов народа» можно было даже при безупречной трудовой деятельности и абсолютно чистой анкете (русский, партийный, участник гражданской войны, пролетарского

¹⁵ См.: Моисеев С.П. *Список кораблей русского парового и броненосного флота. М., 1948.*

происхождения, не примыкал, до 1917 г. подвергался, а после – нет и т.д.). Что же говорить о специалистах, деятельность которых неизбежно сопровождалась ошибками, техническими авариями и даже отсутствием решения партийной задачи. В истории почти всех проектных организаций, позволивших СССР в 1930–1950-е гг. выдержать соревнование в военной области, имеются черные страницы, исчерканные рукой следователей НКВД. Ракетчик С.П.Королев, авиастроитель А.Н.Туполев и многие другие менее известные человечеству люди, создававшие новинки отечественной техники, подверглись репрессиям.

Перед Великой Отечественной войной было сделано немало упущений в подготовке армии, поскольку заявление о каком-то «отставании» грозило немедленной расправой. Так, только в 1939 г. командование авиацией решилось признать превосходство немецких истребителей и взяться за перевооружение¹⁶. Если даже голословное обвинение во вредительстве оборачивалось трагедией, то любая техническая неудача могла стать поводом для расстрела¹⁷.

Одним из общих мест в истории отечественной техники является утверждение о пагубном влиянии преклонения перед западом, о предательстве национальных интересов, о непатриотичности представителей власти и т.д. Типичным является пассаж из книги об известном изобретателе-оружейнике В.А.Дегтяреве: «Бездарные чиновники царской России, слепо преклонявшиеся перед иностранным оружием и его конструкторами, пренебрежительно относились к инициативе и творчеству русских мастеров. Получая взятки от иностранцев, они всячески протаскивали в производство на русские заводы образцы их вооружения, а изобретения отечественных конструкторов-оружейников не находили применения»¹⁸. Действительно, предпочтения иностранным системам заметны, но одними взятками и «низкопоклонством» объяснить этот факт нельзя. Более значимым фактором являлось то, что европейские и американские образцы, даже уступавшие по своим техническим характеристикам изделиям русских инженеров, имели то неоспоримое преимущество, что «сопровождались» отлаженной технологией изготовления, выверенным списком оборудования и материалов, необходимых для их изготовления. Эта была та самая синица в руках.

Проблемы России в сфере военных технологий начиная с середины XIX века в значительной степени связаны с тем, что обеспечить техни-

¹⁶ Шахурин А.И. *Крылья победы*. М., 1990. С.13.

¹⁷ Там же. С.94–95.

¹⁸ Бахирев В.В., Кириллов И.И. *Конструктор В.А.Дегтярев. За строками биографии*. М., 1979. С.13.

ческий паритет с Западом можно было только путем создания комплексной промышленной базы (производство, обучение персонала, управление, теоретические и прикладные исследования и т.д.). В условиях относительной слабости частной промышленности это достигалось за счет мобилизации огромных административных и финансовых возможностей государства. До 1915 г. практически все вооружения в России производили либо казенные заводы, либо некоторые частные, настолько тесно связанные с государственными заказами, что не могли выживать без таковых. Остальные заводчики, оттесненные от жирного пирога военного бюджета, не имели стимула приобретать дорогостоящее оборудование для производства современных вооружений. Результатом стал замкнутый круг: при распределении заказов военное ведомство при всем желании не могло выйти за пределы круга «своих» предприятий, поскольку за его пределами нельзя было изготовить нужное изделие. В европейских странах львиная доля военных заказов доставалась владельцам химических, металлургических, металлообрабатывающих и машиностроительных заводов. Поэтому там колоссальные военные расходы второй половины XIX – начала XX в., обременяя экономики стран-участниц гонки вооружений, были одновременно золотым дождем для многих предприятий, выпускавших в том числе и продукцию мирного назначения. В России же мизерный процент средств, потраченных по линии военного и морского министерства, способствовал развитию отечественной промышленности.

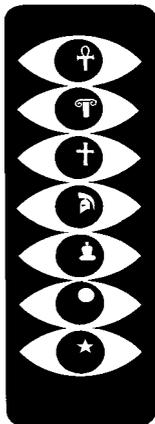
Во всех этих процессах перехода от одной военной технологии к другой Россия успевала без особых проблем, причем в некоторых видах вооружения выходила на передовые позиции. Таковыми были, например, трехлинейная винтовка Мосина образца 1891 года, полевая 75-мм пушка, модернизированный пулемет системы Максима. Накануне и в ходе Великой Отечественной войны советские конструкторы нашли достойный ответ вызову современности: война в воздухе и на суше потребовала огромного числа современных танков и самолетов. Боевые машины Т-34, истребители Як-3 и Ла-5, штурмовики Ил-2, бомбардировщики Пе-2 по своим боевым качествам не уступали лучшим образцам немецкой танковой и авиационной промышленности. При этом они отличались от зарубежных аналогов простотой в изготовлении, эксплуатации и ремонте. Здесь в значительной степени сказалась индустриальная «философия» СССР, в которой спор между качеством и количеством выигрывало последнее, в котором простота механизмов диктовалась невысоким уровнем квалификации изготовителей и пользователей. Боевая техника должна была быть такой, чтобы ее мог делать человек, прошедший форсированный курс производственного обучения,

а воевать на ней человек, прошедший не менее форсированный курс боевой подготовки. В реальных условиях войны изделия отечественной «оборонки» оказывались очень живучими и подлежащими ремонту в условиях походных мастерских с минимальным парком станков и технических приспособлений.

Одной из проблем принятия и внедрения новых военных технологий в России начиная с середины XIX века был своеобразный шок от резкого скачка стоимости как изготовления, так и эксплуатации новых видов вооружений. Можно говорить о том, что стоимость всего парусного флота России примерно равнялась стоимости трех–четырех дредноутов, построенных перед Первой мировой войной. О стоимости современных атомных субмарин мы просто умалчиваем. Впервые военные столкнулись с этой проблемой при переходе к паровому судостроению: расходы на ремонт механизмов, на уголь и смазочные материалы ужаснули государственное казначейство. Появление бронированных монстров в 1880-е гг. подняло стоимость морских вооружений еще на одну ступень. Одной из главных причин слабой подготовленности русского флота к Русско-японской войне 1904–1905 гг. явилась экономия на топливе и текущем ремонте. В результате корабли превратились в плавучие казармы, а матросы и офицеры не получали необходимой практики.

В целом Россия на протяжении последних трех столетий выдерживала соревнование с западными державами в военно-технологической гонке. Но это соперничество имело неоднозначные последствия. С одной стороны, промышленность, ориентированная на производство вооружений, получала возможность совершенствоваться, с другой стороны, колоссальные средства, выделяемые по «военным» статьям расходного бюджета, оказывали ничтожно малое влияние на развитие предприятий, выпускающих продукцию мирного назначения.

(Окончание следует)

Альберт Ненароков

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«НЕ ВСЕ ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ»

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
СОВРЕМЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ
ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОГО
МЕНЬШЕВИЗМА¹**

УДК
93/94

New documentary material introduced in scientific turn in recent 20 years, recovery of the theoretic legacy of the Russian Social-Democrats' leaders, expansion of the range of research problems and directions, transformation of key definitions that characterize ideological development of Menshevism for the first time allowed revealing to the full extent the essence of the strong criticism P.B.Akselrod, A.N.Potresov, I.G.Zereteli et al. raised against position the RSDP new leadership under by Yu.O.Matrov occupied toward Bolshevism after October, 1917. According to N.V.Volsky, only after loss of the party the Russian Social-Democrats repudiated what Dan and his followers tried to present as the so called «Martov's line» and retained «some positive profession of the higher human values and brought them into foundation of their programmatic notions».

Ключевые слова: РСДРП; послеоктябрьский меньшевизм; современная источниковая база; исторический опыт российской социал-демократии; Ю.О.Мартов; И.Г.Церетели; Р.А.Абрамович

E-mail: nenarokov@mailfrom.ru

¹ Данная статья подготовлена в рамках проекта РГНФ №08-01-00516 а.

Итоги современного изучения послеоктябрьского меньшевизма заслуживают самого серьезного внимания, ведь они фактически предопределяют оценку исторического опыта российской социал-демократии.

В последние десятилетия (чуть более 20 лет) исследования истории РСДРП впервые развивались в нашей стране в условиях скукоживания неусыпного контроля со стороны КПСС, а затем и полного его отсутствия. Это касалось и публикации необходимых документов (долгие годы почти всегда дозированной), и их комментирования, и определения проблематики большинства исторических трудов соответствующей тематики. Кануло в прошлое и создание высочайше утвержденных учебных курсов, будь то откровенно фальсифицированный «Краткий курс истории ВКП (б)» (1938) или такой, отразивший все тяготы отсутствия новых решений при сохранении старых подходов, «подмазанный, по определению Николая Владиславовича Вольского², монстр»³, как «История Коммунистической партии Советского Союза» (1959). Стали доступными публикации и исследования зарубежных историков. Теперь их уже не надо делить на буржуазных прогрессивных или просто либеральных, но всегда заблуждающихся и ошибающихся уже в силу места рождения и проживания, либо т.н. откровенных фальсификаторов, с которыми велась последовательная и также подконтрольная партийному начальству борьба. Мы открыли для себя и общественную мысль русского зарубежья в ее динамике и развитии, и оказалось, что представители русской социал-демократии были представлены в ней вполне достойно и выглядели далеко не столь примитивно и ортодоксально, как это преподносилось в трудах советских охранителей марксистско-ленинских устоев. Началось становление единого историографического пространства, в рамках которого выявилось неожиданно весьма много общего в проблематике, методологии, личных взаимоотношениях. И не только хорошего, но и плохого. Однако это тема особая.

Процесс, как говорится, пошел активно с конца 80-х годов, как всегда, неожиданно, без всякого предварительного переваривания того, что стало съедобно при столь кардинально изменившейся ситуации. В итоге мы имеем то, что имеем, и жаловаться не на что, да и некому. В жизни всегда «не все золото, что блестит», а первоклассные публикации и

² См. о нем: Розенталь И.С. Валентинов и его время // *Россия XXI*. 2008. №6. С.82–121.

³ *Социалистический вестник*. 1960. Июль. №7 (743). С.127.

глубокие исследования – дело штучное всегда. Они были и в самые тяжкие времена, какому бы остракизму ни подвергались их творцы. Есть они и сейчас. И следует сразу отметить, что, хотя кардинальных изменений в принципе не произошло, но и то, что есть, вполне обнадеживает.

Прежде всего, обнадеживает уже то, что за эти годы сложилась обширная и вполне добротная и, главное, доступная источниковая база. Это и отдельные тематические, событийные либо проблемные сборники документов⁴, письма⁵, избранные труды, включая книги, брошюры и

⁴ *Независимое рабочее движение в 1918 году. Документы и материалы / Ред.-сост. М.С.Бернштам. Париж, 1981; Dear Comrades. Menshevik Reports on the Bolshevik Revolution and the Civil War / Brovkin V.N., ed.: Hoover Institution Press. Stanford, Cal., 1991; Меньшевики в Советской России. Сб. документов / Ред.-сост. А.Л.Литвин. Казань, 1998; Меньшевецкий процесс 1931 года. Т.1–2 / Ред.-сост. А.Л.Литвин. М., 1999. Первый комплекс документов о политических репрессиях большевиков против социалистов был представлен в виде специального приложения в книге: Павлов Д.Б. Большевецкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М.; 1999. Он же выступил редактором-составителем и автором предисловия и комментариев сборника: Рабочее оппозиционное движение в большевецкой России. 1918 г. М., 2006.*

⁵ *Theodore Dan. Letters (1899–1946) / Selected, annotated and with an outline of Dan's political biography by B.Sapir. Amsterdam, 1985; From the Archives of L.O.Dan / Selected, annotated and with an outline of L.O.Dan's biography by B.Sapir. Amsterdam, 1987; Мартов Ю.О. Письма. 1916–1922 / Ред.-сост. Ю.Г.Фельштинский. Chalidze Publications. Venson, Vermont, 1990; «Письма – исторический документ; ...их нужно печатать как таковые». Из переписки Б.И.Николаевского / Публикация подготовлена Г.Д.Головиной, М.Д.Дворкиной и А.П.Ненароковым; Вст. статья А.П.Ненарокова // Россия XXI. 2002. №6; Николаевская Е. Жизнь не имеет жалости. Письма 1922–1935 гг. сыну Борису Ивановичу Николаевскому из Оренбурга и Москвы в Берлин и Париж / Идея, составление и комментирование А.Ненарокова при поддержке и помощи А.Ким и Р.Гайнуллиной. М.; Стэнфорд, 2005; 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова / Под ред. Г.А.Бордюгова и Е.А.Котеленец / Сост. Н.С.Антонова и Л.А.Роговая. Введение Л.Майер. М., 2005; «...Душевно тянусь». Письма Н.Н.Вольского М.М.Карповичу (1956–1957) / Публикация, вст. статья и примечания А.Зейде // Диаспора: Новые материалы. Т.9. СПб.; Париж, 2007. С.355–380; Ю.О.Мартов и А.Н.Потресов. Письма. 1898–1913 / Науч. ред. автор предисловия и комментариев И.Х.Урилов. М., 2007; Ненароков А.П. История одного письма. Политическое завещание Павла Аксельрода / Послесловие Г.А.Явлинского. М., 2008.*

статьи лидеров и идеологов различных групп и течений российской социал-демократии⁶, их интервью и воспоминания⁷.

Выходили и выходят и серийные издания подобного рода. Первым среди них отметим тома, вышедшие в рамках серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие»⁸. Разворачивается еще одно серийное издание – «Русский революционный архив» (РРА)⁹. Его особенность состоит в том, что оно не просто воспроизводит сборники, вышедшие во второй половине 20-х

⁶ Мартов Ю.О. *Избранное / Подготовка текста и коммент. Д.Б.Павлов и В.Л.Телицын.* М., 2000; Александр Николаевич Потресов. *Избранное / Сост., автор вст. статьи и примечаний Д.Б.Павлов.* М., 2002. – В ближайшее время ожидается выход двух принципиально важных для историографии современного изучения исторического опыта российской социал-демократии сборников (Аксельрод П.Б., Мартов Ю.О., Потресов А.Н. *О революции и социализме; Дан Ф.И., Церетели И.Г. Два пути (сост. и авторами вст. статей и примечаний в этих публикациях выступают А.П.Ненароков и П.Ю. Савельев).*

⁷ *The making of three Russian Revolutionaries. Voices from the Menshevik past / L.H.Haimson in collaboration with Z.Galili and R.Wortman.* Cambridge University Press, Editions de la Maison des sciences de L'Homme. Paris, 1987; *Меньшевики. Сб. статей Б.Сапура, Ю.Денике, Б.Николаевского, Л.Ланде, Д.Далина, Е.Ананина, Р.Абрамовича / Сост. Ю.Г.Фельштинский.* Chalidze Publications, Benson, Vermont: 1988; *Меньшевики после Октябрьской революции. Сб. статей и восп. Б.Николаевского, С.Волина, Г.Аронсона / Сост. Ю.Г.Фельштинский.* Chalidze Publications, Benson, Vermont: 1990; *Мартов Ю.О. Записки социал-демократа / Сост. П.Ю.Савельев.* М., 2004 (данное издание включает и не публиковавшиеся ранее материалы не завершеного автором второго тома, и подборку ряда его малоизвестных статей, воспоминаний о нем, дополняющих сведения, приведенные в «Записках»); *Церетели И.Г. Впечатления детства / Сост. и автор послесловия А.П.Ненароков.* М., 2006.

⁸ *Меньшевики. 1903 – февраль 1917.* М., 1996; *Меньшевики в 1917 году. Т.1–3. Кн.1–4.* М., 1994–1997; *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 гг. Т.1–4.* М., 1999–2004. Вскоре к этим публикациям в рамках той же серии должен добавиться сборник: *Меньшевики в эмиграции. Протоколы ЗД РСДРП. 1922–1951. Он уже рекомендован Ученым Советом РГАСПИ и сдан в издательство РОССПЭН.*

⁹ См.: *Из архива П.П.Аксельрода. Вып.1. 1880–1892 гг.* М., 2006; *Из архива А.Н.Потресова. Вып.1–2.* М., 2007 (включены соответственно переписка 1892–1905 гг. и письма А.М.Калмыковой 1894–1905 гг.); *Из архива группы «Освобождение труда». Вып.1–2.* М., 2009 (включены соответственно переписка 1883–1897 и 1898–1903 гг.). В ближайшее время ожидается выход в свет еще одного сборника: *Из архива Б.И.Николаевского. Вып.1. Переписка с И.Г.Церетели. 1923–1930.*

годов прошлого века. Руководитель проекта и ответственный редактор П.Ю.Савельев, редакционный совет и составители (в отличие от предпринятого в 1990-х годах репринтного переиздания «Архива русской революции» И.В.Гессена), сохранив замысел и задачи основателя «РРА», предложили расширить и углубить их. Сделано это было за счет включения нового документального материала, в свое время недоступного Николаевскому, обязательных легенд с указанием мест хранения оригиналов, сплошной сверке с ними публикуемых документов, развернутого научного комментирования. Четкая организация подобного современного межархивного издания стала возможной лишь благодаря координационной работе Центра по разработке и реализации документальных публикаций федеральных государственных архивов и Мемориального кабинета Б.И.Николаевского Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

Изменение условий научно-информационной и научно-справочной работы, в том числе и материальных, привело к появлению новых архивных и межархивных путеводителей, включая путеводители по Государственному архиву Российской Федерации (ГА РФ) и РГАСПИ. Завершена обработка ряда новых фондов. К примеру, в РГАСПИ – переписка Б.И.Николаевского с дирекцией Института Маркса и Энгельса, в ГА РФ – новые поступления, связанные с именем все того же Николаевского. В центральных и местных государственных и ведомственных архивах не так быстро, как хотелось бы, но продолжается рассекречивание ранее закрытых фондов и дел. Заметным достижением в развитии научно-информационной и научно-справочной работы стала подготовка аннотированного указателя журнальных и газетных публикаций российской эмиграции. Она охватывает первую и последующую ее волны, начиная с 1917-го и по 1991 год¹⁰. Предпринята и выполнена эта работа, развивающая традиции российской школы научной библиографии, группой ведущих библиографов, архивистов и исследователей России и США под эгидой Государственной публичной исторической библиотеки России и Стэнфордского университета.

С каждым годом растет и признание просветительской, исследовательской и публикаторской деятельности Международного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал». Создан

¹⁰ *Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книжных, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг. Т.1–4 / Науч. ред. А.Г.Тартаковский, Т.Эммонс, О.В.Будницкий. М., 1991–2005.*

специальный сайт «Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года»¹¹. Он содержит биографические данные о нескольких сотнях российских социалистов и анархистов. На нем можно получить доступ к редким изданиям их трудов. Ознакомиться с богатой фотоколлекцией, включая уникальный портретный ряд. Принять участие в обсуждении дискуссионных проблем. Обменяться мнениями по всем вопросам текущей организационной и исследовательской деятельности.

Впервые Научно-информационный и просветительский центр «Мемориала» совместно с ГА РФ реализовали весьма необычный и трудоемкий проект фондовой публикации документов Московского Политического Красного Креста и руководившей им Е.П.Пешковой¹². В публикации представлены материалы о помощи политическим заключенным в большевистской России с начала 20-х и до середины 30-х годов.

Четвертым изданием выходит компакт-диск, призванный увековечить поименно память всех, кто попал, по словам А.Н.Потресова, «вместо кролика под нож социального эксперимента», развернутого в России, начиная с 1917 года. Общее число восстановленных судеб составило более 2,6 млн., т.е. вдвое превысило то, с чего начиналась эта работа¹³.

Было бы несправедливым не отметить и то огромное влияние, которое оказала на всех, кто интересуется историей отечества, кропотливая и в ту пору опасная собирательская, исследовательская и публикаторская работа, проводимая с середины 1970-х годов т.н. инакомыслящими, по подготовке, изданию и распространению сначала исторического сборника «Память» (1–5 выпуски), затем исторических альманахов «Минувшее» (1–25) и «Звенья» (1–3). Она повлияла не только на изменение источниковой базы по изучению истории России XX века. Она изменила саму психологию восприятия огромного мира идей и людей, ранее вычеркнутых из официальной советской истории. Достаточно назвать имена А.Я.Добкина и В.Е.Аллоя, чтобы стало понятно: мы все

¹¹ См.: <http://socialist.memo.ru> – Автор и руководитель К.Н.Морозов.

¹² «Дорогая Екатерина Павловна...». Письма женщин и детей. Письма в их защиту / Сост. Л.Должанская, И.Осипова. Научный ред. Я.Леонтьев. СПб., 2005.

¹³ Жертвы политического террора в СССР. 4-е издание, переработанное и дополненное / Руководитель проекта Я.З.Рачинский. Научный руководитель А.Б.Рогинский. Программное обеспечение В.А.Крахотин. М., 2007.

еще в неоплатном долгу перед теми, кто буквально взорвал своими публикациями мир застывших мифов и догм.

Однако столь существенное как по объему, так и по качеству расширение источниковой базы совсем не означает столь же существенного и качественного ее использования. В свое время вопрос о причинах нарастания дистанции между публикацией источников, постановкой проблем и их первой концептуальной проработкой впервые был сформулирован Е.Н.Городецким. Он вызвал оживленную дискуссию в советской историографии конца 70-х – начала 80-х годов¹⁴. Сегодня его повторное обсуждение актуально хотя бы потому, что количество негативных факторов, влияющих на этот процесс, резко возросло. Отметим лишь наиболее существенные среди них.

Это сохраняющиеся среди определенной категории исследователей дискомфорт и дезорганизация мышления как следствие обвального краха господствовавших ранее идей и ценностей и давления все еще не изжитых официальных самопредставлений советской системы.

Это и специфика восприятия нового документального материала как естественного углубления старых знаний. Благодаря этому чаще всего вместо радикального, но трудоемкого нового прочтения и переосмысления хорошо известного в качестве первой реакции на требования времени происходит простая смена знаков. Как следствие, недостаточно глубокое проникновение в суть событий, происшедших в России XX века, и откровенно поверхностные характеристики ее действующих лиц.

Это, наконец, и катастрофическое падение элементарной грамотности и профессионализма, а применительно к нашей теме и общее падение интереса к социалистической идее и российским социалистам вообще. К тому же, к сожалению, их зачастую принято, «за компанию с действительно виновным коммунизмом большевиков», как писал Потресов¹⁵, представлять ответственными за ту трагедию, что развернулась в России после 1917 года, что, по меньшей мере, по отношению к части из них некорректно.

Конечно, нами перечислены далеко не все факторы, которые в последнее время оказывают существенное влияние на возрастание дистанции между публикацией и усвоением введенного в научный оборот опубликованного документального материала. Но даже они убедитель-

¹⁴ См. об этом подробнее: Ненарков А.П. *К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917–1924. М., 1991. С.16–18.*

¹⁵ Потресов А.Н. *Избранное. М., 2007. С.322.*

но свидетельствуют о том, что стремление уклониться от их анализа, представить некую благостную картину тенденций и достижений в современном изучении истории РСДРП неперспективно и порочно. Следует признать не только низкий уровень осмысления и использования нового документального материала (повторюсь, уже собранного воедино, в большинстве своем опубликованного и широко доступного), но и господство небрежности и вкусовщины в определении основных тенденций современного изучения истории РСДРП и их оценок. Без этого мы еще долго будем вместо серьезных аналитических статей иметь дело со жвачкой мелкотравчатых и субъективных рассуждений¹⁶.

Ключевым в осмыслении исторического опыта российских социал-демократов все еще остается вопрос об их отношении к большевикам и поставленному ими в России социальному эксперименту. Это требует пересмотра многих устоявшихся представлений и личных характеристик, что по силам далеко не каждому.

Вместо никем не оспариваемого утверждения о том, что «трудно представить историю РСДРП без взаимосвязи и взаимовлияния бывших в ней фракций меньшевиков и большевиков»¹⁷, простого воспроизведения данных архивных путеводителей и выборочного перечисления вышедших за последние годы статей и монографий следовало бы попытаться осмыслить, что нового содержит огромный документальный материал, введенный в научный оборот за последние десятилетия.

Какое значение имеет возвращение теоретического наследия лидеров российской социал-демократии?

Как расширился круг исследовательских проблем и направлений?

Как изменилось содержание ключевых дефиниций, характеризующих идейное развитие меньшевизма?

Только ответив на эти вопросы, можно будет представить непримиримость позиций Потресова и Мартова, трагедию П.Б.Аксельрода и И.Г.Церетели, В.С.Войтинского и П.А.Гарви, суть колебаний Р.А.Абрамовича и Ф.И.Дана.

Тогда лишь станет ясно, что отношения между лидерами российской социал-демократии никогда не исчерпывались выяснением того, кто кого и насколько уважал. Все они, бесспорно, относились друг к другу, а порой и к общим политическим оппонентам уважительно, если они

¹⁶ См., к примеру: Урилов И.Х. *Меньшевики в советской России. К истории изучения* // *Вопросы истории*. 2009. №8.

¹⁷ Там же. С.122.

того заслуживали, признавая их достоинства и душевные качества. Но это не исключало со стороны Аксельрода и Потресова жесткой критики той позиции, которую заняло мартовское руководство по отношению к большевизму после октября 1917 года. Равно и того, что, лишь потеряв партию и веру в марксистские догмы, в классовый подход и мировую революцию, отказавшись от того, что Дан и его сторонники, а за ними и некоторые современные исследователи пытаются представить т.н. «мартовской линией», российские социал-демократы, по словам Вольского, сохранили «некое позитивное вероисповедание высших человеческих ценностей»¹⁸, положив их в основу своих новых программных представлений.

Наиболее четко этот путь был очерчен одним из лидеров РСДРП Рафаилом Абрамовичем (Рейном) Абрамовичем, другом и соратником Мартова. В 1961 году он публично признал, как трудно было «не только объяснить другим, но и самим понять, каким образом революция, которая началась в октябре 1917 года как восстание утопических социалистов, так быстро превратилась в бесчеловечную тиранию»¹⁹.

В его представлении для этого пришлось пройти долгий путь. От признания большевистской революции и начатого большевиками в России социального эксперимента, лежащих «на линии революционного развития»²⁰, и до полного отказа от мартовской политики. Точнее, от той ее составной, которую П.Б.Аксельрод характеризовал как «теоретическое санкционирование большевистского режима»²¹.

Абрамовича трудно заподозрить в предвзятости. Он был одним из ближайших соратников и друзей Ю.О.Мартова. Начинал бундистом, за что в 1901 году был исключен из Рижского политехнического института. В 1903-м бежал от ареста за границу. Образование завершил в Льеже. С 1904 года – самый молодой член ЦК Бунда, в котором играл руководящую роль. На IV Стокгольмском объединительном съезде (апрель 1906 г.) добился возвращения Бунда в состав РСДРП. Тогда же окончательно определился как меньшевик и впервые вошел (пока от Бунда) в состав ЦК РСДРП. В 1907 году Абрамович работал при социал-

¹⁸ См.: *Социалистический вестник*. 1960. Июль. №7 (743). С.129.

¹⁹ Там же. 1961. Апрель. №4 (752). С.75.

²⁰ *Меньшевики в 1919–1920 гг. М., 2000. С.424–432.*

²¹ Цитируется по тексту впервые опубликованной рукописи письма Аксельрода Мартову от сентября–октября 1920 (См.: *Ненароков А.П. История одного письма. Политическое завещание П.Б.Аксельрода. С.49.*)

демократической фракции 2-й Государственной Думы, делегатом V Лондонского съезда РСДРП, на котором вместе с Ю.О.Мартовым и А.А.Богдановым представлял отчет ЦК. После поражения революции 1905–1907 гг. – один из активнейших сторонников ликвидаторского течения внутри меньшевистского крыла РСДРП. В 1912 г. – один из инициаторов попытки консолидации партии в т.н. августовском (венском) блоке. В годы Первой мировой войны Абрамович примкнул к меньшевикам интернационалистам, и с той поры не было у Мартова более преданного и грамотного соратника.

Весной 1917 года и Мартов, и Абрамович оказались в числе тех, кто подписал коллективное письмо на имя руководителей Советов и Временного правительства с требованием обеспечить возвращение политэмигрантов на родину. Не дождавшись с их стороны какой-либо действенной реакции, оба в разнобой с политической точки зрения и многочисленной компании жаждающих вернуться на Родину эмигрантов прибыли в первых числах мая в Петроград, повторив ленинский маршрут через Германию.

Р.А.Абрамович. Начало 1940-х гг.

Оба критиковали коалиционную политику И.Г.Церетели²², а на августовском Объединительном съезде вошли в список меньшинства, навязанного в состав ЦК ультиматумом Мартова. На декабрьском Чрезвычайном съезде, где мартовцы уже составляли большинство, именно Абрамович выступил с заявлением, что «большевизм – не солдатское движение», а «выражение стихийных неизбежностей, настроений рабочих масс»²³. Именно это стало главным аргументом в обосновании послеоктябрьской политической позиции нового руководства российских социал-демократов во главе с Мартовым.

²² См. выступление Р.А.Абрамовича на заседании ОК 28 мая 1917 г. (*Меньшевики в 1917 году*. Т.1. С.490).

²³ *Меньшевики в 1917 году*. Т.3. Ч.2. С.400.

После разгона Учредительного собрания Абрамович вошел в число представителей ЦК РСДРП во ВЦИК Советов. Как и Мартов, был противником большевистской линии на подписание сепаратного мирного договора с Германией, сопротивляться которой предлагал вплоть до восстания. Как и Мартов, критиковал правящую партию за утопизм лозунгов и насилие. Адресуясь к большевикам, он объяснял свою и Мартова позицию так: «...Если мы, меньшевики, только придем к вам, коммунистам, чтобы совместно с вами работать и, ни о чем не рассуждая, будем вам только слепо помогать, заткнув нос, чтобы плохо не пахло, пользы от этого не будет»²⁴.

Вместе с тем, пытаясь «противопоставить стихии большевистского терроризма организованную волю широких рабочих масс и укрепление революции на демократических путях», именно Абрамович в январе–июле 1918 г. стал одним из организаторов и председателем конференции уполномоченных от фабрик и заводов. Однако и в сложнейших условиях полулегального существования РСДРП, в годы гражданской войны он, как и вся партия, не прекращал усилий по поддержке советской власти, против интервенции, за международное признание республики Советов, словно не замечая, что укрепление и террористическое вырождение псевдореволюционного режима шли параллельно.

Осенью 1920 г., получив официальное разрешение советского правительства, Абрамович вслед за Мартовым выехал за границу для организации там постоянного представительства РСДРП и попытки перехватить у большевиков инициативу создания нового Интернационала. Если первую задачу им решить удалось довольно быстро: была создана Заграничная Делегация (ЗД), которая вместе с Бюро ЦК в России составила новый костяк ЦК, то со второй задачей вышла осечка. Помешали, с одной стороны, их собственное решение от 20 мая 1919 года, с осуждением учреждения большевиками Коммунистического Интернационала, с другой, – попытка представителей ряда социалистических партий Европы возродить распавшийся с началом Первой мировой войны II Интернационал (Бернская конференция социалистических партий 3–10 февраля 1919 г.).

Выступая против любых попыток восстановления II Интернационала «методами механического, чисто внешнего объединения разнородных и несоединимых элементов», Мартов и Абрамович поддержали предложение германских «независимых» и части французских социалистов «о

²⁴ *Меньшевики в 1918 году. М., 1999. С.695.*

созыве совещания революционно-социалистических партий в целях организации» нового международного центра. Создаваться этот центр должен был «на единых для всех социалистических партий мира общих принципах действия»²⁵. Это открыло дорогу к созданию т.н. 2½ Интернационала и берлинской встрече 1922 года представителей трех Интернационалов – 2-го, 2½ и Коммунистического. Провал предпринятых на ней переговоров означал крах идеи влияния на процессы в России через некий общесоциалистический центр (в котором бы доминировали независимые левые партии). И Абрамович направил все свои усилия на создание Рабочего Социалистического Интернационала (РСИ), став в нем, наряду с Ф.И. Даном, представителем РСДРП и членом Исполкома.

Осенью 1922 г. Абрамович одним из первых среди членов ЗД (Дан сделал это весьма неохотно) поддержал решение Бюро ЦК в России об отказе от участия РСДРП в очередных выборах в Советы, переходе партии в подполье и привлечении к активной работе правых меньшевиков, оказавшихся согласно решению нового руководства РСДРП вне партии. Тогда же именно он наиболее определенно сформулировал и позицию по вопросу о возможности какого-либо соглашения с большевиками, обусловив его их непреклонным отказом от террористической диктатуры в России. «Мы, – подчеркнул Абрамович, – готовы забыть все, и кровь и грехи, и взять протянутую руку, но только если это искренне и честно, а для этого есть единственное доказательство – предоставление большевиками рабочему классу в России хотя бы той политической свободы, которую он имеет в капиталистических странах»²⁶.

Это станет основой позиции Абрамовича в международных социалистических организациях и положит начало пересмотру многих мартовских положений о природе большевистского режима. Позже он сформулирует это так: «Наша оппозиция большевистскому управлению в первые десятилетия основывалась на убеждении, что большевизм – аномалия, утопическое террористическое уклонение (от нормального пути), случайность в мировом социалистическом движении»²⁷.

Решающим в перемене этих взглядов, по его утверждению, стало проведение насильственной коллективизации и ускоренной индустриа-

²⁵ *Меньшевики в 1919–1920 гг.* С.408–409.

²⁶ *Меньшевики в 1922–1924 гг.* М., 2004. С.256.

²⁷ *Социалистический вестник.* 1963. Март–апрель. №5–6 (777–778). С.67.

лизации, закрепивших «введение рабского труда для огромного большинства советского населения – крестьян, рабочих и интеллигенции»²⁸.

Все это разрушило остатки иллюзий.

«... Тогда и мы сами, – заметил он, – и социалистические рабочие всего мира поняли... на огромном пространстве российского государства, вместо той или иной формы утопического социализма, фактически воцарилось впервые в истории нового мира тоталитарное государство – воплощение самого бесчеловечного насилия, самой беспощадной эксплуатации человека государством, самого варварского макиавеллизма, какой только знала история человечества»²⁹.

Тогда же и затем параллельно с ходом Второй мировой войны и после нее менялись и представления о социализме, об основных задачах социал-демократии вообще. Один из самых образованных деятелей РСДРП Григорий Осипович Биншток писал в конце 30-х годов П.А.Гарви: «...Должен тебе сказать, что для меня Гитлер не только внешняя грубая сила, к[отор]ую я ненавижу всеми фибрами души, но и нечто внутри нас. Я не могу отмахнуться от Гитлера, и еще меньше от Сталина... Для тебя имеется противоположение: демократия – фашизм – большевизм. А для меня и большевизм, и фашизм – дети демократии. Эволюция демократии в 19 и 20 ст[олетиях] привела к фашизму-большевизму». И в другом месте: «Социализм и пацифизм провалились окончательно, страшно сказать, но надо смотреть истине в глаза. Старый мир идет к чёрту, к чёрту идет капитализм, а вместе с ним и родной его брат – социализм. Я остался антикапиталистом, ненавижу этот строй, как никогда еще не ненавидел, для того, чтобы понять, что это за грязь и лицемерие, надо тут пожить. Но социализм – это тоже не выход, вернее сказать, старый социализм, не сумевший разрешить ни одного из вопросов, в частности не разрешивший важнейшего вопроса об отношениях между обществом и личностью, между равенством и свободой»³⁰.

События предвоенного периода многих привели к подобным, а то и более жестким выводам. Приход к власти фашистов в Германии, вслед за большевистским экспериментом в России, был воспринят одним из

²⁸ Там же. 1961. Апрель. №4 (752). С.75.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Ненароков А.П. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Кн.2. Свеча в доме. М., 2009. С.270.

достоинейших российских социал-демократов И.Г.Церетели³¹ как глубочайший кризис социалистической идеи и понятия «демократия». По его мнению, наиболее «тяжкий удар» по ним нанес *аморализм*, который стал к концу 1930-х годов чуть ли не синонимом или необходимым атрибутом «реалистичности и ума в политической борьбе». Он видел в этом самое печальное последствие «большевистского яда», пропитавшего социалистическое движение, проникнув в него столь глубоко, что он стал определять «на каждом шагу» все стороны «социалистической» политики, в том числе и позицию Интернационала в борьбе с большевизмом. «Я имею в виду, – подчеркивал Церетели, – не компромиссы и уступки в государственной политике, которые большей частью повязаны обстоятельствами. Но тот узкий дух "практицизма", которым окрашены все эти компромиссы и уступки, то выбрасывание за борт идеальных основ движения, которое характеризует все эти практические шаги. В этом – кризис социализма и кризис демократии»³². В статье «Исторические задачи российской социал-демократии», написанной в 1946 году по случаю 25-летия «Социалистического вестника», он наполнил содержанием бернштейнианскую формулу «Движение – все, конечная цель – ничто», подчеркнув, что социализм – не какая-то абстрактная конечная цель, а каждодневная «защита прав человеческой личности и ее свободного развития»³³.

Абрамович прошел долгий путь к пониманию бесплодности того, что И.Х.Урилов изящно назвал стремлением Мартова «использовать все возможности найти согласительное, конструктивное решение»³⁴ с большевиками. После того как в сентябре 1940 года Ф.И.Дан вышел из состава ЗД, заняв фактически просталинскую позицию, Абрамович 11 лет,

³¹ Можно порадоваться тому, что И.Х.Урилов впервые назвал И.Г.Церетели «одним из ярких представителей партии меньшевиков», равно как и его замечание о том, что «монографического исследования о жизни и деятельности Церетели российскими историками пока не создано» (Вопросы истории. 2009. №8. С.128). Ведь и я сколько лет твержу о том же. (См. хотя бы мою статью «"...Действуя на сознание и совесть демократии". И.Г.Церетели как идеолог альтернативного пути русской революции» в сборнике: *Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность / Отв. ред. В.Л.Мальков. М., 2002*). Но раз сам, пусть невольно, попадаешь в число «тиражирующих» чуждые идеи, то и сноску неплохо бы дать.

³² См.: Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн.2. С.310–312.

³³ Социалистический вестник. 1946. 15 февраля. № 2 (582). С.53–54.

³⁴ Урилов И.Х. Указ. соч. С.125–126.

по январь 1951 года, будет возглавлять новое партийное большинство. Именно он, вместе с Б.И.Николаевским, наладит нарушенные с начала 30-х годов контакты с И.Г.Церетели. Общность своих взглядов со взглядами Церетели Абрамович выскажет в одной из своих статей второй половины 40-х годов, которую назовет «Кто социалист в наше время?». И, прежде чем сформулировать собственную точку зрения, предложит читателям подумать, как ответить на ряд важных риторических вопросов. Может, социалист – это:

«Человек, уверовавший в коллективную систему хозяйства, признавший необходимость высокой оплаты рабочих и социального страхования?»

Ненавистник капитализма, не терпящий несправедливости и господства эксплуатации, кризисов и безработицы?

Человек, размышляющий о хозяйственных проблемах и установивший путем глубокого анализа, что система планированного и регулируемого хозяйства более производительна и является более высокой ступенью, чем хаотическое "свободное" капиталистическое хозяйство?»³⁵

И вновь, спрашивая: «Достаточно ли всего этого, чтобы быть социалистом, чтобы быть признанным им?»³⁶, – констатировал:

«...Лет сорок назад мы ответили бы утвердительно на этот вопрос – решительно и категорически. Все перечисленные мною признаки были характерными чертами, отличавшими социалиста от буржуазного демократа. В настоящее же время дело обстоит уже не так. В нашу эпоху имеется достаточно людей, убежденных в том, что будущее принадлежит системе коллективного и планированного хозяйства. Однако они отнюдь не социалисты.

Они могут быть "технократами", "планистами", коммунистами, наци, фашистами и другого рода "истами".

Они отнюдь не должны быть непременно социалистами в том смысле, как мы понимаем это.

Даже враждебное отношение к капитализму и социальному неравенству, даже признание классово́й борьбы сейчас уже не является больше истинным проявлением социалистических убеждений. Антикапиталистами могут быть и часто бывают и фашисты, романтически-реакцион-

³⁵ Цитирую по переводу с идиша, сделанному Марком Вишняком в статье «Памяти Р.А.Абрамовича» (Социалистический вестник. 1963. №5–6 (777–778). С.68).

³⁶ Там же.

ные крестьянские группы, ненавидящие город и городского торговца, антисемитские мелкобуржуазные группы и т.п.»³⁷.

Конечный вывод Абрамовича однозначен:

«Социализм является чем-то иным. Это система взглядов, пропитанная моральным пафосом, пафосом свободы, человечности, гуманизма, братства. "Социализм" диктатуры, смертной казни, концлагерей при национализации промышленности для нас не социализм. Но разрешите мне пойти дальше: даже не всякий приемлющий идеи гуманитарного и свободолобивого социализма является в моих глазах настоящим и действенным социалистом... Должно исповедовать социализм не только в книгах, статьях и публичных речах, но носить его в сердце, как своего рода внутреннюю религию, как свойство характера, как черту, определяющую душу»³⁸.

Таковы итоги развития программных представлений одного из ближайших мартовских соратников, ныне забытые и только возвращающиеся в виде одного из исследовательских направлений, посвященных историческому опыту российской социал-демократии.

³⁷ Там же. С.69.

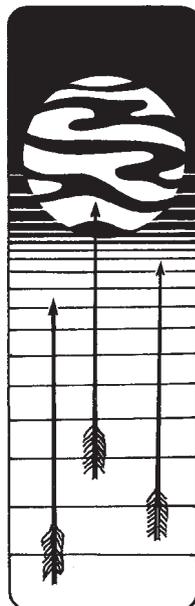
³⁸ Там же.

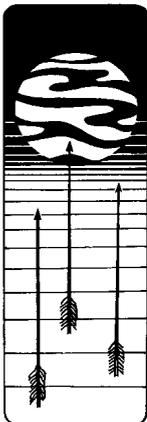
Русский подход к богословию был по преимуществу историческим, Богословская мысль пробудилась в раздумьях над религиозной судьбой всего народа. Поздняя христианизация Руси и ее славное приобщение к Церкви наталкивало на размышления. Древняя Русь, столь слабая в отвлеченной мысли, была чрезвычайно одарена историческим мышлением...

Г.П. Федотов

Вполне понятно, что необходимость как-то приблизить к нашему воображению то, что по своей природе от него далеко, вызывает необходимость в образном, метафорическом языке (причем, однако, мы должны быть сугубо осторожны в определении границ между метафорой и тем, что должно быть понимаемо буквально). Природа ангелов часто описывается через уподобление наиболее тонкому и подвижному в материальном мире – огню, ветру и особенно свету. Ангелы «огневидны»; трактат «О небесной иерархии», приписанный Св. Дионисию Ареопагиту, отмечает их сродство с огнем молнии и с очистительным огнем жертвоприношения.

С.С. Аверинцев

Владимир Мильков

ДУХОВНАЯ ДРУЖИНА РУССКОЙ АВТОКЕФАЛИИ: ИЛАРИОН КИЕВСКИЙ¹

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
27
930.2

The article deals with analysis of ideological and religious aspects of Metropolitan Ilarion's 'The Word on the Law and Grace'. It is demonstrated that the work's core meaning were historical philosophical contemplations of the thinker. His attention is focused on the progress of the universal history while the Russian history is considered as an integral part of the world history which is rich in its own achievements. According to Ilarion, the Russian people passes through two phases of development much as all other peoples do: the pre-Christian phase (infantile period of imperfection) and the Christian phase (which is Grace-filled and opens the way to salvation). The Russian Metropolitan expresses his profound patriotic idea of the young Russian people's predestination for its junction opens prospects for performance of great exploits. From standpoint of equality in faith Ilarion condemns old Christian peoples' claims to superiority. At the same time Ilarion does not deprived of pride for glorious pre-Christian past of Rus. The baptized Rus became the true inheritor of this glory. Against this background Ilarions condemns claims to national and religious uniqueness. Overall Ilarion's doctrine is appraised as the doctrine of state independence and of historical optimism.

Ключевые слова: древнерусская церковь; автокефалия; Иларион Киевский; идейно-религиозные аспекты творчества; идеология сильного независимого государства.

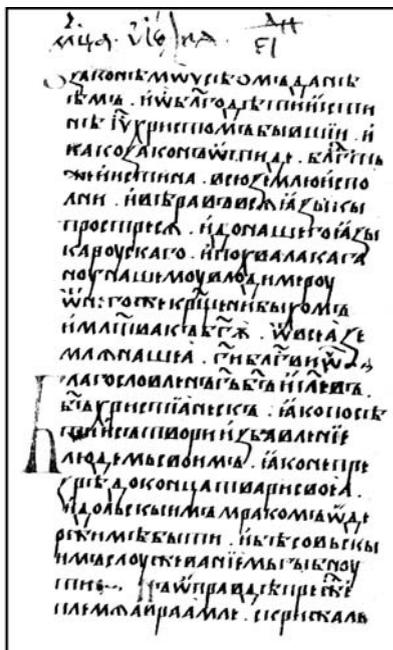
E-mail: dr_milkov@mail.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2009. №4. Первую статью цикла («Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята») см.: Россия XXI. 2009. №2.

Идейно-религиозные особенности творчества Илариона

Главное произведение Илариона Киевского – «Слово о Законе и Благодати» – скомпоновано из трех частей, отличающихся одна от другой нарастанием конкретики. Каждая из частей несет свою смысловую нагрузку. Несмотря на жанровые отличия в общей трисоставной композиции, они достаточно гармонично увязаны между собой.

Начальный лист
«Слова о Законе и Благодати»
по рукописи Синодального собрания №591,
хранящейся в Государственном
Историческом музее (XV век).

В первой части композиции, которая является богословским введением, или своеобразным «религиозно-теоретическим» зачином ко всему повествованию, речь идет о соотношении Ветхого и Нового заветов. Здесь Иларион прослеживает вселенский ход истории, дает объяснение причин и движущих сил мировых событий. Всемирная история на эмпирическом уровне его мало интересовала. Автор «Слова» не идет по обычному для христианской историографии пути подключения национальной истории к длинной цепи конкретных событий в истории человечества. Он обозначает судьбоносные моменты в жизни человечества и создает своеобразную модель изменяющегося исторического бытия.

История здесь схвачена в самой общей глобальной перспективе. Поэтому повествование начинается не с описания творения, экскурсов в ветхозаветную, новозаветную и последующие исторически обозримые эпохи, а сосредоточивается на сопоставлении характерных для народов («языков» в терминологии автора) исторических состояний. За этими рассуждениями теряется начальная точка исторического отсчета, определявшаяся в христианском учении шестью днями творения и положившая начало «бытию сего мира». Поступательный ход истории человечества рассматривается мыслителем с точки зрения смены вер. В соответствии с религиозным критерием в его исторической периодизации выделено два периода – эпоха «идольского мрака» (в отношении иудеев соответствующий период назван эпохой «закона») и время «благодати». Период «идольского мрака» и господство «закона» трактуются лишь как два различных проявления заблуждения, противостоящих наступлению «благодатного крещения».

Поставив в один ряд и почти уравнив «закон» и «идольскую лесь» (в противопоставлении их «благодати»), Иларион тем не менее не ставит между ними знака равенства. «Закон» иудеев рассматривается как начальная веха в исторической жизни только одного иудейского народа. Во всех других «языках» дохристианский период – это период, которому сопутствуют проявления «мрака», «суши» и «лести». В таких категориях оценивается господство «во всех человецех» язычества: «по всей бо земли суша бе прежде, идольстей лесь языки одержашти» [Л.174 б / С.18²]. Постепенно «источник благодатный», под которым понимается христианство, «напоет» всю землю: «сп(а)сение бл(а)го и щедро простираяся на вся края земныя» [Л.17 б / С.17]. По мере приобщения к Благодати все «языки», народ за народом, выходят на арену исторического развития. Исключение составляют «оправдывавшиеся законом» иудеи. После того как приверженцы «закона» восстали против «благодати», они оказались в стороне от магистрального пути человечества – пути спасения и света. В яркой образной форме эта важная для произведения мысль выражается смыслозначимым сравнением: в иудейской земле сушь, а по всем остальным землям благодатная роса.

² Здесь и далее тексты Илариона цитируются по древнейшему и наиболее сохранившемуся Синодальному списку № 591 из собрания ГИМ (XV в.), с указанием листов в рукописи и страниц их публикации по изданию: *Идейно-философское наследие Илариона Киевского*. Ч.1. М., 1986.

В исследовательской литературе высказывалось мнение, что Иларион выстроил трехчастную схему исторического развития («идольская лесь», «закон», «благодать»). И все-таки точнее было бы говорить о двухчастности видения Иларионом исторической перспективы. Как в иудейской истории выделяются два этапа («идольское служение» – «закон»), так и у прочих языков «идольская лесь» противопоставляется «благодати». В понимании Илариона, придерживавшегося принципа равенства всех «языков», люди Ветхого закона сами избрали себе отличную от других народов судьбу. Именно поэтому все народы в своем историческом развитии минуют этап Луны («закона»).

В повествовании, которое насыщается обильными примерами из Библии, разными средствами подчеркивается близорукость «богоизбранного» народа, который более всех других народов был «почтен» Творцом, но в «гордыне» своей слеп оказался. Распяв «Бога истинного», народ Израиля вместо пути спасения избрал путь гибели. Поэтому не народу «закона», а «новым людям» (молодым народам), по мысли идеолога древнерусского христианства, принадлежит будущее. Такой смысл вкладывался им в притчу о винограднике. Согласно этой притче «благодатью», как и виноградником, свыше определено обладать достойному. А достойными «благодати и истины» оказываются новые народы, которые уподобляются «новым мехам для нового вина»: «Лепо бе бл(а)годати и истине на новы люди вьсиати. Не вливають бо по словеси г(о)с(под)ню вина новааго учения бл(а)г(о)д(а)тъна в мехы ветхы, обещавши в иудестве. Аже ли то просядутся меси и вино пролететься. Не могше бо закона стена удержати, но многажды идолом поклонявшеся, како истинныа бл(а)г(о)д(а)ти удержати учение. Но ново учение – новы мехы – новы языкы» [Л.180 а / С.23].

Здесь необходимо сказать несколько предварительных слов об общей идее произведения и ее ключевых понятиях. По сути богоизбранными «новыми людьми» в «Слове» обозначены только выходящие на арену исторического развития народы. Согласно общей идее произведения «новые люди» оказываются бок о бок со старыми народами, которые кичатся своей богатой историей. Поэтому они возносят себя над «новыми» народами. Иларион уверен, что именно «новым народам», к которым относится и Русь, принадлежит будущее. Им возвещается спасительная истина, которую Творец «утаил еси от премудрых и разумных и открыл еси младенцемъ» [Л.175 б / С.19].

В «Слове» в образной форме, с помощью библейской притчи о Сарре и Агари, говорится о неизбежности наступления уготованной «но-

вым» народам благодатной эпохи. В интерпретации Илариона сын рабыни Измаил олицетворяет собой эпоху рабства («закон»), а законнорожденный Исаак – освобождение («благодать»). Внеприродный источник «благодати» с неизбежностью ведет языческие народы из несовершенного прошлого в совершенное будущее. В судьбе Исаака видится Илариону предвестие наступления времени, когда «будут наследовать» свободные. Он исходит из того, что провидение благосклонно к «новым» народам, поскольку именно представители «от язык» в лице влхов поклонились Христу, тогда как иудеи искали его, чтобы убить.

Обобщая приведенные выше мысли и идеи древнерусского писателя, можно сказать, что Иларион дает религиозно-философское осмысление размежеванию иудейства (как национально замкнутой религии, представители которой претендуют на исключительность) и христианства (как национально безразличной религиозной общности). Расставляя таким образом акценты, автор предостерегает от опасности притязаний не только иудейского, но и других народов на превосходство. И, может быть, недалеко от истины был дореволюционный исследователь Н.И.Жданов, который увидел в мотивах «Слова» антивизантийскую направленность. Он не без основания обратил внимание на то, что сопоставление Иларионом Закона и Благодати «не в таких свойствах состоит ...если бы оно («Слово». – *В.М.*) действительно направлено было против еврейской пропаганды»³. Вся конструкция произведения являлась убедительной «только для того, кто стоял уже на христианской точке зрения», поэтому, согласно Н.И.Жданову, следует «совершенно оставить мысль, что Слово Илариона вызвано необходимостью дать отпор еврейской пропаганде»⁴. Исследователь прав в том, что обвинение в богопротивной вере широко применялось средневековыми авторами в полемиках и использовалось как штамп, в условном его понимании⁵. В условиях автокефалии этот полемический прием логично было применить против оппонентов, на то время греческих. Только следует уточнить, что никакой конкретики Иларион в свои общие рассуждения не вкладывал. Он формулировал общий принцип, под действие которого подпадал любой народ, возносящийся в своей национальной гордыне. Имеющий уши да слышит. Полезно извлекать уроки истории.

³ Жданов И.Н. Сочинения. Т.1. СПб., 1904. С.78.

⁴ Там же. С.79.

⁵ См.: Там же. С.80.

Критическое отношение Илариона к Закону и его представителям некоторые дореволюционные (Филарет, С.П.Шевырев, И.Я.Порфирьев) исследователи были склонны рассматривать в контексте антииудейской полемики. В новейшей историографии данная проблема также стала предметом обсуждения⁶. «Реальную подкладку иудейской темы» в творчестве древнерусского митрополита усматривает В.Н.Топоров. Он считает, что на Руси в то время доказательства превосходства христианства над иудейством были актуальны для евреев, переходивших в христианство. По мнению В.Н.Топорова, необходимость литературного развития этой темы была вызвана стремлением евреев к сохранению своей самобытности при переходе в христианство⁷. Актуальность проведения антииудейской политики признает и А.Ю.Карпов, хотя и не рассматривает «Слово» как антииудейский трактат⁸. С таким выводом нельзя не согласиться. Никакой прямой полемики с иудейством как иноверием в произведении нет. В отношении приверженцев Закона повторено лишь то, что имеется в Евангелиях. Более того, под пером Илариона «закон» рассматривается как необходимый и предопределенный свыше этап, без которого невозможно было бы и само явление в мир «благодати»: «преж(д)е законъ, ти потомъ бл(а)г(о)д(а)ть. преж(д)е стень, ти потомъ истина» [Л.170 а / С.14]. Закон представлен в произведении как «предътеча и слуга благодати и истины». «Слово» обозначает последовательность движения от «закона» к пришедшей ему на смену христианской вере: «законъ бо преж(д)е бе. и възнесеса въмале и отиде. вера же хр(с)тианьска послеж(д)е явьльшися» [Л.174 б / С.18]. Кроме того, автор постулирует, что христианство возникло из недр иудейства, а эра Закона непосредственно подготавливала пришествие Благодати: «положи законъ на проуготование истине и бл(а)г(о)дати. да в немь обыкнеть ч(елове)чьско ество»; «закономъ и обрезаниемъ приметь млеко бл(а)годеть и кр(е)щения» [Л.169 а / С.14]. В дополнение ко все-

⁶ См.: Кожин В.В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Вопросы литературы. 1988. №12. С.130–150; Он же. Несостоятельные ссылки // Вопросы литературы. 1989. №9. С.236–242; Робинсон М.А., Сазонова Л.И. Мнимая и реальная историческая действительность эпохи создания «Слова о Законе и Благодати» Илариона // Вопросы литературы. 1988. №12. С.151–175. Они же. Несостоятельные идеи и методы // Вопросы литературы. 1989. №9. С.242–252.

⁷ См.: Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. Первый век христианства на Руси. М., 1995. С.281–282, 347.

⁸ См.: Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., 2005. С.404.

му уже отмеченному, от лица автора говорится, что он обращается не к иноверцам: «Ни къ неведущимъ бо пишемъ. нъ преизлиха насытъшемся сладости книжныа. не къ врагомъ б(о)жиемъ иновернымъ...» [Л.169 б / С.14]. Произведение с такой автохарактеристикой не может рассматриваться как полемически антииудейское по своей цели.

Вместе с тем в ценностном подходе к народам и верам не все выглядит однозначно просто. Перед лицом Благодати языческим народам оказывается предпочтение перед иудеями. Они достойны воспринять ее потому, что представлявшие языческий мир волхвы первыми пришли на поклонение к Христу. Событие священной истории расценивается как знаковое предуказание на то, кто должен быть преемником Благодати. Иудеи же, как Богом избранный народ, более всех других народов почетны были, однако поняли свое избранничество как исключительность. Узкоэтническую замкнутость Иларион связывает только с иудейством, которое «скупо бе. зависти ради. не бо ся простирааше въ ины языки нъ токмо въ иудеи единой бе» [Л.173 б / С.17]. Замкнутость представителей Закона противопоставлена вселенности христианства: «хр(ис)тианыхъ же сп(а)сение бл(а)го и щедро. простираяся на вся края земленыя» [Л.173 б / С.17]. Именно это открывает исторические перспективы для молодых народов, в том числе и для русского. Приобщение к Благодати невозможно без разрыва с язычеством, а восприятие Благодати через крещение расценивается как обретение нового состояния, как обновление и просвещение (ср.: «мрак отступил»).

Илариона заботят более глобальные и насущные в его понимании проблемы, чем задачи полемического обличения иудейства. Он сопоставляет историческое бытие своего отечества с судьбами других народов и обращает внимание своих современников на то, как в национальной истории отражается ход глобальных вселенских перемен. При таком подходе выявляется параллелизм явлений в мировой истории. Согласно Илариону, магистральный ход мировой истории вершится по определенному Богом плану, а само движение ее воплощается в приобщении все новых и новых народов к «благодати» (т.е. – христианству). Приобщение к вере во Христа является для Илариона показателем исторической зрелости того или иного народа. По представлениям мыслителя, каждая страна и населяющий ее «язык», следуя свыше предначертанной очередности, приобщается к Благодати, в предназначенное ей время вступая в новую стадию своего исторического бытия. Творец выступает в роли попечителя, который не дает погибнуть «творению своему» в «служении бесам».

За этими рассуждениями скрыта глубокая идея непрерывности движения и схожести поступательных этапов в историческом развитии разных народов. Согласно такому подходу все страны поочередно переходят (или будут переходить) из несовершенного прошлого в совершенное настоящее. Воцарение «благодати» в постепенно расширяющихся пределах христианского мира, куда попадает и Русь, порождает оптимистическую веру древнерусского мыслителя в будущее благополучие «новых народов» и, самое главное, в великое предназначение недавно крестившегося народа русского. На этом фоне в тексте Илариона едва ли не впервые в древнерусской литературе звучит идея равноправия всех народов. Исключения составляют только иудеи, возвеличившие свое превосходство и застывшие в рабском состоянии законности. Перечисленные здесь смысловые линии повествования дают все основания заключить, что по форме зачин «Слова о Законе и Благодати» представляет собой классический образец богословской экзегезы, а по содержанию это сугубо историософские суждения.

Вторая, центральная часть «Слова» исполнена в манере торжественного гимна. Только гимн этот составлен был Иларионом не по поводу значимых событий священной истории, а посвящен центральному моменту истории отечественной. В этом разделе автор произведения переходит к рассмотрению истории своей страны, которая «включается» им в мировой исторический процесс. Поворотным этапом, конечно, является христианизация, в ходе которой Русь, наряду с другими народами, обретает новое качество своего исторического бытия: «вера бо бл(а)г(о)д(а)тьнаа по всеи земли простресея и до нашего языка рускааго доиде...» [Л.180 б / С.23].

В отечественной истории, как и во всемирной, Иларион выделяет два этапа – дохристианский и христианский, с которым соотносится духовное преображение народа. Разрыв с прошлым, открывающий надежды на спасительное будущее, описывается образно: евангельский источник, дающий живительную влагу «многим народам», достиг пределов Руси. К этому источнику нетления припадают современники Илариона и пьют из него. Приобщение к вере во Христа описывается в «Слове» как пространственное расширение Благодати, распространяющейся на новые народы и земли. Благодать и истина как бы наполняют всю землю, покрывая ее подобно воде морской: «И х(ристо)ва бла(го)дать всю землю обьять. и яко вода морьскаа покры ю» [Л.174 а / С.18]. В данном случае автор использует яркие образные средства конкретно осязаемого восприятия.

Автор «Слова» подробно, в сравнительном ключе перечисляет происходившие на Русской земле перемены, в результате которых на смену «идольскому мраку» приходит христианство. Он говорит о том, что прежде его соплеменники были слепыми и света истины не видели. Они были глухи к спасительному учению, жили по-скотски, заботились только о земном и не думали о небесном. Когда по милости Божьей воссиял в них свет разума, вместо жертвенников стали воздвигаться церкви, а на смену закланиям пришла бескровная жертва. Так ранее чужие Богу люди стали его сыновьями. С приходом благодатной веры все кардинальным образом изменилось на Руси. Вчерашние идолослужители теперь славят Троицу и уповают на жизнь вечную: «И оуже не капище сътонино съграж(да)емь. но х(ристо)вы ц(е)ркви зиждемь. оуже не заклаемь бесомь другъ друга. нь х(ристо)с за ны закалаемь бываеть... и оуже не последуемь бесомь. нь ясно славимь х(рист)а б(ог)а нашего... и пре(ж)де бывемь намъ яко зверемь и скотом... и нимала о небеснии(х) попекушемся... врази бывше сынове его прозвахомься» [Л.181 а–182 б / С.24–25]. Автор выражает твердую уверенность в спасительном будущем не только русского, но и других народов, которым еще предстоит увидеть спасение, уготованное им от Бога.

По сравнению с первой частью значительно усилена мысль о том, что «спасенного» учения удостоились язычники. В отличие от оценок «языческой лести», осуждение «закона» звучит суровее и беспощаднее. Во второй части «Слова» получает дальнейшее развитие тема противопоставления «новых» и «ветхих» народов. В рамках этой темы не только говорится о праве молодого славянского народа «быть новыми мехами для старого вина», но подвергается критике высокомерие представляющих «старые народы» греков. Для Илариона неприемлемо, что последние относятся к «молодым народам» как к лишенным собственной истории варварам, как к пассивному объекту миссионерства. Всем пафосом своего повествования он подчеркивает, что его соотечественники без внешнего вмешательства способны на великие свершения.

Для Илариона, как для идеолога, принимавшего самое деятельное участие в общественной и внешнеполитической жизни страны, важно было доказать равноправие «молодого народа» (народа без прошлого, с точки зрения греков) с народами, уже давно утвердившими свое положение на исторической арене. В данном случае, он в первую очередь подразумевает византийцев и, возможно, римлян. В теории и на практике тот же самый принцип впервые провели в жизнь славянские первоучителя Кирилл и Мефодий, благодаря которым был произведен слом

концепции трехъязычия⁹ и введено богослужение на славянских языках. В духе идей солунских братьев Иларион сделал полезный для Руси вывод: не притязая на первенство (что «погубило» иудеев), он поставил русский и другие «новые народы» в один ряд со «старыми», богатыми христианской традицией и культурными достижениями.

В таком развитии мысли можно было бы видеть антивизантийскую заостренность творчества Илариона. Однако в прямой форме никаких прямых выпадов в адрес единоверцев-греков автор «Слова о Законе и Благодати» не делает. Его принцип – проведение твердой положительной линии, что не позволяет опускаться до нападок и обличений (будь то иудеи или византийцы). В этой своей убежденности мыслитель исходит из принципа равенства всех христиан: «въ всех языцех сп(а)сение твое» [Л.184 а / С.26]. После принятия Русью крещения дальнейшему распространению христианства не ставится пределов: «нового учения благодатного» ждут новые народы и новые острова: «мене острови жидуть и на мышью мою страны оуповають» [Л.184 а–184 б / С.26]. На фоне ожиданий вселенского торжества Благодати Иларион прославляет новообращенный христианский народ и не выделяет его среди других представителей христианского мира: «се оуже и мы съ всеми хр(ис)тианьми славимь с(вя)тоую Тр(ои)цу» [Л.180 б / С.23]. Никакой агрессивности и кичливого превосходства над единоверцами-византийцами такие установки в себе не несут.

Иларион формулирует национальную идею не с позиций воинственного возвышения новообращенной Руси над Византией и другими народами, а исключительно в форме утверждения права крещеных русских на равенство со всеми другими «языками» христианского мира, в том числе и с греками. Пример иудейской слепоты в отношении к Благодати весьма показателен. Подвергнув критике идею превосходства одного народа над другим, автор не может применить тот же принцип к своим соотечественникам. Соответственно всякие попытки говорить об исключительной заносчивости русских перед другими народами абсолютно беспочвенны. Идеология Илариона – это не идеология войны, а идеология суверенитета и взаимного уважения между равноправными и принадлежащими к одной вере народами.

Реализовывать идеологию на практике – это уже дело политиков. Ярослав, как известно, предпринял целый ряд недружественных шагов в

⁹ *Приверженцы трехъязычия считали, что богослужение можно вести только на еврейском, греческом и латинском языках.*

отношении греков. Побудительным мотивом таких действий было общее для него и Илариона осознание высокого достоинства собственной страны. И в том, что подобного рода выводы делались, повинно Царство, а не Священство. Последнее формировало идеал, а инструменты для достижения этого идеала находились в руках светской власти. Впрочем, в то время само Священство было в державных руках Ярослава. Соответственно говорить об абсолютном тождестве в то время идеологии и политики нельзя, как нельзя говорить о полном совпадении мыслей и действий двух великих деятелей той эпохи.

Третья, заключительная часть «Слова о законе и благодати» представляет собой Похвалу крестителю Руси Владимиру, которая является идейно-смысловой вершиной повествования. Вместе с тем здесь в наибольшей мере отразились воззрения Илариона на власть и его видение идеального состояния общества. Еще одна важная особенность повествования – выражение гордости за Русскую землю, известность о которой простирается во все края земные.

Похвала имеет признаки автономности в общей композиции «Слова», в отличие от более тесно связанных между собой предшествующих блоков. По форме текст обладает некоторыми чертами агиографического стиля и воспринимается как заявка на канонизацию Владимира Крестителя. Постановка такого вопроса находилась в русле стремлений к национально-церковной автономии, а идеологически подобного рода задачи обосновывал в своем произведении Иларион. Русский митрополит исходил из того, что каждая земля славит и чтит своего учителя. Таковым учителем для Руси в его глазах является Владимир, который привел свой народ ко Христу.

В Похвале специально подчеркивается, что Владимир ввел в своей стране христианство без каких-либо внешних побуждений его к этому. К необходимости принятия крещения он пришел сам, «токмо от бл(а)гаго съмысла и остроумия» [Л.189 б / С.30]. Заслуга его, как крестителя, тем более значима, что он не был свидетелем чудес Христа, не видел апостолов и уверовал. Ясно, что такая трактовка присоединения страны к христианскому сообществу самым непосредственным образом отвечала задачам церковного самоопределения Руси.

Крещение Руси Иларион склонен объяснять личными заслугами в этом деле Владимира, «благоверие» которого было «съ властью съпряжено». Быстрая христианизация страны также относится к числу свершений Владимира Крестителя. Перестройка жизни в стране на основе новой веры рисуется автором с применением характерных для предше-

ствующего раздела произведения сравнительных приемов: на месте разрушенных капищ появляются церкви, сокрушенные идола заменяются иконами, мрак идольский рассеивается по мере наполнения городов монастырями и храмами, побежденные бесы бегут от креста. В контексте трехчастной композиции «Слова», таким образом, читается еще одно описание торжественного шествия христианства по Русской земле, сходное по манере с предшествующими разделами «Слова», но избегающее явных повторений.

Масштаб успехов христианизации ко времени правления Ярослава, конечно же, автором «Слова» преувеличен. Оптимистическая картина, создающая резкий контраст старого и нового, лишь подчеркивает значимость перемен. Описание благочестивых свершений формирует образ идеального князя-христианина. Но главное, гиперболизм является чисто литературно-публицистическим приемом, позволяющим – при таком описании реалий – претендовать на равенство Руси с Византией. Доказательством равного достоинства служит тенденциозное сравнение в «Слове» Владимира Святославича с Константином, а его бабки Ольги – с матерью Константина Еленой. Аналогичным целям служит также сравнение Софии Константинопольской с Софией Киевской. В общем контексте, начиная с библейских сравнений, выстраивается следующий смысловой параллелизм:

Зачинатель дел	Свершитель дел	Итог строительного созидания
Давид Константин	Соломон Юстиниан	Постройка храма Возведение Софии Константинопольской
Владимир	Ярослав	Возведение Софии Киевской

Параллелизм присутствует также в сравнительных характеристиках знаменитых личностей Руси и Византии в связи с причастностью их к начальной стадии распространения христианства в своих странах: Константин (содействовал принятию христианских установлений Никейского собора) – Владимир (закон веры положил людям своим); Елена (вместе с Константином перенесла крест из Иерусалима в Константинополь) – Ольга (принесла крест из Нового Иерусалима, т.е. Константинополя, в Киев) [см.: Л.191 а–191 б / С.32]. Смысл сюжета отнюдь не сво-

дится к распространенному мотиву трансляции вероучения, хотя внешняя схожесть имеется. По логике автора «Слова» Киев рассматривается как новый Константинополь. Главный вывод из всей этой конструкции – Русь ни в чем не уступает Византии.

Похвала первому христианскому властителю Руси объединена с совершенно нетипичным для церковной литературы восхвалением и прославлением языческих предков Владимира: «похвалим... великаго кагана... вьнука старааго Игоря, с(ы)на же славнааго Святослава, иже в своа лета владычествующе мужьством же и храборьством прослуша в странах многах, и победами и крепостию поминаются ныне и словуть. Не в худе бо и неведоме земли владычстваша, нъ в Руське, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли» [Л.184 б–185 а / С.26–27]. Оценивая историческую череду представителей рода рюриковичей, Иларион возвеличивает весь род и представляет Владимира наследником родовой славы предков: «сий славный от славных рожья, благороден от бл(а)городных» [Л.185 а / С.27]. Даже формальное, в качестве дани церковной традиции, противопоставление христианского властителя Руси его «поганым» предкам отсутствует. Владимир рисуется достойным наследником славы и величия прародителей. В исторической перспективе весь княжеский род рассматривается как единое целое. Новый христианский подход выразился в прослеживании автором уже христианской родовой традиции. Эту традицию представляют первая христианка в роду – княгиня Ольга, продолжают ее внук Владимир, а затем и Ярослав [см.: Л.191 б–192 б / С.32–33]. Как видим, прежний архаический принцип продолжает работать в решении поставленных автором задач и лишь подвергается трансформации.

Восхваление в «Слове» Ярослава сопрягается с прославлением всего княжеского рода. Придание автором важного значения родовой традиции, восходящей к языческой архаике, может иметь под собой еще и социально-политическую подоплеку. Когда Иларион в исторической перспективе повествует о преемственности славы в роде русских князей, с безразличием к их исповеданию, он воспроизводит принцип преемственности единодержавной власти от отца к старшему сыну. А это уже принцип майората, который вводил Ярослав. Описание идеальной нормы правления отвечало задачам внутривластной жизни эпохи Иллариона–Ярослава. На таком фоне можно было закрыть глаза на языческое происхождение князей. К тому же Иларион говорит только о нейтральной в идеологическом отношении славе языческих князей, а

вопросы веры предков вовсе не затрагиваются. Важной была ключевая для родовой схемы норма, определявшая порядок наследования.

Можно указать еще на один аспект социальных воззрений Илариона. В «Слове», в связи с осуждением Закона, много критического сказано по поводу рабства. Состояние несвободы было хорошо известно людям тогдашнего времени, поскольку в условиях феодализации многие попадали в состояние холопства, а еще большее число древних русичей сталкивались с суровыми реалиями тогдашнего законодательства, которое отнюдь не гарантировало справедливости. Процессы закабаления и разных других форм зависимости шли интенсивно, в том числе и на основании применения «закона». Поскольку Иларион горячо и убедительно отстаивал принцип равенства как генеральный принцип своих суждений, то стремление к достижению равенства народов одной веры заведомо предполагало и равенство единоверцев, образующих «новый народ». Логика смыслов в контексте критического отношения к Закону и законности (в обобщенном, абстрактном понимании) вполне могла трансформироваться в идею социального равенства. По вполне понятным причинам проговоренными столь смелые социальные идеалы быть напрямую не могли и существовали в подтексте. По-видимому, можно говорить о зачатках первой социальной утопии в истории русской мысли.

Необходимо рассмотреть еще одну важную идейно-мировоззренческую особенность творчества Илариона. Его тексты формируют у читателя достаточно благоприятное отношение к предназначению языческих народов, которые свыше призваны быть восприимчиками Благодати. Языческое прошлое Руси Иларион не только не приравнивает к небытию, как это делалось в большинстве произведений христианской письменности, но, напротив, с явным чувством гордости повествует он о языческих предках Владимира Крестителя. По замыслу Похвалы, величие страны в ее языческом прошлом является желанным прообразом будущего. В отечественной истории язычество выступает в том же провиденциальном значении, что и эпоха «закона» для христианства в целом. Таким образом, Иларион высказывает мысль о непреходящем значении прошлого вообще. Вне конфессиональных оценок слава прошедших лет, соединенная с величием современных Илариону дней, внушает надежду на будущее и уверенность в новых достижениях. Славным прошлым Русь оправдывает предназначение стать «новыми мехами для нового вина». Действие Благодати настолько всеобъемлю-

ше, что распространяется и на дохристианскую историю и в итоге выливается в терпимое отношение к языческому прошлому Руси.

Пример Илариона – это редкий пример того, как представитель высшей иерархии древнерусской церкви не занимал воинственной и резко обличительной позиции в отношении язычества своих сограждан. Несмотря на противопоставление языческого и христианского этапов отечественной истории, в самой сути осмысления перемен «идольский мрак» славянского язычества не сгушался автором «Слова». «Идольская лесьть» представлена едва ли не заблуждениями детского возраста «молодого народа». В трактовке Илариона, благодаря принятию новой веры, народ как бы дорастает из несовершенного состояния до состояния зрелости.

Чем же можно объяснить факт отсутствия обличений язычества? Конечно, эту деталь можно поставить в один ряд с отсутствием в «Слове» полемической заостренности в адрес иудейского иноверия. Можно также объяснять трезвым расчетом, принимающим во внимание цепко удерживающиеся пережитки прошлого в тогдашней действительности. Наконец само «Слово» не ставило целью вразумление маловеров. Но и с учетом перечисленных соображений памятник резко отличается от других текстов, устойчиво воплощавших принцип критики язычества при любом упоминании того. Почему? С одной стороны, обличение язычества пришло бы в явный диссонанс с парадной картиной торжества православия при Ярославе, а с другой, – автор тем самым щадил своих современников, о которых сказал столько явно завышенных лестных слов. А ведь и потомки современников Илариона несколько столетий спустя после крещения оставались крайне несовершенными. Подтверждением тому служат многочисленные данные источников об уклонениях в двоеверие.

Можно предложить еще одно объяснение. Многими исследователями отмечено, что в заключительной части «Слова» очень четко выражена гордость за языческое прошлое своей страны, а точнее за деяния языческих князей. Никаких прямых однозначных выводов о языческих симпатиях Илариона из этого не следует. Данную особенность все-таки не следует трактовать упрощенно и однозначно. С одной стороны, Иларион был первоиерархом в недавно крещенной стране, а с другой, – паства-то его была сплошь вчерашние язычники. В этой ситуации пограничности и сложнейших процессов трансформации, скорее всего, и следует искать ответ. Резко обличить язычество в тех условиях значило бы оттолкнуть от Церкви многих нетвердых в вере неопитов. Талантли-

вый мыслитель и практик поступает гибко и находит форму для гармоничного решения проблемы. В «Слове о Законе и Благодати» он формулирует общий принцип, важный для переходного периода: языческие народы самим Богом избраны стать его сынами и воспринять веру во Христа. Поэтому разделы произведения, в которых повествуется о провиденциальном приближении к «истине» и «благодати» новой веры языческих народов, вполне объясняют столь нетипичную особенность воззрений писателя-митрополита. К тому же сама сформулированную в «Слове» установку можно рассматривать как принцип, которому другие должны были следовать. По крайней мере, подвластные митрополиту епископы. И, видимо, следовали. В «Поучении» Луки, направленном на воспитание духовных чад, антиязыческая тема отсутствует. И это всего полстолетия спустя после введения христианства.

Не исключено, что отсутствие критики язычества и терпимое отношение предстоятеля Русской церкви к нравственному облику своих чад как-то взаимосвязаны. Последнее красноречиво демонстрируется содержанием «Молитвы» Илариона, которая религиозную обстановку в стране рисует не столь парадно, как «Слово». В молитве за всю Русскую землю митрополит выражает надежду на суд без кары и на помилование в этой жизни от напастей и казней: «помилуй ны призываа грешники в покаание и на страшнем твоєм суде деснааго стояния не отлучи нас, нь бл(а)гословления праведных причасти нас» [Л.198 а / С.37–38]. Он признает, что новые нормы поведения еще не были свойственны людям его времени. Характерно, что в текстах Илариона практически повсеместно снимается тема суда и воздаяния. «От противного» эта тема затрагивается в «Молитве», но в ней же мы обнаруживаем адресованное Творцу «предупреждение». В своем обращении к Богу митрополит заострял внимание на том, что всякая угроза в отношении новообращенных опасна – «да не отпадут от веры нетвердии верою. Мало показни, а много помилуй» [Л.198 б / С.38]. Вместо покаянных мотивов «Молитва» отражает озабоченность архиерея возможным отпадением верующих в случае проявления Божественного гнева: «не тръпить наше еСТЬСТВО длго носити гнева твоего» [Л.198 б / С.38]. Выразив уверенность в нежелательности Божественного наказания маловеров, он призывает Бога: «терпе нас, направляя ны на истину твою» [Л.197 б / С.37]. В «Молитве» отразилось своего рода «безоглядное» милосердие древнерусского первоиерарха.

В свете таких особенностей молитвенного обращения становится понятно, почему при извлечении выдержек из Библии в свое «Слово»

Иларион опускал ссылки, упоминавшие о божественной каре в отношении народов. Многократно обращаясь к Псалтыри, он не приводит ни одного примера суда и наказания в отношении неверных и отступников, которыми изобилуют псалмы. Как бы там ни было, но разработанное в учении христианства понятие Суда утрачивает в передаче Илариона свое прямое назначение. В данном случае речь, конечно, идет о малой эсхатологии (т.е. прижизненном наказании нечестивцев). Молитвенник за Русскую землю испрашивает у Бога милость и всепрощение своим грешным чадам: «не въниди в суд с рабы своими, мы людие твои» [Л.196 а / С.36]. Движение от греховного состояния к очищению от грехов митрополит ожидает не от личных волеизъявлений, а от произволения милостивого Бога: «яко от тебе оцещение есть, яко от тебе милость и много избавление, и души наши в руку твою, и дыхание наше в воли твои» [Л.197 а / С.36]. Надежда на нравственное преобразование падших возлагается на «высшую» небесную власть. Иларион рассуждает с позиций провиденциального понимания действительности, следовательно, все следует принимать как есть. Основание для критики деяний, с точки зрения такой мировоззренческой установки, отсутствует.

Обходя вопрос о будущем Суде и воздаянии, древнерусский мыслитель рисует образ доброго, терпеливого к беззакониям и максимально приближенного к человеку Творца. Человеколюбивый Бог действует как заступник и попечитель своих чад. Бог, по Илариону, призван быть источником милости ко всем пришедшим в лоно христианства русским людям, включая падших: «Вси бо уклонихомся, ...нести от нас ни единого о н(е)б(е)сных тщащася... Не сотвори нам... по делам нашим... но терпе на нас, и еще долго терпе» [Л.197 а–б / С.37]. Иларион отдавал себе отчет в том, что новообращенные люди не могут выполнить всех заповедей веры: «Аще въздаси комуждо по делом, то кто спасется?» [Л.197 а / С.36]. И выход был один – уповать на милость и благорасположение Господа: «аще и добрых дел не имеем, но многыа ради м(и)л(о)сти твоя спаси ны... Не остави нас, аще и еще блудим, ...съгрешаемъ ти, ...не възгнушаися, аще и мало стадо...» [Л.195 б / С.35]. Строгому, бескомпромиссному и карающему даже за малые прегрешения (при жизни и после смерти) небесному Судье противопоставлен Бог милующий: «И донеле же стоить мир не наводи на ны напасти искушения, ни предаи нас в руки чуждых, да не прозоветься град твои град пленен и стадо твое пришьельци в земли не своей, да не рекуть страны: где есть б(ог) их. Не попуцаи на ны скорби и глада, и напрасныа смертии... да не отпадутъ от веры нетвердии верою. Малы показни,

а много помилуй, малы язвы, а милостивно исцели... продльжи милость твою на людех твоих, ратныя прогоня, мир утверди... вся помилуй, вся утеши, вся обрадуи...» [Л.198 а–199 а / С.37–38]. Настрой «Молитвы» созвучен «Слову», в котором присутствуют мотивы спасения всех принявших крещение, а это уже само по себе исключает для них Божью кару в принципе. Если вспомнить предшествующие высказывания Илариона о крещении как усыновлении Богом и сопоставить это с явно выраженной в «Молитве» тенденцией к всепрощению, нельзя исключать, что сам факт крещения мог рассматриваться им как достаточное условие для спасения.

«Молитва» отразила особое понимание древнерусским мыслителем условий спасения его новокрещеных современников, отличающееся от традиционной православной точки зрения на этот счет. В сочинении киевского первосвященника присутствуют мотивы, созвучные адопционизму. О таком сближении вполне можно говорить, поскольку в понимании Илариона сам Бог дарует божественное усыновление стране и людям, ее населяющим. Соответственно подразумевается и покровительство, и в итоге спасение усыновленных. По твердому убеждению Илариона, такового усыновления удостоились все его соплеменники, невзирая на родимые пятна язычества и на греховный образ жизни.

Взгляды Илариона прямо противоположны тем, которые излагаются в т.н. теории «казней Божиих». Сторонники теории Божьего батога считали, что прижизненная небесная кара является орудием дисциплинарного воздействия для исправления верующих. Если теория казней требовала смирения, покорности и раскаяния в грехах, которые рассматривались как условия спасения, то Иларион, напротив, провозглашал такой религиозно-нравственный идеал, в котором не было места пессимизму, крайней аскезе, оправданию страданиям с точки зрения высшей задачи приобщения к благодатной вере. В этот же ряд можно поставить и отсутствие у Илариона религиозной непримиримости к отступникам от правоверия. В молитвенном обращении Иларион печется не столько о жизни будущего века, сколько о прямом благорасположении Бога, невзирая на далекое от идеального состояние нравственного облика его современников. Кроме того, митрополит формулирует мысль, что небесным заступником за страну и населяющий ее народ должен выступать первый христианский правитель Руси – Владимир, обращение за покровительством к которому в «Слове о законе и благодати» несет на себе печать влияния архаической поэтики.

В творчестве Илариона можно обнаружить некоторые черты традиционализма. К их числу надо отнести образное сравнение смерти со сном в той части Похвалы, где автор обращается к умершему Владимиру, призывая его восстать из гроба и порадоваться успехам христианизации [см. : Л.192 б / С.33]. Именно такая символика используется в фольклорных плачах по мертвым, которыми сопровождаются архаические ритуалы, с характерной для них верой в живого мертвеца. В «Слове» Иларион обращается к Владимиру, чтобы тот выступал покровителем в делах своего сына Ярослава [см.: Л.195 а / С.35], что близко напоминает окличку умершего предка. Правда, традиционная форма оклички значительно христианизирована путем превращения родича-покровителя в посредника между человеком и Богом. В строго ортодоксальном смысле Владимир не мог выступать просителем за своих потомков, ибо к тому времени он еще не был канонизирован. Определенную связь с понятиями, восходящими к родовому культу предков (как и в случае с воспеванием славы языческих князей), следует все-таки признать. Наконец, надо отметить широкое применение образов светил, а также природной символики (мертвящая сушь и благодатная влага). Иларион широко использовал вызывавшие архаические ассоциации образы, которые придавали сильную эмоционально-поэти-ческую окраску речи писателя. Без опасения за возможные рецидивы, особенно опасные в условиях перестройки сознания раннехристианского общества, он прилагает ясную для всех семантику к базовым идеям произведения. Конечно, говорить на этом основании о каком-либо двоеверии высшего должностного лица церковной иерархии Ярославова времени нет оснований. Но весьма нетипичная (в сравнении с текстами других религиозных писателей) идейная особенность творчества Илариона налицо.

О первом митрополите из русских можно сказать, что он, безусловно, учитывал действие фактора архаического традиционализма и использовал в своем творчестве отдельные его элементы, явно не вступающие в противоречие с православием. Речь, собственно, идет не о языческих симпатиях митрополита Илариона, а о тех сюжетах, где привычные дохристианские идеи и образы сливались с христианскими их значениями. Такой синкретизм придавал тексту притягательный колорит обаяния. С учетом этой особенности мягкое и невоинственное отношение первого автокефального русского митрополита к язычеству выглядит вполне закономерным.

Уроки и значение автокефалии

Подытоживая сказанное, можно сделать несколько выводов. Исторические источники не дают оснований полагать, что русская автокефалия являлась фикцией. В атмосфере устремлений к автокефалии на арену религиозно-политической жизни был выдвинут отличавшийся дарованиями Иларион – идеолог духовной автономии Руси. Творчество автокефального митрополита отличается оригинальностью и не имеет прямых прототипов. В лице Илариона русская мысль нащупывала свой собственный путь. В ту грандиозную эпоху перемен Священство и Царство шли непроторенной дорогой церковного и государственного строительства.

Естественно, философствовал и богословствовал Иларион в многовековом русле христианских установок, но он не являлся апологетом византийской церковной традиции. Богословские построения отличаются свободным творческим подходом: автор новаторски интерпретирует образы Св. Писания, смело переиначивая и дополняя библейские цитаты. В многогранном содержании «Слова о законе и Благодати» со всей полнотой раскрылся талант Илариона, сумевшего глубоко, философски осмыслить действительность и создать непревзойденный с тех пор шедевр древнерусской словесности. Жанровому синкретизму композиционно сложного произведения присущи черты синкретизма религиозного.

В общем и целом, можно сказать, что вселенское мировоззрение христиан у Илариона оплодотворено патриотической идеей. Его философско-историческую доктрину можно назвать доктриной государственной независимости, церковного самоопределения и исторического оптимизма. Жизнеутверждающее мироощущение древнерусского мыслителя обуславливалось верой в покровительство милосердного Бога, который усыновил вчера еще языческий народ страны и снисходительно терпит его прегрешения. Оптимизм подпитывался

Иларион. Радзивилловская летопись.
Фрагмент миниатюры.

политическими успехами, а также успехами на поприще созидательных преобразований страны.

Проникнутому веротерпимостью и высокими идеалами равенства творчеству Илариона не была свойственна апология аскезы, несмотря на личную склонность к уединению. Все затрагивавшиеся им аспекты злободневны и являются ответом на вызовы, с которыми столкнулась русская держава на начальной стадии своей христианизации и в процессе выхода на широкую международную арену.

Феномен Илариона не был единственным в своем роде. Источники сохранили свидетельства о деятельности и творчестве Луки Жидяты – ближайшего современника митрополита. Между Иларионом и Лукой очень много общего. Оба были яркими представителями молодой христианской культуры Руси и запечатлели в своем творчестве своеобразие той исторической эпохи. Преодолевая рамки обычного для средневековья начетничества, они в своем творчестве выходили далеко за стереотипы общеправославных клише.

Оба иерарха представляли ближайшее окружение Ярослава. Оба находились под непосредственным покровительством светской власти. Поэтому проблематика вышедших из-под их пера произведений самым тесным образом переплетается с внутренней и внешней политикой князя. Соответственно своеобразие идейной палитры творчества во многом предопределялось идеологическим обеспечением задач, которые ставил и решал со своим ближайшим окружением Ярослав.

И тот и другой были самым непосредственным образом причастны к проведению независимой от Византии политики и введению порядка автокефалии на Руси. И тот и другой были не просто церковными функционерами, но заявили о себе еще и как талантливые писатели. Лука больше на практике, а Иларион и словом, и делом обеспечивали актуальные для государственных устремлений Ярослава задачи церковной автономии.

В церковном строительстве при Ярославе просматриваются противоречивые тенденции. С одной стороны, обозначилась четкая тенденция на вхождение и удержание в каноническом поле Матери-церкви. А с другой, – изобретались способы сохранения свободы действий в условиях иерархического подчинения важнейшего идеологического института державы Константинополю – конфессиональному партнеру и политическому сопернику. Отсюда колебания в церковной политике князя, которые не могли не сказаться на взаимоотношениях Царства и

Священства, да и на судьбах представителей последнего. Характерно, что основные тексты Илариона были написаны задолго до введения автокефалии, а Лука своими мероприятиями в Новгороде как бы примерял к новгородской епархии модель будущей независимости Киева от Константинополя. Показательно, что за время длительного пребывания Луки на кафедре Ярослав успел принять греческое церковное подчинение, а затем отказаться от него.

На общем фоне бурных событий эпохи Ярослава программные положения сочинений Луки и Илариона достаточно контрастно оттеняют яркие грани тогдашней церковной жизни. При всех жанровых отличиях, при очевидных диспропорциях в объеме сочинений Илариона и Луки Жидяты в произведениях этих авторов обнаруживается много общего. «Поучение» Луки и «Слово о законе и благодати» Илариона родственны между собой по принципам мироотношения, по приемам разрешения насущных для своего времени проблем. Ну и, конечно, незримо их объединяет стоявшая за спинами этих «мудрствующих» церковных деятелей фигура единопержца Ярослава – князя, который обеспечил обоим выход на историческую арену. Если Лука выполнял задачу проведения автономной церковной политики в отдельно взятом регионе, то Иларион идейно цементировал автокефальную идеологию всего государства. Соответственно, трудившийся в масштабах государства и на внешнем поприще Иларион поднимал проблемы глобальные, общеустановочные (методологические, если выражаться современным языком). Лука же в Новгороде сосредоточивался прежде всего на церковно-бытовых проблемах, но действовал он так же, как и Иларион, в интересах Ярослава.

В центре внимания Илариона находилась мировая история и богатая собственными свершениями история страны. В понимании Илариона, идеальное время для Руси – это время перемен, время Владимира и Ярослава. Оно в значительной мере подготовлено дедами-предками. Прошлое органически как бы вырастает в настоящее. Поэтому Илариону несвойственно характерное для церковного творчества стремление безоговорочно отречься от дохристианского прошлого.

Мастерство Луки Жидяты проявилось не в риторических ухищрениях, использовании богатых книжных источников или в оригинальных озарениях мысли, а в его способности сделать сложное простым, ясным и понятным. В наставлениях и рекомендациях святителя пастве, как в зеркале, отразилось еще незрелое и неустойчивое состояние

церковно-религиозной обстановки в Новгороде. Текст пронизан духом христианского примирения, который был чужд влиятельным и отличавшимся буйными бесчинствами кругам новгородской знати. Тональность наставления исключительно миролюбива и лишена всяких намеков на обличение нравственных пороков. Вот на этом проблемном поле наблюдается непосредственное единство взглядов по одним и тем же вопросам. Самой же важной общей чертой творчества древнерусских иерархов является одинаково присущая им терпимость к язычеству. В их трудах не находится места обличениям язычества, даже в тех позициях, где по логике они должны бы были быть. И это при том, что оба церковных деятеля имели дело с вчерашними язычниками, еще не порвавшими связи с близким дохристианским прошлым.

В историографии процесс христианизации и перестройку на его основе общественного сознания обычно представляют ломкой революционной. Идею своеобразия творчества Илариона и Луки, с характерным для них терпимым отношением к дохристианскому прошлому, отражает поступательную суть перемен. Древнерусские иерархи действовали с оглядкой на прошлое, учитывали, что сознание их современников не может поменяться в одночасье.

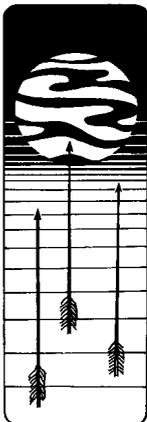
* * *

На время княжения Ярослава Мудрого приходится неожиданно мощный всплеск литературного творчества, со всей очевидностью показавший, что провозглашенный на страницах летописи культ книжной мудрости¹⁰ не был просто этикетной данью новому явлению христианской культуры, а отражал существенные сдвиги в приобщившейся к христианству державе. Спустя полвека после акта официальной христианизации древнерусская книжность сразу заявила о себе в оригинальной, весьма зрелой и далекой от робкого ученичества форме. Уже в первом поколении образованные представители молодой христианской нации выдвинули из своей среды выдающихся церковных деятелей и крупных писателей-мыслителей. Древнейшими из известных нам писателей оказались первые церковные иерархи из местного населения: новгородский епископ Лука и автокефальный митрополит Иларион. Так сложилось,

¹⁰ Имеется в виду «Похвала книгам» (Полное собрание русских летописей. Т.1. М., 1962. Стлб.151–153).

что сразу два крупных церковных деятеля из ближайшего окружения Ярослава стоят у истоков оригинальной древнерусской книжности, отечественной религиозной мысли и автокефальной русской церковной организации. В их творчестве получили отражение запросы и задачи того времени, на глубоком сущностном уровне осмыслились судьбы своей страны.

После ухода с исторической арены этого поколения русских церковных деятелей надолго заглохла ветвь живой рецепции христианства, отличавшаяся идейной независимостью от христианских центров на Востоке и Западе, а также творческой самостоятельностью, доктринальной свободой и отсутствием рабской закрепощенности мысли.

Михаил Майзульс

«ДЕМОНОМ СОКРУШНИЧЕ»:

АРХАНГЕЛ МИХАИЛ
КАК ЭКЗОРЦИСТ
В КУЛЬТУРЕ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ¹

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК

930.2

The cult of Michael the Archangel is one the central elements of Medieval Russian religiosity. The first of archangels played an important role both in strictly orthodox ecclesiastical teaching and syncretic popular beliefs / magical practices. He was regarded as a vanquisher of the Devil in the first days of Creation, the Satan's most powerful enemy in this world, principal protector of humans against the ruses and attacks of demons, demon-slayer and angel-exorcist. Common to the Christian East and West, this set of beliefs and corresponding practices wasn't, however, uniform in various parts of the Christian world and depended on the cultural context of every region. The present article proposes to trace the history of Michael the Archangel as demon-slayer and protector against the Devil in Medieval Russian culture. It will also analyze the rapports between the cult of Michael and the cults of other saints - demon fighters and the possible ties between the syncretic demonology of so called "zmeeviki" and the demonological motifs in hagiography.

Ключевые слова: Средневековая Русь; Архангел Михаил; ангеология; демонология; культ святых; синкретизм; «змеевики»; иконография.

E-mail: maizuls@gmail.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта №09-04-00135а.

Архангел Михаил попирает, пронзает копьем поверженную фигуру дракона, олицетворяющего Дьявола, или самого Сатану в человекообразном обличье². Эта сцена – визитная карточка архангела в западном искусстве Средневековья. Она изображена на тысячах книжных миниатюр, фресок, рельефов и алтарных образов. Иконографический тип архангела, победителя Дьявола, возник в Византии в VI в. Однако в древнерусском искусстве отдельный образ Михаила, попирающего Сатану, появляется лишь в XVII в. До этого изображения его битвы с силами зла почти всегда входят в состав многофигурных символических композиций. В сцене Страшного суда он низвергает с небес падших духов, а в иконографии Сошествия во ад может вместе с другими ангелами сковывать Сатану в глубине преисподней (см. ниже). И в том, и в другом случае его победа над Дьяволом визуально вписывается в контекст масштабной эсхатологической драмы – искупления грешного человечества и победы над смертью либо Страшного суда в конце времен.

На исходе русского Средневековья впервые появляются иконы, которые целиком посвящены победе Михаила над Дьяволом. Он предстанет на них в образе всадника Апокалипсиса на огненном крылатом коне. Как коронованный князь всех ангелов, он трубит в трубу и пронзает копьем лежащего на земле Сатану³. В той же роли он выступает на известной иконе Симона Ушакова «Архангел Михаил, попирающий дьявола», 1676 г. На ней громадный архангел в воинских доспехах с обнаженным мечом прижимает ногами к земле крошечную фигуру крылатого Сатаны и двух мелких бесов. Нечистые духи почти прозрачны, а над их призранными телами видны всполохи пламени⁴.

² Следуя традиции, слова «дьявол» или «сатана», в отличие от слова «Бог», в русском языке сейчас принято писать со строчной буквы. Тем не менее в контексте моего исследования будет правильной и точнее писать их с прописной. Оба слова отсылают к конкретному персонажу христианского предания и фактически служат не столько его эпитетами, сколько именами. Кроме того, такое правописание позволит избежать неизбежной путаницы, которая возникает, когда «дьявол» и «сатана» пишутся со строчной буквы, а, скажем, «Люцифер» и «Сатанаил» – с прописной. В абсолютном большинстве случаев источники говорят об одном и том же «персонаже». В тексте статьи слова «Дьявол» и «Сатана», а также «бесы» и «демоны» используются как синонимы.

³ Бенчев И. Иконы ангелов. Образы небесных посланников. М., 2005. С.91–92. См., например: Покровский Н.В. Сийский иконописный подлинник. Вып.3. СПб., 1897. №180. С.155–156.

⁴ Государственная Третьяковская Галерея (далее – ГТГ). Инв. №25519 (Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII вв. (Государственная Третьяковская Галерея). Т.2. М., 1963. №920. С.418–419. Илл.145).

Симон Ушаков. Архангел Михаил, попирающий дьявола. 1676 г

На протяжении всего Средневековья как в Византии и на Руси, так и на латинском Западе архангел Михаил выступает в роли демоноборца. Он стоит во главе сонма небесных сил и святых, которые обороняют человека от козней Дьявола, помогают ему справиться с искушениями, защищают от колдовства и порчи, изгоняют болезни, насланные Сатаной.

Однако история древнерусского архангела Михаила как демоноборца обычно пишется слишком крупными мазками и нуждается в дополнительной реконструкции. Какое место борьба с Сатаной и миссия экзорциста занимали в его разветвленном культе? Как его заступничество виделось в Средневековой Руси, кто и как к нему прибегал? Как делились роли между ним и другими демоноборцами: ангелами и святыми? Наконец, как канонические представления об ангелах и церковный культ архангела Михаила взаимодействовали с альтернативными («народными», «апокрифическими») представлениями о природе зла, болезни и демонов? На эти вопросы мы попытаемся ответить. Для того чтобы это сделать, предстоит рассмотреть ряд более древних традиций, которые оказали влияние на древнерусскую ангелологию и демонологию. Но сначала мы сделаем шаг назад и взглянем на «биографию» архангела Михаила в длительной исторической перспективе.

«БИОГРАФИЯ» АРХАНГЕЛА История архангела Михаила складывается из множества элементов. Она включает библейские и – шире – иудейские истоки его образа; хроннику его важнейших чудес и явлений, закрепленных в традиции; историю отдельных святилищ, посвященных архангелу; географию и каналы распространения его почитания; литургические формы его культа и традиции его изображения... На пересечении всех этих фрагментарных историй стоит вопрос о том, как на протяжении веков складывались и дифференцировались функции архангела. Это собственно его «биография».

Архангелу Михаилу принадлежит особая роль в древнерусских представлениях о прогнотировании добра и зла, ангелов света и ангелов тьмы. Как в восточном, так и в западном христианстве он венчает иерархическую лестницу ангельских сил и считается предводителем небесного воинства, покровительствует земным государям и защищает целые царства⁵. В нем видят победителя Сатаны, всеобщего заступника, целителя и в то же время грозное орудие Божьего гнева и ангела смерти, которого, по часто цитируемому выражению О.А.Добиаш-Рожественской, скорее боятся, чем любят⁶.

«Портрет» архангела Михаила наиболее индивидуализирован среди всех известных и почитавшихся в христианстве ангелов, и он чаще других вступал в контакт с человечеством. Его библейская и по-

⁵ *Первый из ангелов не мог не стать естественным покровителем византийских императоров, а затем других государей. В Византии, как известно, иерархия императорского двора считалась земным воплощением иерархии ангельских чинов, которую венчает архангел Михаил. В империи Каролингов он почитался как защитник державы и патрон всего христианского народа (в 813 г. Карл Великий распорядился установить его культ на всей территории империи) (Faure Ph. L'ange du Haut Moyen Age Occidental (IVe – IXe siècles): création ou tradition? // Médiévales. 1988. №15. P.40, 42). – Культ архангела Михаила имел политическое звучание и в Московской Руси. Как писал князю Курбскому Иван Грозный, архангел был «предстателем» Моисею, Иисусу Навину, Константину Великому «и оттоле даже и донныне всем благочестивым царем пособствует» (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С.36, 84). Архангел Михаил считался патроном московского великокняжеского дома, а кремлевский Архангельский собор служил родовой усыпальницей для удельных и великих князей московских, а затем и русских государей вплоть до 1730 г., когда там был похоронен внук Петра Великого – юный император Петр II.*

⁶ *Добиаш-Рожественская О.А. Культ св. Михаила в латинском средневековье, V–XIII вв. Пг., 1917. С.392.*

стбиблейская «биография» необычно богата на различные явления и чудеса. Кроме того, его значение было так велико, что христианская традиция часто связывала с ним деяния (прежде всего, воинские подвиги) тех ангелов, которые в Библии не были названы по имени, либо вводила его в сцены, где в библейском тексте ангелы прямо не фигурировали⁷. Фигура Михаила аккумулирует в предании Церкви и массовых религиозных представлениях длинный ряд разнообразных функций. Часть из них была традиционна для всех ветхозаветных и новозаветных ангелов (роль Божьих посланников, посредников между Богом и человеком или приставов небесного правосудия)⁸. Другие, напротив, подчеркивали его особое положение. Это миссия защитника Израиля, функция проводника в мир иной и особая роль в борьбе с Дьяволом⁹.

⁷ Например, в Библии рассказано о том, как во время ассирийской осады Господь защитил Иерусалим, послав на землю своего ангела, который за ночь уничтожил 185 тысяч ассирийских воинов (4 Цар. 19:35; 2 Пар. 32:21; Ис. 37:36). Хотя библейский текст не называет имени ангела, традиция, хорошо известная на Руси, приписывает этот подвиг именно архангелу Михаилу. С Михаилом отождествляют «вожделю воинства Господня», который явился Иисусу Навину под стенами Иерихона (Нав. 5:13–15). Иконописная традиция часто вводит изображение архангела в сцену огненного восхождения пророка Или, хотя в библейском фрагменте (4 Цар. 2:11–12), на который она опирается, присутствие никого из ангелов не упомянуто.

⁸ Как подчеркивает К.-Ж.Дюбуа, Божьи посланники, упоминаемые в ранних книгах Ветхого Завета, ангелы из поздних ветхозаветных книг или апокрифов времен Второго храма и ангелы христианской традиции вовсе не идентичны друг другу. Христианская экзегеза переосмыслила ветхозаветные свидетельства о посланцах Божьей воли и образах, в которых Бог предстает перед людьми, и дальше, чем иудаизм, пошла по пути персонализации этих функций. Она отождествила с ангелами причудливых существ («херувимов», «серафимов» и др.) из видений иудейских пророков и создала стройную систему, в которой наряду со старейшинами ангелов появилась масштабная фигура Дьявола – падшего ангела (Dubois C.-G. *L'invention du mythe des «anges rebelles»* // *Imaginaire et Inconscient*. 2007. №1. Vol.19. P.31–50).

⁹ Архангел Михаил в Библии, а также иудейских и раннехристианских апокрифах: Глаголев А. *Ветхозаветное библейское учение об ангелах. Опыт библейско-богословского исследования*. Киев, 1900. С.361–362, 372–375; Kuhn H.V. *The Angelology and the Non-Canonical Jewish Apocalypses* // *Journal of Biblical Literature*, 1948, №3; Johnson R.F. *Saint Michael the Archangel in Medieval English Legend*. Woodbridge, 2005. P.18–22, 137–139; Hannah D.D. *Michael and Christ: Michael traditions and angel Christology in early Christianity*. Tübingen, 1999. P.25, 31–54; Toorn K (van der), Becking B., Horst P.W. (van der). *Dictionary of Deities and Demons in the Bible*. Leiden, Boston, Köln, 1999. P.569–572.

Основные функции архангела опираются на фундамент библейских текстов и еще в большей степени – на мощную традицию иудейских и раннехристианских эсхатологических апокрифов. Однако с течением веков Церковь (и различные христианские общины со своим культурным фундаментом) возвела на этой основе новый догматический каркас, а также разветвленную систему преданий и образов. Фигура Михаила, как она пришла из Византии на Русь, – это сплав различных традиций, результат нескольких веков взаимодействия иудео-христианского наследия с мифологией тех народов, которые, приняв крещение, перенесли на архангела многие черты своих старых божеств и духов.

История архангела Михаила – это история возвышения. Согласно иудейским преданиям, он был одним из тех ангелов, которым Господь поручил попечение над народами. Однако, будучи патроном Израиля, он приобрел больший вес, чем остальные, и за ним была закреплена особая роль во Вселенной. В иудейских преданиях II в. до н.э. – I в. н.э. (т.е. от библейской Книги Даниила до апокрифического «Откровения Авраама») Михаил соединяет функции заступника Израиля, ангела-воина, проводника душ праведников на небеса, хранителя рая и ангела будущего Суда. К I в. до н.э. он постепенно возносится над другим архангелами и начинает восприниматься как предводитель всех ангельских сил – их «архистратиг»¹⁰. В последующие века эта тенденция только усилится, а с IV в. у христиан в коптском Египте и в Малой Азии начинает складываться особый культ Михаила. Ему впервые посвящают храмы. Начинает оформляться его иконография и составляются первые службы. В Малой Азии важнейшим центром его почитания становятся Колоссы во Фригии, где, согласно преданию, окончательно сложившемуся, вероятно, к VI–VII вв., он в IV в. не позволил язычникам погубить свой храм и чудотворный источник, пробив землю и уведя туда бурный поток, который должен был их затопить. После этого чуда местность получила название Хони, что значит «расселина» (сюжет «Чуда в Хонех» был распространен и в византийской, и в древнерусской иконописи).

Хотя представление о Михаиле как вершине ангельской иерархии и главном противнике сил зла сформировалось в иудаизме периода Второго храма и было унаследовано христианством, он часто предстает в различных источниках не единоличным повелителем невидимых сил, а первым среди равных. Михаил стоит в ряду из четырех главных архан-

¹⁰ Этот «титул» временами мог также относиться к Рафаилу и Гавриилу (Тоорн К., *Becking B., Horst P.W. Op. cit. P.569–570; Бенчев И. Указ. соч. С.96*).

гелов, которые были известны из Библии и апокрифов. Помимо него, это Гавриил (Дан. 8: 15–26; Лук. 1:19–20, 26–38), Рафаил (Тов. 3:16–17) и Уриил (упоминается только в апокрифах: 1 Книге Еноха, 3 Книге Ездры, Сивиллиных книгах и т.д.)¹¹. Общее число признанных Церковью архангелов могло ограничиваться тремя (если считать только «канонических» Михаила, Гавриила и Рафаила), однако чаще всего назывались числа четыре или семь¹².

Культ архангела утверждается в Константинополе, где с IV по XIV в. известно не менее 15 посвященных ему храмов (в пропорции церкви архангела уступают лишь храмам, освященным в честь Богородицы и Спасителя с их праздниками). Затем его культ был перенесен в Южную Италию (в 429 г. известна церковь архангела Михаила в Сполето), а оттуда в Галлию и Ирландию, где в VI–VIII столетиях формируется сеть посвященных ему святниц: Монте Гаргано (Италия), Мон Сен-Мишель (Франция), Скеллиг-Майкл (Ирландия) и т.д. В 813 г. Карл Великий установил общий для всех подвластных ему земель праздник архангела Михаила – 29 сентября¹³. Восточная церковь с IV в. почитала архангела в день Собора небесных сил бесплотных, или собора архистратига Михаила (8 ноября), а также в специальный праздник, установленный в память о чуде в Хонех (6 сентября).

¹¹ Функция архангела не была известна в ранней религии израильтян. Она возникает в поздней Книге Даниила (II в. до н.э.) и апокрифических 1 и 2 Книгах Еноха. Иудаизм времен Второго храма перенес на мир ангелов понятие иерархии (исследователи часто видят в этом результат влияния вавилонской или персидской мифологии). Тем не менее в греческих переводах Ветхого Завета термин «*archangelos*» не фигурирует. Он появляется в греческих текстах 1 Книги Еноха и двух фрагментах Нового Завета: 1 Фесс. 4: 16 и Иуд. 1:9 (Toorn K., Becking B., Horst P.W. *Op. cit.* P.80–82; Hannah D.D. *Op. cit.* P.29–30).

¹² В самой древней части 1 Книги Еноха (т.н. «Книге стражей») названы четыре архангела: Михаил, Сарил (в греческих списках – Уриил), Рафаил и Гавриил (1 Ен. 9:1). (Charles R.H. *The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English. Vol.2. Oxford, 1913. P.192*). В другом фрагменте Книги уже действуют семь ангельских старейшин: Уриил, Рафаил, Рагуил, Михаил, Сарагуил, Гавриил и Ремилл (1 Ен. 20 – Charles R.H. *Op. cit. Vol.2. P.201*). Оба варианта представлены в иудейских источниках периода Второго храма, а также иудейской и христианской апокалиптике. Возможно, четверка архангелов возникла как вариация на тему четверых животных вокруг престола Господня из видения Иезекииля (1: 5–14). См.: Kuhn H.B. *Op. cit.* P.222; Toorn K., Becking B., Horst P.W. *Op. cit.* P.81–82; Hannah D.D. *Op. cit.* P.29–30, 49; Johnson R.F. *Op. cit.* P.12.

¹³ Faure Ph. *Op. cit.* P.38–43.

В раннее Средневековье Церковь и способствовала популярности культа ангелов, и стремилась его ограничить, видя в нем угрозу реванша язычества и расцвета магических практик. Вопрос состоял в том, как отделить легитимные формы почитания невидимых сил от нелегитимных (ношение амулетов с именами ангелов и т.д.), а также как ограничить или пресечь культ сомнительных ангелов, известных лишь из апокрифов и магических текстов¹⁴.

МИХАИЛ И САТАНАИЛ

Борьба с Дьяволом соединяет все важнейшие функции или аспекты культа архангела Михаила. Да и само его возвышение в ранг воеводы ангельских сил неразрывно связано с тем, что в нем видели победителя Сатаны. Фундаментальные тексты, которые объясняют, как и почему он был поставлен над другими бесплотными силами, совпадают с комплексом преданий об отпадении мятежных ангелов и происхождении зла.

¹⁴ Лаодикийский собор IV в. (его дата точно неизвестна и по косвенным данным помещается между 343 и 381 г.) запретил молиться ангелам. При этом он санкционировал почитание только трех архангелов, известных по имени из Библии: Михаила, Гавриила и Рафаила. Несмотря на это, культ целого ряда других архангелов продолжал существовать. В апокрифах можно было найти упоминание об Урииле и Фануиле (1 Книга Еноха), Иеремииле (4 Книга Ездры), Докииле (Завещание Авраама), Вевевиле, Семевиле и Расуиле (2 Книга Еноха) и др. В VIII в. франкский священник Адальберт утверждал, что архангел Михаил передал ему текст молитвы с именами ангелов Рагуэля, Тубуэля, Адинуса, Тубуаса, Сабаока и Симиэля (*Monumenta Germaniae Historica* (далее – MGH). *Epp. Sel.* I. Berlin, 1916. P.117). Адальберт был осужден на Суассонском синоде 744 г., а в 745 г. Латеранский собор в Риме вновь ограничил почитание архангелов тремя именами – Михаила, Гавриила и Рафаила (об Адальберте и ангелах из его молитвы см.: Russell J.B. *Saint Boniface and the Eccentrics* // *Church History*. 1964. №3. P.235–247). Этот запрет был повторен вновь на Аахенском синоде 789 г. Однако ни эта, ни другие меры не заставили забыть об Урииле, который уже завоевал достаточную популярность. В VI–VII веках он фигурирует как истинный архангел у целого ряда авторитетных авторов: Исидора Севильского, Беды Достопочтенного и др. Восточная церковь постепенно выделила из общего списка четырех основных архангелов: Михаила, Гавриила, Рафаила и Уриила. Они изображены, например, на мозаиках церкви Санта-Мария Маджоре в Риме (IV–V вв.), Сан-Аполинаре Нуово в Равенне (520–530), Санта-Мария дель Аммиральо в Палермо (1146–1151) и церкви Спаса Преображения в Новгороде (1378). Уже в Новое время русская Церковь под влиянием католицизма стала почитать сначала семь, а затем восемь архангелов: Михаила, Гавриила, Рафаила, Уриила, Иезудила, Варахила, Селафила и Иеремиила (Бенчев И. Указ. соч. С.83–105).

Его роль воеводы ангелов была зафиксирована древней традицией и в Средние века не ставилась под сомнение. Тем не менее авторитетная система ангельских чинов, которая была разработана псевдо-Дионисием Ареопагитом (V–VI вв.), помещала архангелов на предпоследнюю, т.е. близкую к Земле, ступень в их иерархии¹⁵. Поэтому интересно, что некоторые списки древнерусской Молитвы архангелу Михаилу не только именуют его воеводой херувимов, серафимов и всех небесных сил, но наделяют его эпитетом «шестокрылатый»¹⁶. Это несколько неожиданно, поскольку церковное предание, закрепленное в иконографии, считало шесть крыл атрибутом серафимов, а архангелов представляло двукрылыми. Как предполагают А.А.Турилов и А.В.Чернецов, эта характеристика должна была подчеркнуть особую роль Михаила в небесной иерархии и его старшинство над другими бесплотными силами¹⁷. Их гипотеза подтверждается тем, что в других вариантах Молитвы этот эпитет отсутствует и Михаил называется «шестокрылатых первым князем и воеводой небесных сил, херувим и серафим и всех аггел»¹⁸.

Представление о Михаиле как о победителе Сатаны восходит к апокрифической 1 Книге Еноха, древнейшие части которой обычно датируют III–II в. до н.э. В ней Михаил вместе с другими архангелами связывает Шемихазу – предводителя павших ангелов, согрешивших с

¹⁵ Эта система была сформулирована в трактате «О небесной иерархии», который вместе еще с тремя сочинениями входил в т.н. «Corpus Areopagiticum». Корпус был переведен на церковнославянский язык сербом Исайей в 1371 г. на Афоне. Однако основные идеи псевдо-Дионисия были известны древнерусским книжникам уже в XI–XII вв. Он разделял сонм ангелов на девять чинов, которые делились на три группы: 1) ангелы, архангелы, начала; 2) власти, силы, престолы; 3) господства, херувимы, серафимы. См.: Древнерусские Ареопагитики. М., 2002. С.9–34; Бенчев И. Указ. соч. С.29–43; Некоторые источники (в частности, «Толковая Палея») причисляют ангелов, отпавших от Бога вместе с Сатаной и сделавшихся бесами, к дополнительному, десятому, чину: Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С.83–84; Космологические произведения в книжности Древней Руси: В 2 ч. Ч.2. СПб., 2009. С.168.

¹⁶ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – РГБ). Ф.304.1. №285. Л.631; №657. Л.71 об. – 72; №739. Л.628; См. также текст Молитвы в Великоустюжском сборнике заговоров XVII в. (РГБ. Ф.122. №32. Л.4). Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. М., 2002. С.179.

¹⁷ Отреченное чтение... С.57–58.

¹⁸ Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). Т.11. СПб., 2001. С.286.

земными женщинами (1 Ен. 6–11)¹⁹. Этот миф в дальнейшем лег в основу предания о мятеже Сатаны и превращении ангелов-отступников в демонов. Шемихаза стал Самизлем, а тот потом был отождествлен с Сатаной. 1 Книга Еноха говорит о 200 падших духах и называет имена первых двадцати из них. Почти все они заканчиваются на «эль», что указывает на «родство» воинов Шемихазы с ангелами и их высокую миссию во Вселенной. Первородный грех Шемихазы, по версии 1 Книги Еноха, состоит не в гордыне, а в том, что «сыны Божьи» вступили в плотскую связь с земными женщинами и породили расу гигантов²⁰.

Единственный из включенных в канон апокалиптических текстов – Откровение Иоанна Богослова (12:7–9), а также Послание Иуды (1:9) представляют Михаила в роли победителя Сатаны и заступника душ умерших (в Послании Иуды архангел спорит с Сатаной о теле умершего Моисея²¹). В Апокалипсисе он в финальной схватке повергает дракона / змия, который символизирует дьявола (Отк. 12:7–9). Эта битва разворачивается одновременно и в космологическом прошлом, и в эсхатологическом будущем. Она представляет историю низвержения падших ангелов в начале времен и предвосхищает будущую победу архангела Михаила над слугами Сатаны и Антихристом в последние дни.

В средневековой Руси история мятежа Сатаны и его свержения Михаилом была известна по множеству источников: от «Толковой Палеи» до различных «Шестодневцев», от «Беседы трех святителей» до «Повести временных лет» и т.д. Некоторые предания о падших ангелах далеко расходятся с официальным учением Церкви и приписывают Сатане активную роль в творении мира, сближаясь с идеями дуали-

¹⁹ Charles R.H. *Op. cit.* Vol.2. P.191–195. См. об этом в славянской 2 Книге Еноха. (БЛДР. Т.3. СПб., 2000. С.210, 212).

²⁰ Миф об отпадении дьявола, его варианты и истоки: Hanson P.D. *Rebellion in Heaven, Azazel, and Euhemeristic Heroes in 1 Enoch 6–11* // *Journal of Biblical Literature*, 1977, №2. P.195–233; Turdeanu E. *Apocryphes bogomiles et apocryphes pseudo-bogomiles (premier article)* // *Revue de l'histoire des religions*, 1950, №1. P.38–49; Guillou A. *Satan, le céleste rebelle* // Fögen M.T. *Ordnung und Aufruhr im Mittelalter: Historische und Juridische Studien zur Rebellion*. Frankfurt am Main, 1995. P.192–193; Dubois C.-G. *Op. cit.* P.35–36; Afinogenova O. *Greek Version of Apocryphal Writing about Struggle between Archangel Michael and Satanael* // *Scripta & e-Scripta*, 2005–2006, № 3–4. P.329–348.

²¹ Об истоках и распространении этого предания см.: Hannah D.D. *Op. cit.* P.46; Johnson R.F. *Op. cit.* P.124–126; Мильков В.В. *Древнерусские апокрифы*. СПб., 2003. С.115; Пугин А.В. *Повесть душеполезна старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке*. СПб., 2003. С.96.

стов²². По канонической версии, изложенной в «Толковой Палее», после отпадения мятежных духов Господь поставил Михаила на место Сатанаила и сделал его главой всех ангельских чинов²³.

Низвержение падших ангелов (Откр. 12:7-12).
Фрагмент миниатюры из лицевого Апокалипсиса XVII в.

В других вариантах предания над ангелами с самого начала были поставлены пять старейшин, в число которых, наряду с Гавриилом, Рафаилом и Уриилом, входили Михаил и Самалаил (будущий Сатана). После отпадения мятежного Самалаила их осталось четверо²⁴.

²² Кузнецова В.С. *Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции*. Новосибирск, 1998.

²³ Порфирьев И.Я. Указ. соч. С.85–86, 88; *Космологические произведения... Ч.2. С.244–247, 373–374, 401; О различных древнерусских преданиях о Сатанаиле и свержении падших ангелов см.: Мильков В.В. Указ. соч. 1999. С.90–91, 98, 839; Космологические произведения... Ч.2. С.358–359. Комм.129–131.*

²⁴ См. статью «О ангелех» из популярного «Жития Андрея Юродивого» (Молдован А.М. *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*. М., 2000. С.355). Представление о пяти старейшинах ангелов известно по апокрифическому «Откровению Варуха» (Мильков В.В. Указ. соч. С.481).

Если по канонической версии отпадение мятежных ангелов случилось еще до сотворения человека, а его причиной стала гордыня Сатанаила и его зависть к Богу, то из апокрифов был известен и другой вариант. Например, в «Откровении Варуха» ангел Сатанаил восстал против Бога из зависти по отношению к Божьему творению – Адаму. Он не захотел вместе с другими ангелами, как повелел Господь, ему поклониться, решил стать равным Богу и за это был изгнан от Его лица. Чтобы отомстить, он задумал погубить Еву и пробрался в рай, превратившись в червяка, которого съела змея. Эта версия отпадения Сатаны относит его мятеж ко времени после сотворения человека²⁵. Однако это толкование не было принято, а в апокрифическом сочинении «О всей твари» прямо осуждается как ересь²⁶.

Роль архангела Михаила в противостоянии с Дьяволом не исчерпывается его космической победой в первые дни творения. Он сверг с небес Мятежника в начале времен и в конце времен призовет всех умерших от века восстать на Страшный суд. Однако в промежутке между этими двумя крайними точками, в котором заключается вся история человечества, он продолжает вести битву с Дьяволом. Эта роль объединяет и воинственно-суровый аспект его культа, который отмечала О.А.Добиаш-Рождественская, и миссию универсального заступника, всемогущего патрона человечества, которую возложили на первого из архангелов. Он всеобщий ангел-хранитель. Михаил обороняет человека и от видимых, и от невидимых врагов, покровительствует ему в этой жизни и не оставляет за смертным порогом. Само изображение архангела, как верили в Средневековой Руси, могло оберегать своего владельца. Поэтому его лик часто помещали на кресты, которые надевали на младенцев при крещении, или носили на себе воины. На нательных крестах также часты изображения других демоноборцев: Никиты Бесогона и архангела Сихаила²⁷.

Многочисленные функции архангела Михаила емко резюмированы в известной «Молитве к господу нашему Иисусу Христу, к святому ар-

²⁵ «Откровение Варуха» (Мильков В.В. Указ. соч. С.481–482; Космологические произведения... Ч.2. С.590–591; Комм.: Там же. С.358–359 (Прим 130), 605 (Прим. 10)).

²⁶ Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. Т.2. СПб., 1863. С.349–350.

²⁷ См.: Гнупова С.В. Медная мелкая пластика Древней Руси (типология и бытование) // Русское медное литье: Сб. ст. Вып.1. М., 1993. С.7–20; Гнупова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М., 2000.

хангелу Михаилу»²⁸. Она была необычайно популярна в средневековой Руси и сохранилась в сотнях списков XVI–XIX вв. После церковного раскола второй половины XVII в. она осталась в обиходе как у старообрядцев, так и у официальной Церкви²⁹. Текст Молитвы обращается к Михаилу «демоном прогонителю» или «демоном сокрушитель»³⁰. Эти эпитеты – калька с греческого и общее место в византийской агиографии и гимнографии. Во многих текстах, повествующих о чудесах архангела, он называется не только защитником от злых духов, но и истребителем, сокрушителем бесов («daemonum exterminator») ³¹. Прежде всего, он должен был защитить от атак демонов души умерших.

АНГЕЛ СМЕРТИ

Как и в других частях христианского мира, на Руси архангел Михаил выполняет значимую миссию ангела смерти и проводника по загробному миру (*psychopompos* по-гречески). В этой роли он также противостоит Дьяволу: прогоняет бесов, хитростью решивших завладеть душой пра-

Как и в других частях христианского мира, на Руси архангел Михаил выполняет значимую миссию ангела смерти и проводника по загробному

²⁸ К Михаилу обращаются, отправляясь в опасный путь, чтобы он защитил от лихих людей и разбойников. Он спасает от царской опалы и может помочь одержать верх в судебной тяжбе. Он хранит от всевозможных невзгод, защищает от внезапной («напрасной») кончины и т.д.

²⁹ См.: Яцимирский А. И. К истории ложных молитв в южнославянской письменности // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1913. Т.18. Кн. 3. С.51–63; Отреченное чтение... С.57–60; Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV – XIX вв. М., 2005. С.80, 196.

³⁰ В списке XVII в., который опубликовал Д.С.Лихачев (Библиотека Академии наук (далее – БАН). 33.3.20. Л.227–231 об.), Михаила называют «демоном прогонителю» (Лихачев Д.С. Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С.27; То же // БЛДР. Т.11. С.286). По версии других списков, архангел не изгоняет, а «сокрушает» нечистую силу и зовется «демоном сокрушитель» (РГБ. Ф.304.1. №285. Л.631; №347. Л.251; №657. Л.71 об.; №739. Л.628. См. также текст молитвы в Великоустюжском сборнике заговоров: Отреченное чтение... С.179–180). Точно так же популярный в средневековой Руси демоноборец св. Никита Бесогон зовется в различных текстах (похвальных словах, молитвах, заговорах) и «прогонителем» (Отреченное чтение... С.213), и «губителем» бесов (Соколов М.И. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1889. №6. С.364).

³¹ Gabelić S. The Archangelos Xorinos, or the Banisher // *Dumbarton Oaks Papers*, 1996, Vol.50. P.352.

ведников, и защищает от их козней души умерших. Связь Михаила с миром мертвых восходит к иудейской и раннехристианской апокалиптике. На последнюю прямо или опосредованно (через канонические источники) ориентировались византийские и древнерусские поучения о загробной участи души и различные видения загробного мира³². На Михаила смотрят со страхом, как на грозного ангела, чей приход сулит смерть и расставание с земными привязанностями, и в то же время с надеждой, как на покровителя и защитника³³.

Архангел Михаил возвещает людям (например, ветхозаветным праведникам) о том, что их земные дни истекли, и забирает с собой на небо их души³⁴. Во многих эсхатологических апокрифах, которые были известны

³² См.: Пигин А.В. *Повесть душеполезна... С.94–97; Он же. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. С.177.*

³³ Начиная с I Книги Еноха Михаил во многих текстах служит заступником за весь род человеческий и отдельных умерших. «Откровение Варуха» (Мильков В.В. Указ. соч. С.485–487); «Видение Исаи» (Там же. С.512; БЛДР. Т.3. С.198); «Видение апостола Павла» (Мильков В.В. Указ. соч. С.555–556); В «Хождении Богородицы по мукам» Михаил вместе с Богородицей молит Бога смилостивиться над осужденными христианами. В ответ Господь дарует им регулярную передышку от мук с Великого четверга до Пятидесятницы (Там же. С.608). Тема временного освобождения от мук восходит к «Видению апостола Павла». Там грешники по молитве Михаила и Павла освобождаются от мук каждое воскресенье (Там же. С.555–556); Этот мотив широко представлен в западных видениях загробного мира. Многие из них утверждают, что души осужденных на адские муки регулярно – один раз в неделю или один раз в сутки – получают временную передышку от страданий. Согласно рассказу франкского монаха-визионера Баронта (VII в.), ангелы каждый день, в шестом часу, спускаются в ад, чтобы принести осужденным пищу и на короткое время облегчить их мучения (MGH *Scriptorum rerum merovingicarum* V. Hannover, 1910. P.391–392).

³⁴ В известном на Руси апокрифе «Смерть Авраама» Михаил сообщает праотцу о грядущей смерти, показывает ему тайны мироустройства, а потом относит его душу на небеса (Тихонравов Н.С. Указ. соч. Т.1. С.79–90; Порфирьев И.Я. Указ. соч. С.111–130). В апокрифическом «Исходе Моисееве» и связанных с ним преданиях (см. Послание апостола Иуды, 1:9) архангел принимает душу умершего предводителя израильтян и защищает его тело от Сатаны, который пришел, чтобы предъявить на него права (Тихонравов Н.С. Указ. соч. Т.1. С.253; Порфирьев И.Я. Указ. соч. С.204; БЛДР. Т.3. С.148; См. также «слова» Афанасия Александрийского «О усопших» и Мартурия Антиохийского «О умерших»: Летописец Еллинский и Римский. Т.1. СПб., 1999. С.400); В цикле сказаний об успении Богородицы, которые известны в коптских, сирийских, латинских, славянских редакциях, архангел Михаил принимает и относит на небеса ее душу (Hannah D.D. *Op. cit.* P.46; Johnson R.F. *Op. cit.* P.134–135). Именно Михаилу, как сказано в апокрифическом

на Руси («Книге Еноха», «Откровении Авраама», «Видении Исайи», «Видении апостола Павла», «Хождении Богородицы по мукам»), он служит проводником по загробному миру и разъясняет визионеру тайны Вселенной и Божьего Промысла. В Михаиле видят хранителя потустороннего царства и пристава загробного суда. Наконец, у него ищут защиты от бесов мытарств, поджидающих грешников на пути к престолу Судии.

Представление о Михаиле как об ангеле смерти и проводнике душ умерших зафиксированы не только в переводных апокрифах, но и в оригинальных древнерусских памятниках. В популярном «Слове о исходе души», которое приписывалось Кириллу Философу, и в более пространном «Слове на собор архистратига Михаила»³⁵ он служит привратником рая и проводником для всех праведных душ. Он принимает души тех, кто без помех прошел испытания мытарств, 40 дней водит их по загробному миру, показывает райские чертоги и адские муки, а по завершении этого переходного периода отводит их в «место покойно», где им предстоит ожидать всеобщего восстания из мертвых³⁶. В «Повести старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке» (1640 – 1650-е гг.) архангел защищает от бесов нерадивого монаха-пьяницу. Михаил показывает ему под землей адские муки, которые его ждут, если тот не покается и не отвратится от пьянства. Безымянный герой недоумевает, почему великий архангел пришел ему на помощь, ведь он ничем не заслужил такой милости, может, только тем, что однажды переписал его Канон, да и тот продал за грош. На это Михаил объясняет, что такова его миссия: сам Господь поручил ему приводить к себе души христиан и докладывать о них³⁷.

Канон, который сослужил безымянному герою «Повести» столь добрую службу, – это, видимо, «Канон ангелу грозному, и воеводе... от

Евангелии Никодима, было поручено ввести в рай ветхозаветных праведников, которых Христос вывел из тьмы ада (Мильков В.В. Указ. соч. С.806).

³⁵ Датировка и соотношение этих памятников до конца не ясны. «Слово о исходе души» известно в рукописях с XIV в., «Слово на собор архистратига Михаила», возможно, было составлено в конце XV – начале XVI в.

³⁶ Алексеев А.И. «Слово о исходе души» Кирилла Философа // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология.* СПб., 1999. С.16; Григорьев А.В. *Русская библейская фразеология в контексте культуры.* М., 2006. С.237.

³⁷ Пигин А.В. *Повесть душеполезна... С.132–136; Он же. Видения потустороннего мира... С.244–246.*

Вседержителя Бога посланному по вся душа человеческая душу возвести к Господу, а тело земли предати». Он хорошо известен исследователям. В некоторых списках Канона его авторство приписывалось некоему Парфению Уродивому. Д.С.Лихачев (вслед за А.И. Шляпкиным) предположил, что за этим псевдонимом мог скрываться царственный писатель Иван Грозный³⁸. Парфений видит в Михаиле грозного ангела смерти и называет его «предстатель престолу Божию... смерть принося нам». Он просит архангела заранее известить его о дне кончины, милостивно, без боли, извлечь его душу из тела и защитить от «сети ловающих», т.е. демонов³⁹.

Архангел Михаил выполняет в Каноне ту роль, которая в «Житии Василия Нового»⁴⁰, «Слове о исходе души» или «Слове на собор архистратига Михаила»⁴¹ принадлежит персонификации Смерти и безмянным ангелам. Он приносит умирающему смертную чашу, принимает его душу, проводит ее через двадцать мытарств, защищает от бесов-обличителей, помогает ей оправдаться и избежать адских мук, сопровождает ее к престолу Судии, а потом отводит в место упокоения (если она заслужила быть причтенной к числу праведников и не была осуждена на вечное проклятие). Многочисленные функции архангела Михаила в драматургии «малой» эсхатологии выразительно перечисляются в самом конце Канона: «Смертию нас назирает, и от суеты мира избавляет, и на суд праведни ко Христу представляет, и от вечных мук избавляет»⁴².

МИХАИЛ И ДРУГИЕ ДЕМОНОБОРЦЫ

Конечно, в христианском предании фигура Михаила возвышается над всеми небесными силами, и именно он, согласно господствующей версии мифа об отпадении Сатаны (см. выше), низверг его с Небес. Тем не менее ни в Византии, ни на Руси у архангела Михаила не было «монополии» на защиту от козней Дьявола. Его функции как заступника чрезвычайно широки и разнообразны: покровитель христианского воинства, государь ангелов и патрон госуда-

³⁸ Лихачев Д.С. Указ. соч. С.11–17.

³⁹ Там же. С.22–27.

⁴⁰ Дергачева И.В. *Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004. С.216–219; БЛДР. Т.8. С.498, 500.*

⁴¹ Алексеев А.И. Указ. соч. С.15–16; Григорьев А.В. Указ. соч. С.234.

⁴² Лихачев Д.С. Указ. соч. С.26.

рей и пр. Поэтому он легко берет на себя роль, которую бы могло сыграть множество святых с более узкой специализацией (например, святых-воинов), однако так же легко уступает им свою миссию. Он сражается с Сатаной бок о бок с другими ангелами (в т.ч. и с теми, кто известен только из апокрифов), либо эти ангелы бьются с Сатаной без него. То же самое касается и святых. Противостояние пустынноика, монаха, епископа, юродивого с Дьяволом, победа над ним в самом себе (преодоление искушений), в других людях (излечение бесноватых) и во внешнем пространстве (изгнание нечистых духов из капищ, болот и т.д.) – один из столпов «духовного ремесла», значимый элемент монашеской идентичности и важнейший топос всей христианской агиографии⁴³. Некоторые святые, которые особо преуспели в борьбе с демонами, как св. Никита, прозванный на Руси «Бесогоном», становились «профессиональными» защитниками от нечистой силы и подменяли архангела Михаила в его роли демоноборца.

Некоторые древнерусские молитвы призывают на помощь в борьбе с Сатаной не одного Михаила, а всех четырех основных архангелов: Михаила, Гавриила, Уриила и Рафаила⁴⁴. Однако гораздо чаще Михаил делит власть с одним архангелом Гавриилом. В тексте Молитвы Михаилу и Гавриилу они даже называются «светозарной двоицей», которая неустанно молит Бога за все грешное человечество⁴⁵. Всякий древнерусский книж-

⁴³ Литература о борьбе святых с Дьяволом в средневековой агиографии практически неисчерпаема. Поэтому сошлемся лишь на несколько работ: Baynes N.H. *St. Antony and the Demons* // *The Journal of Egyptian Archaeology*, 1954, Vol. 40. P.7–10; Dinzlacher P. *Der Kampf der Heiligen mit den Dämonen* // *Santi e demoni. Settimane del centro italiano di studi sull'alto medio evo* 36/2. Spoleto 1989. P.647–695; Рассел Д.Б. *Сатана. Восприятие зла в ранней христианской традиции*. СПб., 2001. С.133–170; Kuznetsova A. *«A Wall of Bronze» or Demons versus Saints: Whose victory?* // *Christian Demonology and Popular Mythology*. Budapest – New York, 2006. P.45–53; Brakke D. *Demons and the Making of the Monk: Spiritual Combat in Early Christianity*. Cambridge, 2006; Юрганов А.Л. *Убить беса: Путь от Средневековья к Новому времени*. М., 2006.

⁴⁴ См. «Молитву, идеже начнет бес пакостити» из Служебника с Требником 1474 г. (РГБ. Ф.304.1. №224. Л.62); Другая молитва, призванная отогнать бесов от храма, из богослужебной рукописи XV в. обращается сразу же к Богородице, Петру с Павлом, архангелам Михаилу, Сихаилу, Уриилу и др. (Алмазов А.И. *Врачевальные молитвы. К материалам и исследованиям по истории рукописного русского Требника*. Одесса, 1900. С.89).

⁴⁵ РГБ. Ф.304.1. №785. Л.293 об. – 294, 296. – Представление о Михаиле и Гаврииле как главных заступниках за человечество отражено в том варианте Деисуса, где Христу предостоят не Богородица и Иоанн Креститель, а два архангела (в другом случае – ар-

ник, знакомый с «Хождением Богородицы по мукам», читавший «Откровение Мефодия Патарского» или «Слово о исходе души» Кирилла Философа, знал, что именно Михаил с Гавриилом в конце времен, вострубив в рог, призовут всех умерших восстать на Страшный суд⁴⁶.

Михаил и Гавриил также могут вместе сражаться с Дьяволом в ключевой момент Сошествия во ад, когда Христос, согласно христианской традиции, спустился в преисподнюю и вывел оттуда ветхозаветных праведников⁴⁷. Со второй половины XIII в. в русском искусстве появляется извод иконографии Воскресения – Сошествия во ад, в котором тема победы Христа над смертью и силами тьмы получает новое повествовательное развитие. В самых ранних русских решениях этого сюжета XI–XII вв. (фрески собора св. Софии в Киеве, Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове и т.д.) Христос шествует по разбитым вратам ада. На некоторых иконах XIII–XIV вв., помимо врат, он попирает также заключенную в темной пещере фигуру бородатого человека⁴⁸. Она может олицетворять как преисподнюю, так и ее повелите-

хангелы отодвигаются на вторую позицию, позади Богоматери и Иоанна). См., например, древнюю композицию «Спас Эммануил с ангелами» конца XII в.: ГТГ. Инв. ДР-1192 (Антонова В.И., Мневa Н.Е. Указ. соч. Т.1. №6. С.65–66. Илл.22–25). В этом типе Деисуса иерархи в отношении между Михаилом и Гавриилом подчеркивается лишь тем, что Михаил занимает более почетное место справа от Христа. Существуют и другой иконографический тип, на котором Михаил и Гавриил действительно образуют «двоицу». В качестве примера можно привести медную новгородскую икону XVI в. с фронтальным изображением двух стоящих рядом архангелов с поднятыми мечами (Гнущова С.В., Зотова Е.Я. Указ. соч. №70. С.54).

⁴⁶ «Откровение Мефодия Патарского» (интерполированная редакция) (Истрин В. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славянорусской литературах. Исследование и тексты. М., 1897. С.130; Мильков В.В. Указ. соч. С.686); «Хождение Богородицы по мукам» (Мильков В.В. Указ. соч. С.599; «Слово о исходе души»: Алексеев А.И. Указ. соч. 1999. С.17; Григорьев А.В. Указ. соч. С.240, 258). – Порой Михаил с Гавриилом вместе приходят к одру умирающих, чтобы отвести их души на «частный» суд. Так, в «Волоколамском патерике» (первая половина XVI в.) некий Илия, принятый в монастырь умирать под монашеским именем Ирнарха, перед смертью увидел в своей келье обоих архангелов (Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С.86).

⁴⁷ Vauckham R. *The Fate of the Dead. Studies on Jewish and Christian Apocalypses.* Leiden, 1998. P.38–48 (см. библиографию); Иларион (Алфеев). *Христос победитель ада. Тема сошествия во ад в восточнохристианской традиции.* СПб., 2001.

⁴⁸ См. новгородскую икону первой половины XIV в. из Введенского монастыря в Тихвине (Иконы Великого Новгорода XI – начала XVI века. М., 2008. №6. С.124–129) или икону

ля – Сатану⁴⁹. Со второй половины XIII в. в композиции появляются ангелы, которые пронзают рогатинами или копьями⁵⁰, связывают или сковывают⁵¹, бьют молотами⁵², просто повергают оземь⁵³ и даже душат⁵⁴ Сатану в темной пещере ада. В XIV – XV вв. к повелителю преисподней прибавляются фигуры многочисленных бесов, а в мандорле Христа изображаются ангелы, которые пронзают их длинными копьями. Обычно эти ангелы безымянны либо, как следует из подписей, олицетворяют добродетели («надежда», «восстанье», «нетленье» и пр.), которые противостоят порокам, олицетворяемым фигурами демонов («гроб», «отчаяние», «ненависть» и пр.)⁵⁵. Параллельно, другие ангелы повергают

южнославянского письма из церкви Николы села Чухчерья на Северной Двине (Антонова В.И., Мнева Н.Е. Указ. соч. Т.1. №336. С.379–380. Илл.241).

⁴⁹ Олицетворение Ада / Гадеса в облике нагого бородатого человека (часто темного цвета) в набедренной повязке и с цепью на ногах широко представлено в искусстве Византии и византийского мира (см. мозаику Сошествия во ад в церкви Успения Богоматери в Дафни последней трети XI в. или аналогичную композицию в соборе Сан-Марко в Венеции первой половины XII в.). Лишь позже этот иконографический тип превратился в образ Сатаны (Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М., 2001. С.490–509; Frazer M.E. Hades Stabbed by the Cross of Christ // Metropolitan Museum Journal, 1974, Vol.9. P.153–161). Сама композиция Воскресения – Сошествия во ад («Anastasis», т.е. Воскресения), где Христос попирает поверженные символы смерти и зла, воспроизводит римскую иконографию императорского триумфа, в которой император попирает побежденных врагов (II – V вв.) (Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000. С.62–64, 242–243, 248–252).

⁵⁰ См. новгородскую икону второй половины XIII в. из коллекции итальянского банка «Интеза» (Icône russe. Collezione Banca Intesa. Catalogo ragionato. Т.1. Milano, 2003. №1).

⁵¹ См. икону конца XV – начала XVI в.: Государственный Русский музей. Инв. ДРЖ 3140 (София. Премудрость Божия. Каталог выставки русской иконописи XIII – XIX веков из собраний музеев России. М., 2000. №96. С.270–271).

⁵² Как на иконе второй половины XIV в. из села Пётасы (ныне в частном собрании) (Шедеры русской иконописи XIV – XVI веков из частных собраний. Каталог. М., 2009. №4).

⁵³ См. псковскую икону конца XV в.: Псковский музей-заповедник. Инв. 2731 (Иконы Пскова. М., 2006. №24. С.84–91).

⁵⁴ См. икону второй четверти XVI в. из Успенского Горнего монастыря в Вологде: Вологодский государственный музей-заповедник. Инв. 10177 (Иконы Вологды XIV–XVI веков. М., 2007. №70. С.421–430).

⁵⁵ Как на иконе «Воскресение – Сошествие во ад» конца XIV в. из Коломны: ГТГ. Инв.22950 (Антонова В.И., Мнева Н.Е. Указ. соч. Т.1. №212, С. 248–249. Илл.160, 161) или северной иконе конца XV в.: ГТГ. Инв. 22299 (Антонова В.И., Мнева Н.Е. Указ. соч. Т.1. №315. С.365–366); См.: Смирнова Э.С. О своеобразии московской живописи конца XIV в.

Сатану и его слуг в самой преисподней. Их число может быть различным, однако чаще всего против сил зла выступают два ангела как на знаменитой иконе «Воскресение – Сошествие во ад» 1502 г. из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, где громадного Сатану связывают «англиль» и «арханглиль»⁵⁶.

Однако на одной вологодской иконе конца XV – первой половины XVI в. два ангела, поражающие трезубцами бесов, съжившихся по углам темной пещеры ада, названы по имени: это Михаил и Гавриил. При этом среди демонов на иконе нет обычно выделяющейся среди остальных по размеру и облику фигуры Сатаны. Оба архангела вместе помогают Христу сокрушить силы ада, и ничто в композиции и иконографии персонажей (кроме того, что Михаил изображен по правую руку Спасителя) не указывает на первенство одного из архангелов⁵⁷.

Михаил и Гавриил поражают бесов в преисподней. Фрагмент иконы «Сошествие во ад».

(«Сошествие во ад» из Коломны) // Древняя Русь. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV – XV вв. СПб., 1998. С.230, 232–238).

⁵⁶ Дионисий либо мастерская Дионисия. Ныне хранится в ГРМ: Инв. ДРЖ-3094 (Рыбаков А.А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М., 1995. №35).

⁵⁷ Onasch K. *Altrussische Ikonen*. Berlin, 1977. Taf.23; Майорова Н.О., Скоков Г.К. *Русская иконопись. Сюжеты и шедевры*. М., 2007. С.201.

Дополнительную информацию о культе архангела Михаила, его функциях и переосмыслении церковных традиций в низовой среде дают сборники синкретических заговоров. Они сочетают христианскую топику и элементы молитв церковным святым с призыванием языческих божеств, нехристианских сверхъестественных персонажей и магическими заклинаниями.

В одном из заговоров Великоустюжского сборника 20–30-х гг. XVII в. сказано, что Михаил низверг с Небес отпавший десятый чин ангелов не один, а вместе с Гавриилом⁵⁸. При этом в некоторых заговорах Михаил называется просто архангелом, а Гавриил – архистратигом и даже «архистратигом бесплотных сил»⁵⁹. В других случаях однозначное превосходство сохраняется за Михаилом: оба носят титул архистратига (что в целом было в рамках традиции), но «архангелом и небесных сил воеводой» называется один Михаил⁶⁰. Великоустюжский сборник включает обширную подборку заговоров от вражеского оружия и гибели в бою, которые обращаются к архангелу Михаилу как покровителю воинов⁶¹. При этом формулы заговоров обнаруживают большую вариативность: одна и та же функция (здесь защита от вражьей пули или клинка) может возлагаться как на Михаила, так и на других святых, которые, казалось бы, не имеют военной специализации: Иоанна Предтечу, четырех евангелистов, Петра и Павла и т.д.⁶² Логика магической формулы (а иногда и церковной молитвы) требует не столько помощи святых-«специалистов», сколько максимально длинного перечисления могущественных заступников. Само произнесение имен играет роль заклинания и может отогнать любую напасть. В большинстве молитв и заговоров из Великоустюжского сборника имя Михаила стоит в длинном ряду святых (Богоматерь, Иоанн Предтеча, Николай Угодник, Дмитрий Солунский и т.д.) и других небесных сил (архангелы Гавриил, Рафаил, Уриил, Апомаил, Сихаил и т.д.⁶³). Однако в любых перечнях

⁵⁸ *Отреченное чтение... С.212. – О сборнике, его источниках, функциях и параллелях с другими средневековыми колдовскими текстами (Там же. С.32, 34–72, 177–178).*

⁵⁹ *Там же. С.199, 208.*

⁶⁰ *Там же. С.209, 212, 215.*

⁶¹ *Там же. С.182, 189, 199–200, 204, 215 и т.д.*

⁶² *Там же. С.191–193.*

⁶³ *Помимо признанных канонических ангелов и тех имен, которые были известны лишь из апокрифов (как Сихаил), некоторые заговоры обращаются к ангелам, созданным, судя по именам, уже на русской почве. Так, сибирский сборник первой трети XVIII в. (Государст-*

ангелов его имя помещается во главе списка, а Михаил с Гавриилом никогда не упоминаются как Гавриил с Михаилом⁶⁴.

В противостоянии между человеком и Дьяволом Михаил часто выступает в роли посредника, помощника, который помогает справиться с кознями Сатаны, а не прогоняет его сам. Он укрепляет святых на бой, дарует им власть над демонами и учит «технике» экзорцизма. Этот мотив характерен как для ортодоксальных церковных текстов, так и для различных апокрифов и «отреченных» магических сочинений. В известном магическом трактате «Завещание Соломона» мудрый царь получил власть над демонами именно от Михаила (см. ниже). Эта функция типична и для византийской агиографии. В качестве примера можно привести историю Симеона Столпника Младшего, или Дивногорца (VI в.). Гораздо реже в византийских и славянских текстах и изображениях ангелы сами изгоняют злых духов и выступают в роли экзорцистов⁶⁵.

Святые черпают от архангела Михаила свою силу, а простые смертные получают ее от святых, которые тоже когда-то были людьми и ближе стоят к человеку, чем далекий всемогущий архангел. Это касается не только защиты от Дьявола, но и более приземленных опасностей, что хорошо видно на примере апокрифической «Молитвы апостола Павла от змей». Она восходит к греческому оригиналу и известна на Руси с конца XV – начала XVI в.⁶⁶ Молитва должна помочь справиться со змеями и излечиться от их укусов. В ней дается текст заклинания, которое надо прочесть над сосудом с водой, а затем помазать ей ранку и напоить укушенного (в тексте перечисляются все змеи, которых должно отвратить заклятье – точно так же в магических формулах власть над демоном или спасение от него дает перечисление его имен). Согласно

венный Исторический музей. Муз. собр. №2275) называет целый ряд «фольклорных» ангелов: Посмотрила, Пострелила, Воротила и Осмотрила (Там же. С.257).

⁶⁴ Там же. 2002. С.180, 187–188, 195, 198–200, 207–210, 212–213, 216–218 и т.д.

⁶⁵ Gabelić S. – *Op. cit.* P.351–360. – Если святые, изгоняющие бесов, широко представлены в иконографии, то ангелы-экзорцисты, как отмечает С.Габелич, в восточнохристианском искусстве встречаются редко. Один из примеров такого изображения можно найти на фресках в церкви архангела Михаила в Лесново (Македония), созданных ок. 1346 г. (*Ibid.* Fig.9. P.357–358). Чаще всего ангелы сражаются с бесами в сценах, разворачивающихся в ином мире, на иконах Сошествия во ад, Страшного суда и т.д.

⁶⁶ См.: Алмазов А.И. Указ. соч. С.70–75; Топорков А.Л. Указ. соч. 2005. С.307–308; Агапкина Т.А. Сюжетика восточнославянских заговоров (заговоры от золотника и болезней живота) // *Studia mythologica Slavica*, 2006, Vol.9. С.252.

изложенному в молитву преданию, архангел Михаил передал чудодейственный текст апостолу Павлу. Однажды тот был укушен «ехидной», заснул, и во сне ему явился архангел, оставивший ему книгу с заклинанием⁶⁷. Благодаря апостолу Павлу эта чудодейственная формула стала достоянием всех, а его имя закрепилось за названием молитвы в рукописной традиции.

АРХАНГЕЛ МИХАИЛ И ДЕМОНЫ ЗМЕЕВИКОВ

Отдельная страница древнерусской «биографии» архангела Михаила связана с историей т.н. амулетов-«змеевиков». Она позволяет проследить, как ортодоксальная церковная демонология переплетается множеством связей с фондом небиблейских демонологических представлений большого Средиземноморского региона, пришедших на Русь вместе с византийским христианством и элементами византийской магии⁶⁸.

Змеевик – это амулет в форме круглой подвески. Как сходится большинство исследователей, эти амулеты должны были защищать своего владельца от болезней, насылаемых вредоносными демонами. Змеевики известны на Руси, по крайней мере, с XI в. Однако с XIV в. круглые амулеты-змеевики, распространенные в Киевской Руси, исчезают, и змеевидная композиция (см. ниже) переносится на металлические складни, образки, кресты и другие носители (отдельные примеры использования амулетов-змеевиков зафиксированы еще в XIX в.). Первоначально змеевики бытовали в княжеско-боярской среде, часто изготавливались из драгоценных материалов и, несмотря на языческие мотивы, не вызвали однозначного отторжения со стороны Церкви. Известно, что подобные амулеты даже попадали в церковные и монастырские ризницы (один из таких вкладов был сделан Иваном Грозным), а с XV в. могли изготавливаться мастерами, работавшими при церквях и монастырях⁶⁹. Если со временем они стали восприниматься как элемент «народного» православия, то, как минимум, на раннем этапе своего бытования на Руси змеевики не принадлежали к миру «низовой» культуры.

⁶⁷ Тихонравов Н.С. Указ. соч. Т.2. С.353–355; Алмазов А.И. Указ. соч. №21. С.122–123.

⁶⁸ О магии в византийском мире см.: Greenfield R. *Traditions of Belief in Late Byzantine Demonology*. Amsterdam, 1988; Maguire H. (ed). *Byzantine Magic*. Washington, 1995.

⁶⁹ Николаева Т.В., Чернецов А.В. *Древнерусские амулеты-змеевики*. М., 1991. С.5–7.

Иконография змеевиков, в целом сложившаяся на византийской почве, сочетает в себе дохристианские образы демонических сил и изображения христианских святых, которые должны были от них защитить⁷⁰. На одной стороне амулета помещалась т.н. змеевидная композиция: человеческая голова (реже – полуфигура) с исходящими из нее змеями, напоминающая Горгону. Число змей обычно колебалось от 5 до 12. На византийских змеевиках часто вокруг личины (или с другой стороны) читалось заклинание против болезней, поражающих женскую утробу, – т.н. *hystera*-формула. На противоположной стороне помещался христианский образ святого заступника: Богородицы, Иоанна Крестителя, святых Космы и Дамиана, Федора Стратилата и/или Георгия, Никиты Бесогона, Бориса и Глеба (единственных среди русских святых) и т.д.⁷¹

Как в Византии, так и на Руси особая роль среди святых-демоноборцев в иконографии змеевиков принадлежит архангелу Михаилу⁷². На одних амулетах он изображен в торжественной иератической позе, с зеркалом и жезлом (мерилом) в руках, в императорском одеянии и как повелитель ангелов⁷³. Самый известный пример – «Черниговская гривна» (XI в.), которая могла принадлежать Владимиру Мономаху⁷⁴. На «христианской» стороне других змеевиков Михаил представлен в активной роли: он попирает ногой змия, поражает его жезлом в голову или повергает других демонических персонажей⁷⁵.

⁷⁰ «Классический» тип древнерусского змеевика с четко противопоставленными «христианской» и «языческой» сторонами известен в Византии с рубежа X–XI вв. На более ранних амулетах часто вовсе не было христианских мотивов. На одной стороне помещалась змеевидная композиция, на противоположной – *истер*-формула либо изображение т.н. «святого всадника», поражающего женовидного демона (этот мотив часто представлен на эллипсовидных амулетах VI–VII вв. и не обязательно имеет христианское наполнение) (Переседов И.Г. Об амулетах-змеевиках и их связи с нательными крестами и иными предметами церковной культуры // Византия в контексте мировой истории. СПб., 2004. С.109–111).

⁷¹ См. типологию изображений на «христианской» стороне: Николаева Т.В., Чернецов А.В. Указ. соч. С.30–31.

⁷² Соколов М.И. Указ. соч. С.360–361; Николаева Т.В., Чернецов А.В. Указ. соч. С.13, 16–23, 30, 38–39; Переседов И.Г. Указ. соч. С.111–112.

⁷³ Об этих атрибутах в иконографии ангелов см.: Бенчев И. Указ. соч. С.53–56.

⁷⁴ Николаева Т.В., Чернецов А.В. Указ. соч. С.49–51. Кат.1. Табл.1.

⁷⁵ Например, в неаполитанском Национальном музее хранится амулет, который исследователи иногда называют змеевиком несмотря на то, что на нем нет ни змеевидной композиции, ни *истер*-формулы. На одной его стороне изображена Богоматерь Знаме-

Противоборство архангела со змием может отсылать и к ортодоксальной библейской образности, и к дохристианскому мифологическому субстрату. В Откровении Иоанна Богослова Михаил побеждает «великого дракона, древнего змия, называемого дьяволом и сатаной» (Откр. 12: 7–9). В этом контексте змий однозначно идентифицируется с библейским Дьяволом. Однако хорошо известно, что образ героя, попирающего змия или змееподобного демона (т.н. «святой всадник»), появляется на различных византийских амулетах значительно раньше, чем фигура архангела, и часто не имеет никаких христианских отсылок. Иконография Михаила – победителя демонов воспроизводит более древние образцы, а поверженные им на амулетах демоны, далеко не обязательно означают канонических падших ангелов.

Если на одних змеевиках противостояние святых и изображенного на противоположной стороне демонического существа выражается лишь в их пространственной оппозиции, то на других, помимо этого, на христианской стороне амулета помещается изображение святого, побеждающего антропоморфного или зооморфного демона либо традиционного по иконографии христианского беса. Эта альтернатива чрезвычайно важна и указывает на главный вопрос, который давно привлекает исследователей: с кем борется на змеевиках архангел Михаил? От кого защищает? Какова логика соединения / противопоставления фигуры архангела и демонического существа с другой стороны амулета?

Наиболее убедительное толкование смысла и истоков змеевидной композиции на древнерусских амулетах, предложенное еще в конце XIX в. М.И. Соколовым⁷⁶ и принятое Т.В. Николаевой, привлекло внимание не к сходству «змеиного гнезда» с античной Горгоной, а к *истерра*-формуле⁷⁷. Само слово «истерра» по-гречески означает «матка». Текст формулы ясно говорит о том, что оно служит именем какого-то демона женского пола, который поражает матку и насылает женские болезни. Демон черен, рычит, как лев, извивается, как змея и меняет свои обличья. На змеевиках русской работы и в славянских текстах охранитель-

ние, на другой – архангел Михаил побивает палицей обнаженные фигуры (по краю расположены также семь фигур спящих Эфесских отроков) (Переседов И.Г. Указ. соч. С.112).

⁷⁶ Соколов М.И. Апокрифический материал...; Он же. Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // *Древности: Труды славянской комиссии МАО. М., 1895. Т.I. С.134–202.*

⁷⁷ Ее греческий текст встречается также на змеевиках, найденных в русских землях и изготовленных русскими мастерами.

ных заговоров его эквивалентом и переводом служит «дъна»⁷⁸. В старинных лечебниках это слово также обозначало матку. Однако, как и в случае «истеры», «дъной» могли называть и болезнь женского лона, и вызывающего ее многоликого демона. Тем не менее «истеры» с «дъной» были опасны и для мужчин, а змеевики не были специфически женскими амулетами⁷⁹.

При этом в средневековых греческих, славянских, коптских, сирийских, армянских, еврейских, арабских, эфиопских, румынских источниках хорошо известны демоны в женском облике, чье описание полностью соответствует образу «истеры». Они преследуют беременных, угрожают роженицам, убивают и похищают детей. Истоки этого образа, возможно, восходят к месопотамской мифологии. В различных традициях это существо носит имя Гилу / Гелло, как в византийских преданиях, Обизут / Абизу, как в «Завещании Соломона» и производных от него источниках (см. ниже), или Алабасандрия в коптских текстах и т.д.⁸⁰ Кроме того, у него есть множество других имен, которыми надо овладеть, чтобы оградиться от его посягательств. Обычно этот демон предстает как женщина с волосами до земли, огненным взором, окровавленными руками и зубами. Она может превращаться в змей и других животных и т.д.

Прямые параллели с демоном-«истерой» можно найти в известнейшем магическом трактате «Завещание Соломона», который обычно

⁷⁸ См., например, новгородский змеевик с Феодором Стратилатом XIII–XIV вв. На оборотной створке – змеевидная композиция с рельефными буквами: «дъна» (Гнущова С.В., Золотова З.Я. Указ. соч. №53. С.50).

⁷⁹ Различные варианты истеры-формулы зафиксированы в Средние века в Византии, на Руси, Польше, Германии, Италии, в еврейских магических текстах и т.д. (Николаева Т.В., Чернецов А.В. Указ. соч. С.16–17, 34–35, 37–38; Spier J. *Medieval Byzantine Magical Amulets and their Tradition* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institute*, 1993, Vol.56. P.29–31, 38, 44–51). Слово «дъна» было многозначно. Оно также означало болезнь-«ломоту» (Алмазов А.И. Указ. соч. С.65–66), а порой и вовсе – «смерть», «конец» (Николаева Т.В., Чернецов А.В. Указ. соч. С.38, 44).

⁸⁰ Соколов М.И. *Апокрифический материал*... С.351–352; Barb A.A. *Antaura. The Mermaid and the Devil's Grandmother* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 1966, Vol.29. P.1–23; Greenfield R. *Saint Sisinnios, the Archangel Michael and the Female Demon Gylou: the Typology of the Greek Literary Stories* // *Byzantina*, 1989, Vol.15. P.83–142; Spier J. *Op. cit.* P.33–36; Hartnup K. «On the Beliefs of Greeks». *Leo Allatios and Popular Orthodoxy. Boston*, 2004. P.83–172.

датируют I–III вв н.э.⁸¹ В этом тексте архангел Михаил дарует царю Соломону власть над демонами, которая заключается в волшебной печати. Среди множества демонических существ, которые проходят перед царским взором, фигурирует Обизут – демоница со вздыбленными волосами и телом, которое скрывает тьма⁸². Она рыщет по миру и убивает новорожденных детей. Соломон приказал, чтобы ей связали волосы и повесили ее перед Храмом. Этот образ, возможно, отсылает к иконографии Горгоны, которая была знакома автору «Завещания», а сам «портрет» Обизут не может не напоминать личину с расходящимися во

⁸¹ Текст был написан по-гречески, но включает множество элементов, взятых из еврейской традиции (Johnston S.I. *The Testament of Solomon from Late Antiquity to the Renaissance* // Brenner J.N., Veenstra J.R. (eds.). *The Metamorphosis of Magic from Late Antiquity to the Early Modern Period*. Leuven, 2002. P.35–49).

⁸² Каковы бы ни были исторические связи между змеевидной композицией и античной Горгоной, вздыбленные, развевающиеся, торчащие во все стороны, «пламенеющие» волосы – один из устойчивых атрибутов демонических существ не только во многих магических текстах, но и в церковной демонологии и иконографии. В византийском, западном романском и древнерусском искусстве бесы (а иногда также грешники) часто изображались с растрепанными волосами или несколькими хохлами. Так, грешники с торчащими волосами и дьявол с острым хохолком фигурируют в сцене адских мук на фресках церкви Спаса на Нередице (1199 г.) и на капителях романской базилики Сен-Мадлен в бургундском Везле (XII в.). Во время борьбы с Сатаной и бесами святые и ангелы часто хватают их за хохлы. См. многочисленные изображения мученика Никиты, побивающего беса (Тетерятникова Н. О значении изображений св. Никиты, бьющего беса // *Transactions of the Association of Russian American Scholars in U.S.A.* 1982. Т.15. Илл.1–7, 12), Ипатия Гангрского на иконе XV в. (Антонова В.И., Мнева Н.Е. Указ. соч. Т.1. №204. С.238–239. Илл.147) и др. По аналогии с бесовский прической, маркерами принадлежности к армии дьявола могут служить также вытянутые шапки, воинские шлемы с зубуринами, напоминающими бесовские хохлы, и пр. В Житии Сергия Радонежского описаны бесы в островерхих литовских шапках (Памятники литературы древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С.308). См. изображение грешников в конических шапках и бесов с острыми хохлами в геенне огненной на иконе Страшного суда конца XVI – начала XVII в. из Новодевичьего монастыря в Москве. Обычные для западной иконографии рога начинают появляться у древнерусских бесов лишь в XVII в. Краткие замечания о «прическе» демонов см.: Николаева Т.В., Чернецов А.В. Указ. соч. С.35–36, 43; Spier J. *Op. cit.* P.39; Franklin S. *Nostalgia for Hell: Russian Literary Demonism and Orthodox Tradition* // Davidson P. (ed.). *Russian Literature and Its Demons*. New York – Oxford, 2000. P.38. – Я хочу поблагодарить Д.И.Антонова, который привлек мое внимание к этому сюжету.

все стороны змеями, знакомую по византийским и древнерусским амулетам.

Имя демона Гилу упоминается еще у древнегреческой поэтессы Сафо (VII – VI вв. до н.э.), а также во многих византийских источниках: у Иоанна Дамаскина (VII–VIII вв. н.э.), в «Житии патриарха Тарасия», написанном в IX в. Игнатием Дьяконом, в трактате «О демонах», который обычно приписывается Михаилу Пселлу (XI в.) и т.д. При этом Гилу может пониматься и как злой дух, и как женщина, превратившаяся в демоницу, одержимую охотницу на детей. Некоторые Номоканоны даже предусматривают специальную епитимию для женщин, ставших *gelloudes*. Однако большинство византийских Номоканонов отрицают возможность таких превращений и вообще отрицают веру в Гилу, как и Михаил Пселл, который лишь зафиксировал чуждое ему верование.

М.И.Соколов и вслед за ним Т.В.Николаева полагают, что и голова с исходящими змеями на одной стороне змеевика, и фигура, побежденная святым всадником либо архангелом Михаилом, – на другой изображают одного и того же демона: Гилу / Абизу. По мнению Д.Спаера, с Гилу / Абизу может быть связана только противница святого, а личина со змеями отсылает к близкому по функциям демону матки, известному во многих культурах⁸³. Существуют и альтернативные толкования смысла и истоков змеевидной композиции. По мнению Г.Викана, она восходит к изображениям Хнубиса – божества с львиной или человеческой головой и змеиным телом, которое вовсе не насылало болезни, а, наоборот, защищало от них. Лишь со временем этот образ утратил свой первоначальный смысл и стал восприниматься как изображение вредоносного демона⁸⁴.

Как бы то ни было, для нас важно, что в иконографии змеевиков христианские и дохристианские либо апокрифические образы переплетаются и накладываются друг на друга. Архангел Михаил и другие святые замещают царя Соломона и «святого всадника». Они борются как с демонами, предельно далекими от канонических падших ангелов (различные демоны матки и Гилу / Абизу), так и с традиционными христианскими бесами (как на змеевиках с Никитой Бесогоном).

⁸³ *Spier J. Op. cit. P.39–44.*

⁸⁴ *Vikan G. Art, Medicine and Magic in Early Byzantium // Dumbarton Oaks Papers, 1984, Vol.38. P.75–80.*

**МИХАИЛ, СИСИНИЙ,
НИКИТА: ИЗГНАНИЕ БЕСА
КАК ПОЕДИНОК**

Во всех вариантах преданий, охранительных молитв, магических формул и в иконографии амулетов Гилу / Абизу противостоит главный враг – ангел или святой. Тот, кто может

защитить от напасти и отогнать демона. Демоница из «Завещания Соломона» вынуждена открыть царю, что она бессильна перед ангелом Афаротом (одно из имен Рафаила). Однако чаще всего эта роль отводится св. Сисинию или архангелу Михаилу. На многих византийских амулетах кто-то из заступников повергает оземь или истязает бессильного демона. В одном варианте иконографии Гилу / Абизу стоит на коленях, повернув руки назад, а стоящий позади человек бьет ее кнутом. В другом – ее пронзает копьем «святой всадник». Подписи идентифицируют ее победителя как царя Соломона, ангела Арлафа (Афарота из «Завещания Соломона»), св. Сисиния или архангела Михаила⁸⁵. На древнерусских змеевиках всадник, поражающий копьем женскую фигуру, демона, змия или некое чудовище, чаще всего идентифицируются со св. Георгием или св. Феодором Тироном, которые были известны как змеборцы⁸⁶.

Несмотря на многообразие вариантов, базовая версия легенды о Гилу связывает ее поражение со св. Сисинием. Дело в том, что Гилу преследовала и краля детей у его сестры по имени Мелитина. В конце концов Сисиний (в других вариантах – Сисиний и его брат Синодор) поймал Гилу и заставил ее возвратить украденных племянников. Он вынудил назвать ее тайные имена, с помощью которых люди смогут защититься от ее козней (в «Завещании Соломона» Обизут признается, что она не сможет навредить женщине, если у той будет папирус с именем ангела Афарота / Рафаила). В некоторых вариантах легенды Сисиний не просто ловит Гилу, а хватает ее за волосы, попирает ее ногами и бьет палицей⁸⁷.

⁸⁵ *Ibid.* P.75; *Spier J. Op. cit.* P.36–37.

⁸⁶ С XIV–XV вв. изображение святого, поражающего змия, появляется не только на «христианской», но и на «языческой» стороне амулетов, рядом с головой «истеры» (Николаева Т.В., Чернецов А.В. Указ. соч. С.39. См., например, средник новгородского складня XVI в. На одной его стороне помещен Феодор Тирон, поражающий змия, над ним – вписанная в круг змеевидная композиция. На другой стороне – Никита с бесом (Тетратникова Н. Указ. соч. С.17, Илл.5 а, б. См. также: Соколов М.И. Апокрифический материал... С.362; Николаева Т.В., Чернецов А.В. Указ. соч. С.76–77, №34; Гнупова С.В. Золотова Е.Я. Указ. соч. №56. С.51).

⁸⁷ Сисиний как защитник от вредоносного демона известен по многим греческим текстам, а также бронзовым амулетам VI–VII вв.: Walker C. *The Warrior Saints in Byzantine*

Также победителем Гилу становится архангел Михаил либо другие архангелы: Гавриил, Рафаил и Уриил. В текстах молитв против козней Гилу Михаил либо борется с ней вместо Сисиния, либо действует параллельно с ним и помогает святому. Точно так же на ранних византийских амулетах иногда появляется ангел. Он либо помогает «святому всаднику», либо занимает его место. Вообще в поверьях о борьбе с демонами болезней и в иконографии амулетов фигуры демоноборцев легко менялись местами. Подобная пластичность характерна как для византийского, так и для древнерусского контекста. Фигура св. Сисиния тесно связана в апокрифических преданиях и иконографии с известным лишь по отреченным книгам архангелом Сихаилом⁸⁸. Как и Сисиний, он считался защитником от 12 (иногда 7) «трясовиц»-лихорадок, которые насылали людям горячки. Иногда в них видели дочерей царя Ирода. Известны поздние изображения, где Сихаил поражает копьем трясавиц. Однако вместо него в той же роли может выступать и архангел Михаил⁸⁹.

Art and Tradition. Ashgate, 2002. P.241–242; Hartmp K. Op. cit. P.86–88; 96–98. См. также: Spier J. Op. cit. P.36–37; Славянская версия легенды о Сисинии появляется в глаголической евхологии XI в. В XIV в. легенда о Сисинии и архангеле Сихаиле как борцах с «трясовицами» (демонами лихорадки) фигурирует в русском списке ложных книг как сочинение богомильского попа Иеремии. В конце XV в. митрополит Зосима (1490–1494), переписывая индекс, связал Иеремью с Богомилом, а сюжет – с богомильской ересью (Turdeanu E. Op. cit. P.26–28). См.: Соколов М.И. Апокрифический материал... С.341–343, 346–348, 356, 360–362; Бенчев И. Указ. соч. С.107–117; Топорков А.Л. Указ. соч. С.305–308; Райан В.Ф. Баня в полночь. Исторический очерк магии и гаданий в России. М., 2006. С.352–365, 378 (прим. 240), 379 (прим. 251).

⁸⁸ Несмотря на то, что имя Сихаила было известно только по апокрифам и заговорам, его изображения можно встретить в полностью каноническом и церковном контексте. Так, явление архангела Сихаила Сисинию представлено на оборотной стороне трехстворчатого складня мастера Лукиана (1412) из Благовещенского собора Московского Кремля. Вокруг были вычеканены фигуры спящих отроков Эфесских. На лицевой стороне в среднике изображен Спас, а по обе стороны от него – архангел Михаил (как первый из ангелов), Богоматерь, Иоанн Предтеча, апостол Петр и жены-мироносицы (Качалова И.Я., Маясова Н.А., Щенникова Л.А. Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990. Илл.247–248).

⁸⁹ Иконы, где архангел Михаил поражает копьем группу «трясовиц», известны, по крайней мере, с XVII в. Этот сюжет был достаточно популярен в XVIII–XIX вв. При этом на одних иконах фигурирует имя Михаила, на других – Сихаила (а иногда и Рафаила). Часто архангела сопровождает только св. Сисиний. Однако к ним могут присоединиться и другие святые: Мелания Римская, Марон, Маркуф, Фотиния, Иоанн Печерский, Пафнутий Боровский и др. Также варьируется и облик «трясовиц». На иконах XVIII–XIX вв. они

На змеевиках и в текстах связанных с ними преданий противостояние между «святым всадником» (будь то Соломон, Сисиний или Георгий с Феодором Тироном) либо ангелом (Арлаф, Сихаил, Михаил) и демоном Гилу / Абизу предстает в форме физической схватки. Святой пронзает свою противницу копьем, пригвозждает ее к земле, хлещет бичом или бьет молотом. Злые силы телесны, они чувствуют боль и могут быть побеждены в схватке. На раннесредневековом амулете из неаполитанского Национального музея архангел Михаил избивает палицей обнаженные фигурки демонических существ (см. выше). При этом одно дело, когда святой вступает в физическую схватку с реальным змием, пусть даже этот змий воспринимается как орудие Дьявола⁹⁰. Другое, – когда его противник – демоническое существо или персонализация болезни, как Гилу / Абизу, которые едва ли соответствовали каноническим представлениям о падших ангелах, но все же чаще всего представлялись как злые *духи*⁹¹.

Этот материальный, плотский аспект противостояния злу неизбежно вызывает вопрос о том, как эта иконография сочеталась с господствующим в Церкви представлением о бестелесной природе демонов – падших ангелов. Как подобные представления существуют в христианском контексте и действительно ли между ними и ортодоксальной демонологией существует непримиримое противоречие? В конце концов, и в строго ортодоксальных церковных текстах победа над Дьяволом описывалась с помощью метафоры битвы, а на иконах, фресках и книжных миниатюрах ангелы пронзают, попирают ногами, сковывают Дьявола и его слуг. Можно ли считать, что эти образы считывались в русском Средневековье исключительно как иносказания? В более широкой перспективе этот вопрос

могут изображаться и в облике нагих девушек, и как разноцветные демонические существа с крыльями. На иконе первой половины XVII в., которую опубликовал И.Бенчев, у них нет крыльев, зато тела разного цвета, и одна из «трясовиц» нарисована с характерной бесовской прической – торчащими во все стороны волосами (Бенчев И. Указ. соч. С.111–117).

⁹⁰ *В христианской агиографии змий – это и орудие Дьявола, и его «маска». Как следует из житий, многие святые сражаются с реальными змиями. Другие – с Дьяволом, принявшим их облик. Однако часто текст не позволяет понять, где речь идет о материальном чудовище, а где о призрачном облике злого духа.*

⁹¹ *Несмотря на то, что Гилу мало напоминает ортодоксальных христианских бесов, она может в различных славянских текстах именоваться «дьяволом». См. пример из одной сербской рукописи, который приводит М.И.Соколов: «Азь есмь вецница нарекома дьяволь» (Соколов М.И. Апокрифический материал... С.345).*

рассмотрен в статье Д.И.Антонова «"Беса поймав, мучаше...": об одном "маргинальном" аспекте древнерусской демонологии» (в печати). Мы же остановимся лишь на одном из его аспектов.

Ключ к пониманию того, как взаимодействовали различные представления о природе демонов, возможно, лежит в самой иконографии древнерусских змеевиков и металлических икон со змеевидной композицией. На «христианской» стороне змеевиков с XIII в. появляется изображение великомученика Никиты, избивающего беса. Никита одной рукой держит его за хохол, а другой – замахивается на него батоном или дубиной⁹². Этот интереснейший сюжет в свое время был подробно исследован Н.Тетерятниковой. По ее данным, изображения Никиты с бесом не зафиксированы на змеевиках византийского происхождения. Более того, они вообще не известны в искусстве ни одной из славянских стран за пределами Руси⁹³. Однако это вовсе не значит, что мотив избивания беса характерен лишь для древнерусской иконографии. Как минимум, в восточных областях Византии и на Балканах в XII–XIII вв. в росписях церковей известен идентичный, пусть и не самый распространенный, сюжет. Только вместо Никиты беса пленяет и бьет молотом св. Марина (в западной традиции – Маргарита) Антиохийская⁹⁴. Ее изображения с бесом известны также в искусстве Молдавии⁹⁵. Кроме того, уже на Руси мотив мучения беса присутствует в иконографии еще, по мень-

⁹² Змеевики с Никитой Бесогоном (Соколов М.И. *Апокрифический материал...* С.363–365; Николаева Т.В., Чернецов А.В. *Указ. соч.* С.31, 39; Тетерятникова Н. *Указ. соч.* С.11). – Апокрифическое «Сказание о мученике св. Никиты», где и повествуется о его победе над дьяволом, возможно, стало известно на Руси уже в XI–XII вв. (хотя древнейшие дошедшие до нас списки восходят к концу XV в.). В XIV в. сказание фигурирует в индексе запрещенных книг. Первые русские изображения Никиты, побивающего беса, датируются XII–XIII вв. (на одном из рельефов западного фасада Дмитровского собора во Владимире и на кресте-энколпионах). В иконописи образ Никиты, побивающего беса, известен с рубежа XV–XVI вв.

⁹³ Тетерятникова Н. *Указ. соч.* С.9.

⁹⁴ Lafontaine-Dosogne J. *Un theme iconographique peu connu: Marina assommant Belzébuth // Byzantion, 1962, Vol.32. P.251–259; Hadermann-Misguich L. Contribution à l'étude iconographique de Marina assommant le démon // Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, 1968–1972, Vol.20. P.267–271; Drewer L. Margaret of Antioch the Demon-Slayer, East and West: The Iconography of the Predella of the Boston Mystic Marriage of St. Catherine // Gesta, 1993, Vol.32, №1. P.11–20.*

⁹⁵ См. фреску 1541 г. в монастыре Арборе (Văltășianu V. *Pictura murală din Nordul Moldavei. Bucarest, 1974. Ill.87*).

шей мере, двух святых: Ипатия Гангрского и Ульяны Никомидийской⁹⁶. «Поединок» каждого из этих мучеников с бесом описан в их мучениках, и мы имеем дело не с единичным «курьезом» в мученической биографии Никиты, а со сквозным мотивом.

Во всех случаях противостояние святого и демона строится по сходной сюжетной схеме. После долгих пыток, которые должны сломить его волю, заставить отречься от христианства и поклониться идолам, мученика сажают в темницу. Там ему является дьявол. Его цель – уstrasшить, обмануть и заставить отречься от истинной веры. Он может сначала предстать в виде змия (как в мученичестве Марины) или в обманчивом облике светлого ангела (как у Ульяны). Однако святой разгадывает его козни, заставляет его принять истинный облик, хватается за шею, пригвождает к земле, принимается его бить, в случае Марины даже вырывает глаз, и, в конце концов, заставляет того раскрыть все свои тайны. Далее следует «исповедь» беса. Пленный дух молит о пощаде и вынужден назвать свое имя (Вельзевул, Зефувел и др.), открыть, кто его послал («отец мой Сатана») и какова его «специализация»: какие козни он строит людям, за какие грехи отвечает, какие насыляет болезни и пр.⁹⁷ Святой одерживает полную победу над дьяволом, и тот скрывается посрамленный и «обезвреженный».

Еще в XIX в. М.И.Соколов обратил внимание на то, что схватка Никиты с бесом (и, добавим, аналогичные сюжеты в мученичествах Ипатия, Ульяны, Марины) построена по той же модели, что и предания о победе Сисиния или архангела Михаила над Гилу⁹⁸. Как Сисиний ловит ее за волосы, попирает ногами и бьет палицей, так и Никита хватается своего гостя Вельзевула руками, пригвождает к земле ногой и избивает того цепью (либо в иконографической традиции – дубиной, неясным предметом в виде стержня с кругами на концах и другими орудиями). При этом опубликованный Н.С.Тихоновым список мученичества Никиты (по рукописи XVI в.) не уточняет, как тот схватил беса. Не сказано об этом и в истории Ульяны (напротив, в мученичестве Марины прямо говорится,

⁹⁶ *Ипатий Гангрский* (Антонова В.И., Мнева Н.Е. Указ. соч. №204. С.238–239. Илл.147–148); *Ульяна Никомидийская* (Иконы Великого Новгорода... №98. С.479–487). – Оба сюжета рассмотрены в упомянутой выше статье Д.И.Антонова.

⁹⁷ *Никита Бесогон* (Тихонов Н.С. Указ. соч. Т.2. С.116–118); *Ипатий Гангрский* (Там же. С.142–143); *Ульяна Никомидийская* (Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Декабрь, 18–23. Вып.12. М., 1907. Стб.1611–1616); *Марина Антиохийская* (РГБ. Ф.304.1. №678. Л.310 об. – 318).

⁹⁸ *Соколов М.И. Апокрифический материал... С.363–365.*

что она схватила беса «за волосы»⁹⁹). На змеевиках, крестах, металлических складнях, иконах святой обычно держит Вельзевула за хохол. Так же поступают в клеймах своих житийных икон Ипатий Гангрский и Ульяна Никомидийская.

Слева: Св. Ульяна держит беса за хохол и замахивается на него.

Клеймо иконы «Мученицы Варвара, Параскева Пятница и Ульяна, с житием Варвары, Ульяны Илиопольской и Ульяны Никомидийской» (последняя треть XV в.).

Справа: Св. Никита держит за хохол и избивает беса целью. Икона второй четверти XVI в.

М.И.Соколов предположил, что иконографический извод, где Никита хватает беса именно за вихор, следует древнему образцу и воспроизводит жест Сисиния, поймавшего за волосы демоницу Гилу. Каково бы ни было происхождение этого жеста, мы находим его не только в иконографии Никиты, но и в мартирии Марины Антиохийской, где он уже полностью интегрирован в христианский контекст, и в иконографии остальных святых (рукописная традиция их житий требует дополнительного изучения). Мы имеем дело с общей моделью экзорцизма через насилие над демоном, которая, вероятно, была воспринята христианст-

⁹⁹ РГБ. Ф.304.1. №678. Л.313 об.

вом у более ранних традиций и перенесена с различных демонов болезней на христианских падших ангелов.

В XVI в. появляется новый тип иконографии Никиты, где его победа над бесом изображалась в более традиционной для древнерусской иконографии форме и обходилась без сцены избиения. Мученик либо сидел на троне с побежденным бесом у ног, либо возвышался во весь рост над поверженным противником¹⁰⁰. На житийной иконе 1677 г. из Никитского монастыря в Переславле-Залесском¹⁰¹ поза Никиты, попирающего ногами демона, абсолютно идентична позе архангела Михаила с иконы Симона Ушакова «Архангел Михаил, попирающий дьявола» 1676 г.

Как и Сисиний в преданиях о Гилу / Абизу, Никита, Ипатий, Ульяна и Марина истязают своих искуссителей, чтобы раскрыть их секреты (кто они? откуда? зачем пришли?) и тем самым их обезвредить. В различных вариантах молитв и формулах экзорцизма главным «противоядием» от козней Гилу / Абизу служит список ее тайных имен, перечень имен святых или ангелов, которые ее обуздали, а также сам рассказ о ее кознях и поражении. Точно так же чтение мартирия Никиты должно было не только укрепить читателя в вере, дать ему пример стойкости и научить, как преодолевать искушения. В различных списках памятника говорится, что сам его текст (вернее, его чтение, переписка и пр.) способен защитить от козней бесов и излечить насланные ими болезни¹⁰². Зафиксированный на письме рассказ о поражении Сатаны, как и изображение победы над ним, действует как амулет, или заклятье, от его козней.

Характерно, что в апокрифическом мучении Никиты, где рассказана история о его схватке с бесом, он черпает свою силу от архангела Михаила. Тот сначала помогает ему выдержать бичевание, а затем, спустившись с небес во второй раз, подсказывает, как справиться с бесом, явившимся ему в ангельском облике. Именно по совету архангела Никита хватает беса руками и начинает бить его цепью¹⁰³. Если на змеевиках фигуры архангела Михаила и Никиты могут заменять друг друга, текст мартирия ясно показывает фундаментальную функцию Михаила как главного борца с Дьяволом. Как в «Завещании Соломо-

¹⁰⁰ Тетерятникова Н. Указ. соч. С.18–22. Илл.8,9,10.

¹⁰¹ Переславль-Залесский историко-художественный музей. Инв.2750.

¹⁰² Соколов М.И. Апокрифический материал... С.364; Тетерятникова Н. Указ. соч. С.5.

¹⁰³ На клейме иконы «Великомученик Никита, с житием» 1669 г. из Георгиевской церкви в Муроме идея ангельской помощи передана через фигуру ангела, который стоит за спиной у Никиты, когда тот попирает ногами беса (Иконы Мурома. М., 2004. С.41).

на» он дарует царю власть над демонами, так в христианской агиографии он приходит на помощь святым и наставляет их в науке, как одержать верх над Сатаной¹⁰⁴.

Образ древнерусского архангела Михаила – это результат синтеза канонических текстов Библии, преданий апокрифов и ряда локальных мифологических традиций. Тем не менее, сформировавшись, они образовали устойчивый комплекс взаимосвязанных представлений и сюжетов книжности: в космологической предыстории мира архангел Михаил стал архистратигом небесного войска и первым из ангелов, одержав верх над Сатаной; в человеческом обществе он служит карающим мечом Господа, наказывает грешников, которые по определению выполняют волю Дьявола, и ведет неустанную битву с демонами; как ангел смерти, он сопровождает души умерших и обороняет их от бесов в ходе агонии и в промежуточный период после смерти, когда души восходят на небеса. При этом во всех своих ипостасях он делит эти функции с другими ангелами и святыми и делегирует им свои «полномочия». В русском Средневековье архангел Михаил сражается и с каноническими церковными бесами, и с синкретическими демонами болезней, пришедшими из альтернативных либо переплетающихся с ортодоксией традиций. При этом нарративы о противостоянии Михаила либо святых с Дьяволом и его слугами колеблются в культуре между двумя моделями: духовного поединка и физической схватки с материализовавшимся демоном. При этом мы должны скорее говорить не о двух «полюсах», а о континууме верований и представлений.

¹⁰⁴ Тихонравов Н.С. Указ. соч. Т.2. С.114, 116–117. – В одном заговоре из Великоустюжского сборника XVII в. имя Никиты («бесом прогонителя») идет вслед за чередой апокрифических и признанных Церковью ангелов: Апомаила, Рафаила, Сихаила (Отреченное чтение... С.213).

Я не считаю возможным рассматривать философа как изолированного от мира мыслителя. Философ – это человек, желающий понять свое время и помочь другим людям изменить условия их бытия посредством осмысления их ситуации.

Перед каждой эпохой стоят свои задачи. Нам следует решать проблемы нашего времени, а не времени наших отцов. Воспитатель, философ не должны предаваться ностальгии. <...>

**В результате перед лицом угрозы
смыслоутраты возникает
фундаментальное утопическое
устремление создать общий
для всех людей проект,
объединяющий
человечество.**

Поль Рикер

Марк Лапицкий

**ЗАМЕТКИ
О
ГЕРБЕРТЕ УЭЛЛСЕ,
МЕЧТАТЕЛЕ-
ГЛОБАЛИСТЕ
И
ЗОРКОМ РЕАЛИСТЕ**

УДК

929

The author analyzes certain theoretical conceptions that were advanced by Herbert Wells and are included in his three-volume autobiography recently published in Russia. The particular attention is devoted to Wells' opinions on the future of humankind and to his forecasts that came true or failed. Wells' 'sketch of the future' is seen through the present day prism. The concluding section of the article is devoted to Wells' thoughts about Russia and his portrait sketches of Lenin, Stalin, Gorky.

Ключевые слова: будущее человечества; предвидения; глобализм; Мировое государство; экология человечества; неорелигия; историческая инверсия.

E-mail: mlapitsky@mail.ru

*Сганарель. Хороша вера и хороши догматы.
Выходит, значит, что ваша религия – арифметика?*
Жан-Батист Мольер

Наша истинная национальность – человечество.
Герберт Уэллс

Несколько слов об Уэллсе и его автобиографии

Бывает, что Природа (или Бог, если верить в Его существование) одаривает одного человека таким избытком талантов, способностей, энергии, жизненной силой, наконец, недюжинным воображением, что их с лихвой хватило бы на дюжину человеческих существ. Таким был Герберт Уэллс (1866–1946). Природа не поскупилась и наделила его к тому же незаурядной импульсивностью, страстностью, которая буквально переполняла его, была через край на протяжении многих десятков лет. Эта страстность проявлялась как в его обширном и разнообразном творчестве, общественной деятельности, так и в том, что принято называть «личной жизнью», подразумевая под ней, прежде всего, любовь.

Многими перечисленными (и неперечисленными) достоинствами, как уже было сказано, Уэллс был награжден в избытке, хотя детские и юношеские годы будущего писателя, казалось, не предвещали рождение незаурядной личности. Сын лавочника и горничной из провинции, он был типичным *self-made man* – человеком, сделавшим себя сам. Он сумел подняться над своим классом, над мещанским и ограниченным викторианским миром. Прорывом в большой мир стали книги, которые он запоем читал с ранних лет. Еще одним прорывом стала наука, особенно увлечение биологией; ее методы остались для Уэллса олицетворением научного метода как такового. Кроме того, что он ценил науку саму по себе, он умел ценить ее красоту, как красоту подлинного искусства, сумев соединить науку и литературу воедино во многих своих произведениях. «Несомненно, биология по материалу и методу принадлежит в гораздо большей степени к тому, что мы называем историей и общественными науками, чем к наукам естественнонаучного порядка, с которыми ее, как правило, ассоциируют»¹, – писал Уэллс. Но пока он только много читал и слушал лекции в Королевском научном колледже.

¹ Wells H.G. *Travels of a Republican Radical in Search of Hot Water*. L., 1939. P.76.

Таланты открылись позднее. Видимо, и сам Уэллс какое-то время не верил в свои творческие силы и возможности; впоследствии же частые уверения читателя в своей «заурядности» свидетельствуют скорее о некоей игре, желании услышать опровержение своим «признаниям» (если не о простом кокетстве), нежели подлинной уверенности в своей посредственности. Все его творчество, вся его деятельность, без всякого сомнения, подтверждают это². Тем не менее «Опыт автобиографии», о котором, прежде всего, пойдет речь в этой статье, имеет подзаголовок «Открытия и заключения одного вполне заурядного ума (начиная с 1866 года)»³.

В творческой личности Уэллса проявился дух его времени, сконцентрировались многие противоречия европейской интеллектуальной жизни. Все это зеркально отразила его автобиография, ценность которой не только в том, что в центре ее незаурядная личность со всеми сложностями и перипетиями ее жизни и мировоззрения, но и в том, что в ней «дышит» дух эпохи.

На русском языке двухтомный «Опыт автобиографии» и примыкающий к нему том «Влюбленный Уэллс» публикуется впервые, хотя две первые книги увидели свет в Англии еще в конце 1934 года. Что касается третьего тома, озаглавленного автором «Постскриптум к автобиографии» и опубликованного его сыном Джорджем Филиппом Уэллсом под несколько интригующим названием «Влюбленный Уэллс» (сын дополнил книгу другими материалами и примечаниями), то его первое английское издание датировано 1984 годом. Дело в том, что автор запретил публиковать эту книгу до тех пор, пока не уйдет из жизни последняя из упомянутых в тексте женщин. Это произошло в 1983 году. Последней из упомянутых в книге женщин оказалась пережившая своего возлюбленного на 37 лет известная английская писательница и общественная деятельница Ребекка Уэст (она была

² Уэллса скорее можно упрекнуть в самоуверенности, самодовольстве, что нередко делали его многочисленные оппоненты. Тех, кто не усвоил образ его мыслей, нетерпимый к инакомыслию Уэллс выставлял «малолетними недоумками», «зучениками ограниченных гувернанток» и т.д. Как отмечает биограф Уэллса, подготовивший издание «Опыта автобиографии» на русском языке, писатель не отличался излишней скромностью. Когда его как-то назвали гением, тот ответил: «Да, я гениален» (Кагарлицкий Ю.И. *Наперегонки со временем // Уэллс Г.Дж. Опыт автобиографии. Открытия и заключения одного вполне заурядного ума (начиная с 1866 года)*. М.: Наука, 2007. С.595).

³ Уэллс Г.Дж. *Опыт автобиографии*. – 715 с. – Далее ссылки в тексте по этому изданию.

младше Уэллса на 26 лет). Таким образом, был открыт путь для публикации самой интимной книги Герберта Уэллса, о существовании которой никто, кроме самых близких ему людей, не подозревал.

Следует заметить, что третий том автобиографической книги включает в себя не только воспоминания о взаимоотношениях автора с любимыми (и не только) женщинами, но и продолжает изложение взглядов Уэллса на будущее мира и человечество. В результате трехтомный «Опыт автобиографии», ставший одним из важнейших и ярчайших литературных документов XX века, оказался в числе самых читаемых книг Уэллса, соперничая с его лучшими фантастическими романами.

Мысль написать автобиографию подал Уэллсу учитель русского языка его детей С.С.Котелянский (вообще Россия занимает весьма заметное место в жизни и творчестве Уэллса), имевший отношение к издательскому делу. Любопытно, что школу с преподаванием русского языка помог в Англии основать сам Уэллс; там и учились его дети.

Г. Дж. Уэллс у микрофона Би-би-си
(январь 1943 г.)

Пытаться писать об Уэллсе вообще под стать желанию объять необъятное, настолько многогранен его талант писателя, социолога, философа, историка, биолога. Он писал учебники, бытовые романы и очерки, сценарии, рецензии, не говоря уже о прославленных научно-фантастических романах и повестях. Он автор «образовательной трилогии» «Наука жизни», рассчитанной на исправление людских умов, фундаментальных «Очерков истории цивилизации» (у нас еще будет возможность обратиться к этой книге). Чему только не посвящал Уэллс свои произведения: «маленькому человеку», «человеку-невидимке», путям прогресса, судьбам

человечества, законам мироздания и еще много чему! Ведь он хотел не просто оставить след в этом мире – он хотел, ни больше ни меньше,

изменить его. Им двигало желание реконструировать наш несовершенный мир. Уэллс – сторонник активного вмешательства в жизнь.

Он любил экспериментировать. Собственно, вся его жизнь и творчество были грандиозным экспериментом. Он неоднократно говорил и писал, что ему чужды идеи Герберта Спенсера, «который, в сущности, возвел общественную бездеятельность в ранг национальной философии – жизнь все уладит сама, если только оставить ее в покое» (С.334). Кажется, подобно одному из своих героев, он поставил перед собой задачу «испробовать жизнь во всем ее многообразии»⁴.

В автобиографии Уэллса речь идет, прежде всего, об опыте, накопленном им самим, и никем другим. Вместе с тем он не считал свою жизнь исключительной, тем более не без основания полагал, насколько опасно, делая выводы, рассчитывать только на свой собственный опыт.

Ему была известна старая история про курицу (ее приводит его друг, известный философ Бертран Рассел в книге «Проблемы философии»), у которой чувство уверенности в своем светлом будущем росло с каждым днем, с каждой новой кормежкой. Оно росло до тех пор, пока добрый фермер, кормивший курицу всю ее недолгую жизнь, не пришел, не свернул ей шею и не приготовил из несчастной свой ужин. Это случилось как гром среди ясного неба, ибо ничто в личном опыте курицы не предвещало такого оборота событий. Эмпирическое знание подвело курицу: ведь ей никогда не сворачивали шею, а судьба соседок ее нисколько не интересовала. Уэллс вобрал в себя опыт многих. Автор автобиографии видит ценность своей жизни именно в ее «типичности», считая, что именно этим она должна быть небезынтересна читателю (возможно, именно поэтому в подзаголовке к книге и появляется заявка на свою «заурядность»).

Хотя автобиографический элемент присутствует почти во всех книгах Уэллса, «Опыт автобиографии» дает особенно полное представление об этом многообразии; в книге, наряду с непосредственно биографическим материалом, представлены теоретические концепции автора по широчайшему кругу вопросов. В трехтомнике содержится немало глубоких и оригинальных мыслей Уэллса в отношении России, любопытны зарисовки встреч автора с Лениным, Сталиным, Горьким, неко-

⁴ Уэллс Г. Дж. *Тонно Бенге // Собрание сочинений: В 15 т. Т.8. М., 1964. С.5.*

торыми другими деятелями того времени, чему посвящен последний раздел этого текста. Особый интерес, с нашей точки зрения, представляют взгляды «планетарного мыслителя» на будущее человечества. Этому последнему кругу проблем в основном и посвящена большая часть данной статьи.

Предсказатель

В течение многих лет Уэллс оставался в нашем восприятии проницательным, тонким, оригинальным мыслителем, но все же далеким, отстраненным от наших насущных отечественных и мировых проблем. В последние годы он как бы приблизился к нам. Это и понятно, ибо в его книгах нетрудно обнаружить весьма близкие нам, сегодняшним, идеи, прежде всего имеющие отношение к странам, вступающим на путь демократии; идеи, открывающие в обществе нравственные принципы, с помощью которых можно перестроить, просветить и обновить старый мир. Возможно, и не стоило бы останавливаться на многостраничном автобиографическом труде Уэллса, покинувшего этот мир более шестидесяти лет назад⁵, если бы многие мысли и рассуждения Уэллса не представлялись актуальными в наше время.

Уэллс не любил возвращаться к пройденному, к тому, что было уже им описано. Он стремился разрабатывать новое, расширяющее горизонты человеческой мысли. Для него *science fiction* не превращается в псевдонаучную сказочку или в страшилку, пугающую упрощенными картинками грядущих кошмаров будущей цивилизации. Всю жизнь он пытался понять, куда движется мир, должны ли мы сопротивляться этому движению или, принимая его, деятельно участвовать в нем.

Нередко исследователи творчества Уэллса пишут о нем как о некоем прорицателе, предсказавшем многое из того, что впоследствии стало реальной действительностью. В этих утверждениях есть немалая доля истины, хотя предсказания Уэллса не сродни пророчествам, скажем, Нострадамуса. В основе предсказаний Уэллса в области науки и техни-

⁵ Хотя один лишь факт появления этой книги в России – хороший повод для обращения к ранее неизвестной у нас и, несомненно, одной из важнейших работ выдающегося автора.

ки лежит отнюдь не «ясновидение»⁶, – это итог вдумчивого анализа, не исключая, разумеется, и свойственной ему интуиции. Бертран Рассел назвал Уэллса освободителем мысли и воображения, «открывшим молодым людям глаза на разные варианты будущего, о которых они иначе бы не задумались»⁷. Действительно, нельзя не поразиться некоторым «футурологическим» достоинствам его рассуждений, тем более что прошло уже достаточно времени, чтобы оценить результаты его прогнозов.

Так, «тепловой луч» марсиан из «Войны миров» вызывает ассоциации с лазером; в малоизвестном романе «Освобожденный мир» Уэллс предсказывает расщепление атома и создание атомной бомбы; многие нюансы, связанные с будущим полетом человека на Луну, содержатся в романе «Первые люди на Луне». А в одном из его рассказов речь шла о телепередаче с Марса – и она действительно была недавно осуществлена с помощью космических зондов⁸.

Еще в начале 1890-х годов в лекции «Скептицизм инструмента» Уэллс сформулировал идеи, предвосхитившие важные положения теоретической физики. По мере того, как вы приближаетесь к объекту исследования и забываете о сугубо практической цели, ради которой создан ваш метод, возрастает опасность ошибки. Ясная при самых общих выводах и заключениях картина становится смазанной по мере того, как увеличивается точность⁹. Подобной постановкой вопроса Уэллс предвосхитил принцип неопределенности Гейзенберга (1927)¹⁰.

Он вводит в научный оборот множество биологических, политологических, социологических и даже астрофизических сведений. Он многократно повторяет в ряде своих работ, что цельность личности – всегда самообман, рефлекс привычки и «складывания связанных историй». Этот вполне современный тезис подтверждается результатами нейробиологических исследований.

⁶ Он был врагом такого рода пророчеств, так же как всю свою жизнь считал себя безбожником и врагом всевозможных предрассудков и суеверий.

⁷ Russel B. *Portraits from Memory and Other Essays*. L., 1958. P.79.

⁸ См.: Наука и жизнь. 2008. №10.

⁹ См.: Wells H.G. *Modern Utopia*. L., 1905. P.383.

¹⁰ См.: Кагарлицкий Ю.И. Указ. Соч. С.586.

Собственно, и сам Уэллс в «Опыте автобиографии» не без гордости дает оценку некоторым своим сбывшимся прогнозам, сделанным в самом конце XIX – первых годах XX столетия и сбывшимся в середине века. В наиболее концентрированном виде свои прогнозы он опубликовал в книге с выразительным и пространным названием «Предвидения, касательно влияния механического и научного прогресса на человеческую жизнь и мысль» (1901).

В автобиографии Уэллс вспоминает эту свою раннюю работу. Он пишет: «Как-никак это – первая попытка предсказать будущее в целом, оценить относительную силу тех или иных зон влияния... Попытка оценить и взвесить все, выработать общую равнодействующую социальных изменений, прогнозировать трезво, то есть без пропаганды, сатиры или фантастики, была настолько нова, что моя книга, какой бы она ни была сырой и невнятной, взволновала достаточно многих» (С.324).

Действительно, в этой сравнительно небольшой книжке содержится множество предсказаний, которые можно по достоинству оценить и в наше время. Среди них: появление центрального отопления и центрального кондиционирования воздуха, электрических кухонных приборов и другой бытовой техники, увеличение размеров городов в связи с развитием автомобильного транспорта, всеобщее распространение телефонов, будущее строительство домов из бетона, появление специализированных газет – каждая на свою тему, и т.д.

Но Уэллс пишет не столько о научном и техническом прогрессе как таковом, его больше волнует влияние этого прогресса на жизнь и мысль человека. Он предполагает, что агрессором в войнах XX века выступит Германия, но победу одержат те державы, которые заключат против нее союз. «На заключительных стадиях урегулирования Великобритания должна тесно сотрудничать с Соединенными Штатами» (С.343), – пишет автор «Опыта автобиографии». Писатель предсказывает падение Гогенцоллернов, предвидит «возрождение Польши» и «вероятные перемещения границ» в Европе (С.327). Уэллс исследует влияние этих изменений на давно установившиеся общественные отношения. Он предвосхитил идею мирной конференции, которая должна стать чем-то вроде постоянного всемирного органа с контролирующими функциями. Одним словом, Уэллс начертил некий эскиз будущих Лиги Наций и Организации Объединенных Наций.

В специальной главе он рассматривает возможность появления общего языка. Ему хочется видеть английский в качестве такого универсального языка. Что касается России, то Уэллс считает, что, управляемая реакционной властью, она будет все больше отставать от западных стран.

Автор уделяет большое внимание предстоящим в XX веке социальным и политическим изменениям. Уэллс полагает, что общество развитых стран будет состоять из четырех классов.

1. Богатые, не участвующие в политическом процессе люди – финансисты, владельцы акций, рантье, живущие на дивиденды.
2. Производительный класс, к которому относятся образованные и стремящиеся применить свои знания для общего блага. Они совершают открытия в различных областях, это люди науки (наиболее близкий Уэллсу класс, на который он возлагает особые надежды).
3. Класс ничего не производящих людей, но выполняющих важные функции управления (финансами, торговлей, политикой, рекламой и т.д.). К этому классу, который мы бы сейчас назвали менеджерами, относятся и люди, выполняющие вспомогательные функции, – клерки, секретари, машинистки. К ним Уэллс относит и людей искусства.
4. Наконец, низший класс, состоящий из необразованных масс, часто неспособных учиться. Среди них нередко встречаются безработные, количество которых, по мнению Уэллса, будет возрастать по мере развития механизации и автоматизации.

В 2007 году американский историк Пол Крабтби, проанализировавший книгу Уэллса «Предвидения», пришел к выводу: примерно 80% прогнозов писателя сбылись, из них 60% – с большой точностью. К несбывшимся 20% Крабтби относит предсказания о создании единого Мирового государства, о переходе от демократии к технократии – власти образованного класса, о сохранении основной роли женщины в качестве домохозяйки¹¹.

¹¹ См.: *Наука и жизнь*. 2008. № 10.

Причины упадка цивилизаций

Любопытны и злободневны рассуждения об истории как академической науке и о методах ее преподавания в университетах, перекочевавшие из книги «Предвидения» в «Опыт автобиографии». Уэллс мечтает дожить до того времени, когда будут преподавать предмет, который он называет «аналитической историей». Если он когда-нибудь станет мультимиллионером, мечтает Уэллс, он создаст такую кафедру, где бы преподавали профессора, «экологи человеческого рода». Эти специалисты не будут напоминать тех, кто «вцепился в "историю" как таковую», они откажутся от преподавания «непроверенных или плохо проверенных фактов», загромождающих академическую историю. Он полагает, что «старая история» соткана из потрепанных временем сплетен и пустой фальсификационной политики, глубоко укоренившихся в литературе и жизни. «Старая история», «варварски перегруженная подробностями» и «поразительно бесплодная», прочно закрепилась в школах и университетах (С.325)¹².

По сути, на те же недостатки в преподавании истории, на которые обращал внимание Уэллс еще в начале прошлого века, указывали и некоторые историки в более поздние времена. Так, крупнейший представитель французской исторической школы «Анналов» Фернан Бродель в своем фундаментальном исследовании отмечает: «Я готов поспорить с любым историком, даже обладающим недюжинной памятью, что он, скорее всего, не выдержит фактологического опроса, столкнувшись с потрясающим обилием событий, зачастую ничтожных сами по себе и следующих за другими без видимого смысла... Новейшая история должна стать соединением различных наук о человеке». И далее: «Когда речь идет о любой попытке *глобального* исторического осмысления, например об истории цивилизаций, тогда, как в искусстве фотографии, нужно увеличивать количество кадров различной выдержки, чтобы затем свести их в единое целое, как искусно смешанные цвета солнечного спектра обязательно восстанавливают белый солнечный свет»¹³.

¹² Невозможно не согласиться с Уэллсом: с такого рода «историей» мы часто встречаемся в наших школах и высших учебных заведениях вплоть до наших дней и, наверно, к сожалению, еще долго будем встречаться.

¹³ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008. С.25–26, 31.

Собственно, такого принципа и придерживался Уэллс, когда писал свои «Очерки истории цивилизации».

«"Экология человечества" – подходящее название для новой истории в том виде, в каком я ее представляю... – это уже пишет Уэллс. – Цель разумного анализа – расчистить путь синтезу» (С.325). Автор «Опыта автобиографии» уверен, что рано или поздно «экология человечества» под тем или иным названием проложит путь в академическую науку и в учебные заведения, причем произойдет это раньше в Америке, чем в Европе. Действительно, нечто подобное можно наблюдать в ряде современных университетов Соединенных Штатов.

Уэллс неоднократно доказывал необходимость написания и издания истории человечества, которая «ясно показала бы всем мыслящим людям: если мы хотим, чтобы цивилизация не погибла, политические, общественные и экономические сообщества должны перерасти в мировую федерацию» (С.365). Он создает «Очерки истории цивилизации» – огромный тысячестраничный труд (кажется, такая работа под силу только целому научному институту), в котором пытается ответить на вопрос, который занимал и, возможно, всегда будет занимать исследователей: почему умирают цивилизации?¹⁴ Однозначного ответа на этот вопрос, вероятно, не существует.

Так, останавливаясь на причинах падения Римской империи, Уэллс подчеркивает отсутствие у римлян «стратегической дальновидности», так как они оставались «совершенно несведущими в географии и этнологии»¹⁵. Среди причин «несостоятельности римской имперской системы» он отмечает такие факторы, как «отсутствие свободной духовной активности и организации, которая способствовала бы накоплению, развитию и приложению знаний. Рим уважал богатство и презирал науку». Уэллс пишет: «Невежественные, напыщенные и жестокие, проходившие от финансов и собственности – создатели Римской империи распоряжались ею по своему усмотрению, пока семена бури, которые они посеяли, прорастали в самой Империи и за ее пределами»¹⁶. В результате, проявляя государственную недалекость, римляне проглядели явные признаки своего разрушения. Не звучат ли перечислен-

¹⁴ Эта тема отчасти находит отражение и в «Опыте автобиографии».

¹⁵ Уэллс Г. *Очерки истории цивилизации*. М., 2004. С.403–404.

¹⁶ Там же. С.403, 405.

ные причины падения Рима зловещим предостережением современному, в том числе и российскому, обществу, во многом страдающему теми же недугами?!

Многие современные исследователи, вслед за Уэллсом, полагают, что исчезновение цивилизаций и обществ во все времена объясняется тем, что их системы уделяли гораздо больше внимания узким, частным интересам (войны, экономические и политические противостояния, клановые «разборки» и проч.) в ущерб гораздо более важным (экологическим, в частности) проблемам. Чтобы не потерпеть в будущем катастрофы, писал Уэллс, необходимо отказаться от «эгоизма», от «ненасытности», «от подчинения второстепенного главному» (С.426).

Те же мотивы звучат, например, в опубликованной несколько лет назад книге «Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают». Известный современный американский исследователь цивилизаций Джаред Даймонд как бы продолжает размышления Уэллса, основываясь на обширном материале новых открытий археологов, историков, палеонтологов, климатологов. Исчезнувшие цивилизации и общества, полагает он, совершали «непреднамеренный суицид» (экоцид). «Процессы, посредством которых общество подтачивает само себя, разрушая окружающую среду, делятся на восемь категорий, – пишет Даймонд. – Составляющая каждой из них меняется от случая к случаю: сведение лесов и уничтожение среды обитания, почвенные нарушения (эрозия, засоление, потеря плодородности), нарушение водоснабжения, истребляющая охота, чрезмерное вылавливание рыбы, воздействие ввезенных видов на местные виды, рост населения и конфликты между людьми. Разные комбинации этих факторов определяют разные случаи коллапсов»¹⁷.

Программа утопического глобализма

Уэллс жил не только прошлым (он исследовал историю и делал на основе ее анализа далеко идущие выводы), не только настоящим – он жил и будущим, размышляя о нем во многих работах, в том числе и в «Опыте автобиографии». Уэллс вполне мог бы подписаться под афористичным высказыванием испан-

¹⁷ Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М., 2008. С.12–13.

ского писателя Хуана Гойтисоло: «Если человек живет только в настоящем, он рискует исчезнуть вместе с ним»¹⁸. Эти слова Герберт Уэллс вполне мог бы поставить в качестве эпиграфа к своей автобиографической книге (во всяком случае, к первым ее двум томам).

Что же касается утопии, то она вовсе не бесплодна, а совершенно необходима как «проигрывание» проектов будущего; именно как «проигрывание», ибо утопия не озабочена средствами реализации проектов. Там, где появляются «зримые черты» будущего, его конкретика, там начинается фантастика. По этому поводу российский философ пишет: «Надо только отдавать себе отчет, где пределы этой "игры", и не заниматься конструированием "средств", потому что тогда снимается неопределенная многозначность целей, и вместо проигрывания сценариев будущего мы получаем экстраполяцию настоящего, да еще отчужденно-го от его живого источника – существования реального человека»¹⁹.

В ряде работ, посвященных жизни и творчеству Уэллса, он изображается мудрым, даже гениальным писателем-фантастом, «выдумщиком» будущего; в гораздо меньшей степени отдается дань (если вообще обращается на это внимание) его способностям в качестве оригинального исследователя цивилизаций, тонкого аналитика, во многом трезво и реалистически мыслящего политика.

Уэллс полемизировал с теми, кто утверждал: будущее человечества невозможно предвидеть. Человечество, утверждал он, стоит на пороге великого перехода от жизни, воспринимаемой как цепь причин и следствий, к жизни, воспринимаемой как творческое усилие. «Собственно, предсказать можно не будущее, а его условия» (С.326), – писал Уэллс.

Его мечтой или, точнее сказать, идеей фикс (к ней опять и опять возвращается автор в разное время) стала мысль о создании Мирового государства. Во многих работах он разрабатывал принципы функционирования такого «реального и жизнеспособного государства» (С.365). Намечая эскиз будущего, Уэллс неоднократно подчеркивал значение культуры. «Только выиграв войну за культуру, мы можем надеяться на Мировое государство. Мы не сможем построить новую цивилизацию с двумя миллиардами оболваненных существ» (С.402).

¹⁸ См.: Бауман З. *Текущая современность*. М., 2008. С.221.

¹⁹ Румянцев О.К. *Глобальное. Локальное и прогноз. Размышления о будущем* // *Глобальный мир*. Вып.5. М., 2002. С.124.

Исследование проблем того, что в наше время называют глобализацией, в том числе и в области культуры, требует междисциплинарного подхода. На это указывал и Уэллс, проектируя общество будущего. Ведь все гуманитарные науки ведут свое начало от одного и того же типа познания, и между ними существуют многообразные связи. Вместе с тем разнообразие исследовательских методов порождает и множество нестыковок. Еще Уэллс прекрасно понимал, что всякая трансляция проблем, методов, концепций изначально порождает проблему адаптации и потому неизбежно сопровождается их искажением и трансформацией. Известный современный французский социолог и философ Пьер Бурдьё так охарактеризовал трудности междисциплинарного диалога: «Встреча двух дисциплин – это встреча двух личных историй, а следовательно, двух разных культур; каждая расшифровывает то, что говорит другая, исходя из собственного кода, из собственной культуры»²⁰. Человек в условиях объединяющегося мира – вот объект, изучение которого должно обеспечить направление к единению разных общественных дисциплин. Об этом писал Уэллс во многих своих работах.

Те тенденции к объединению экономическому, культурному и иному, о которых мечтал и которые предвидел Уэллс, в наши дни явно налицо²¹. Похоже, что время работает на так называемые «утопии» Уэллса, мечтавшего о Мировом государстве.

В «Опыте автобиографии» представлены в самом сжатом виде принципы, на которых возможно создание единого государства. Такое государство, по мнению Уэллса, должно быть основано на новой морали, единой этике, единой мировой религии, значительно упрощенной, обобщенной и более доступной для понимания. Это будет не буддизм, не христианство, не ислам или какая-либо иная известная религия, это будет по своей сути религия «чистая и неискаженная»²².

Именно к объединению и стремилась привести человечество каждая из мировых религий. Уэллс находит параллели (это его излюбленный прием – иногда удачный, иногда не очень) между сугубо гуманитарной

²⁰ Бурдьё П. *Начала. Choses dites*. М., 1994. С.156.

²¹ Реалии современного глобализирующегося мира, интеграция европейского пространства, сближение на экономической основе большого числа латиноамериканских стран – МЕРКАСУР и т.д.

²² Уэллс Г. *Очерки истории цивилизации*. С.931.

и естественнонаучной областями. «Когда появлялась новая вера, – пишет Уэллс, – словно намагничивали железный стержень в электрической катушке, и многие миллионы частиц, изначально направленных куда попало, обращались к единой цели. Однако всегда возникал предел; стержень оказывался слишком велик, и большая его часть выходила за пределы действия, или слишком быстро слабел, прекращая индуцировать ток. Но из этого не следует, что вообще невозможно достичь всеобщего мира, общей веры и закона для человечества. Наоборот, успех этих вер-родоначальниц, несмотря на философскую недостаточность и промахи местных теологических общин и неоправданные претензии на чудотворство, провозглашенные слабыми людьми при неблагоприятнейших обстоятельствах, – успех этот показывает, как восприимчивы к таким призывам обычные люди» (С.384).

Собственно, идея возможности объединения религий в некое единое целое, волновавшая Уэллса, продолжает жить и развиваться в современном обществе. Этим проблемам посвящаются конференции, симпозиумы, «круглые столы». Так, например, проблемы глобальной этики специально рассматривались на проходившей в Институте философии в июне 2002 г. конференции «Философия морали в контексте многообразия культур». В ходе дискуссий выявились две ярко выраженные точки зрения по данному вопросу. Одна сводилась к признанию существования неких моральных абсолютов для всего человечества (думается, Уэллс вполне мог бы присоединиться к этому мнению). Другая, прямо противоположная (ее на конференции представлял известный американский философ Ричард Рорти), выражалась в отстаивании частной, ситуационной этики (зная темперамент Уэллса, нетрудно представить, как бы полемизировал он с противником своей концепции). Впрочем, на конференции высказывалась и некая третья точка зрения, с которой бы Уэллс тоже вряд ли бы согласился, но все же не был бы так категоричен, как в отношении позиции Рорти. Эту срединную точку зрения отстаивали некоторые исследователи из стран Востока. Признавая универсалии в собственных культурах, они отказывали в возможности существования таковых для всего человечества²³.

²³ См.: *Восток-Запад: испытание близостью. Мариэтта Степанянц: «О глобальной этике мы тогда совсем не думали» // НГ-Ex-Libris. 2002. 27 июня. С.2.*

Между тем сфера культуры, как и сфера религии, едина изначально. Поэт А.Белый писал: «Нет никакой раздельности. Жизнь едина. Возникновение многого только иллюзия. Какие бы мы ни устанавливали перегородки между явлениями – эти перегородки незначительны и немислимы прямо. Их создают различные виды отношений чего-то единого к самому себе»²⁴. Сказанное можно целиком отнести и к религии. Ведь все без исключения религии имеют (с незначительными различиями) одну и ту же формальную структуру, из-за чего к ним, собственно, и допустимо применение понятия «религия». Во всех религиозных системах так или иначе присутствуют такие категории, как *Бог, священство, жертва, поклонение, молитва*, равно как все они признают в качестве ценности *истину, доброту, любовь, существование абсолютно нравственного закона...* Различны лишь те акценты, которые каждая религия расставляет, обращаясь к той или иной категории.

Мысли Уэллса представляются весьма актуальными именно в наше время. В современном всеобъемлющем мировом информационном пространстве никакая религия не может игнорировать другие религиозные системы и полностью изолировать себя от них. Узкое понимание религии как группового пути социума (в форме клановой или национальной религии) не должно затушевывать широкого понимания религии как пути конкретного человека к сверхчеловеческой вершине, к Богу. Возможно, нечто подобное и имел в виду Уэллс, призывая к созданию единой мировой религии.

Если же обратиться к представлениям о конкретных формах глобализации в области религии, отталкиваясь от мыслей Уэллса по этому вопросу, то в наши дни они могут быть сведены к следующим позициям: *экуменизм, неорелигия, синкретизм, секуляризация*. Уэллсу среди них ближе всего была бы *неорелигия*, о чем он писал в «Опыте автобиографии». Современность вместе с тем свидетельствует, что из всех перечисленных позиций более реалистична последняя, *секуляризация*. Если экстраполируется объединение религий, то почему бы с такой же, а может быть, и с большей вероятностью не предположить, что темпы секуляризации значительно возрастут. Для прогнозов «обезбоживания» человечества есть немалые основания. Статистика XX века свидетель-

²⁴ Белый А. *Апокалипсис в русской поэзии // Вesy. М., 1905. №4. С.11.*

ствуует, например, что с начала столетия (то есть того времени, когда Уэллс опубликовал свои «Предвидения») и до конца века число неверующих на планете увеличилось с 5 млн. до 1 млрд. 208 млн. человек, то есть в 241,6 раз, а их доля в общей массе населения Земли – с 0,3 до 20,0%²⁵.

Темпы «расколдовывания» (термин Макса Вебера) мира возрастают, и почему бы нам не представить, например, такую картину: к концу третьего тысячелетия, когда и сблизиться и объединиться будет некому, религиозность людская может быть сведена если не к нулю, то, во всяком случае, к самой мизерной величине. Но это, конечно, всего лишь предположения, и не более того, навеянные мыслями автора «Опыта автобиографии».

Сейчас же тенденции к сближению религий, отмеченные еще в начале XX века Уэллсом, действительно налицо, их подмечают многие специалисты в области религии. Современный экономист и философ Э.А.Азроянц по этому поводу замечает, что важнейшим основанием для сближения религий может служить их общий моральный знаменатель. «Вот на этом огромном и по масштабу, и по значению для общества поле, – пишет он, – могут эффективно сотрудничать все религии, возвращая ожесточенного эгоистического человека в лоно вечных основ морали»²⁶.

Писать о едином будущем человечества, тем более в контексте культуры и религии, и сохранять при этом верность научной строгости и корректности – задача вряд ли выполнимая. Ведь, как отмечал основоположник кибернетики и математической теории связи Норберт Винер, «существо, способное к научению, движется вперед от известного прошлого в неизвестное будущее, и это будущее не равнозначно прошлому»²⁷. Таким образом, у Уэллса, как и у других смелых предсказателей будущего, при всех их незаурядных знаниях, нет более основательного фундамента для построения будущего, чем собственная интуиция. А интуиции ему было не занимать.

²⁵ См.: *Размышления о будущем // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып.7 (19). М., 2002. С.132.*

²⁶ *Азроянц Э.А. Будущее: Эволюционные и эсхатологические альтернативы // Материалы ... Клуба ученых «Глобальный мир». Вып.7 (19). С.50–51.*

²⁷ *Винер Н. Человек управляющий. СПб., 2001. С.45.*

В наше время, как, впрочем, и во времена Уэллса, предпринимается немало попыток конструирования гипотетических моделей будущего социально-культурного пространства. Несомненно, такого рода прогнозирование должно обладать большим количеством дефектов, и основной из них заключается в невозможности учета сверхисторических факторов, не вытекающих из контекста самой истории рода человеческого, хотя и радикально влияющих на нее. Вместе с тем, признавая большую вероятность ошибок, отклонений в сторону и т.д. в деле построения таких моделей, сама задача их прогнозирования и конструирования не может не возникать, о чем и свидетельствуют, в частности, дискуссии и жаркая полемика вокруг проблем глобализации.

Некоторые из таких попыток прогнозирования и конструирования весьма произвольны, грешат субъективизмом, часто строятся на песке, а не на фактах реальной жизни, иные же – вполне допустимы, ибо в их основании в известной степени присутствует элемент научного (насколько он возможен) анализа действительности. Приведем для примера одно из таких не лишенных интереса построений, хотя вместе с тем оно представляется нам достаточно утопичным.

Мы на время отвлечемся от конструкций Уэллса и остановимся на этом современном прогнозе, в частности, и потому, что он включает в себя Россию в качестве отдельного цивилизационного «космоса». Принадлежит он культурологу и религиоведу Аркадию Ровнеру, выступившему с докладом «Глобальная культура третьего тысячелетия и христианство» на Первом международном симпозиуме, посвященном третьему тысячелетию христианства, состоявшемся в Новгороде в мае 1998 года²⁸.

Автор конструкции справедливо полагает, что будущая мировая цивилизация (протяженность этого будущего рассматривается им в рамках третьего тысячелетия) будет складываться из элементов, которые уже содержатся в общем социокультурном пространстве наших дней²⁹. Таковыми оказываются специфические относительно самодостаточные и относительно независимые социокультурные системы, обладающие высоким интеллектуальным и духовно-энергетическим потенциалом, – своего рода цивилизационные «космосы». Их сегодня насчитывается

²⁸ *Материалы ... Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 4 (27). М., 2003. С.93.*

²⁹ *Собственно, Уэллс мыслил в тех же пределах.*

пять: западный, китайский, индийский, мусульманский и русский. Отбор именно этих великих «космосов» для строительства грядущей единой великой цивилизации основывается на осмыслении жизнеспособных тенденций в обозримой человеческой истории и на выделении в качестве «важнейших» не этнических, религиозных или культурных факторов, а таких свойств, как духовно-формообразующий и энергетический потенциал названных цивилизаций. Такой отбор служит веским основанием автору проекта будущего для учета способности каждого из названных «космосов» создавать мощные социально-духовные анклав. Похоже, что план построения будущей единой цивилизации если не строится на идеях Льва Гумилева, то уж, во всяком случае, не обходится без них.

Названные «космосы» могут образовать в будущем более или менее сбалансированную мировую систему, но они, по мысли конструктора этой идеи, могут также пребывать и в состоянии латентных или открытых конфликтов. Будущее единой мировой цивилизации, как видно, не обязательно должно быть безоблачным, вернее, в будущем возможны несколько сценариев. Наиболее благоприятной представляется автору проекта ситуация сбалансированного взаимодействия названных (с его точки зрения, сюда возможны подключения и некоторых других, неназванных, цивилизаций) «космосов». Подобно тому, как в первое христианское тысячелетие были территориально разведены, однако информационно и психологически взаимосвязаны три важнейшие составляющие европейской цивилизации: «греческая философия», «римское право» и «еврейская вера».

Подобно европейской цивилизации, пять упомянутых «космосов» могли бы создать основание для единой глобальной макросистемы третьего тысячелетия. Автор описываемой конструкции отдает себе отчет в том, что эти «космосы» неодинаковы, каждый из них имеет множество характерных черт, отличий и т.д. Наиболее «усталым» и «слабым» он считает западный «космос», хотя, несмотря на явные признаки «увядания», эта цивилизация пока еще продолжает удерживать ведущие позиции в мире. Напомним, к слову, что еще в начале XX века Освальд Шпенглер подметил черты «дряхления» европейской цивилизации.

Однако, в отличие от Шпенглера, автор названного проекта главную причину «усталости» западного «космоса» видит в бурном развитии

внутри него секулярной системы жизнедеятельности и мироощущения. В отличие от «западного», российский «космос» рассматривается им как потенциальное пространство для новых духовно-энергетических формирований и потому как возможный будущий оплот для западной цивилизации. В данном случае А.Ровнер опирается на следующее убеждение, бытующее среди некоторых русских философов. В России возможны синкретическое обновление христианского импульса и включение в него некоторых элементов из арсенала трех восточных «космосов», органичных для российского элемента.

Мусульманский «космос» должен стать, с точки зрения конструктора будущего единого мира, одним из важнейших его компонентов, так же как и индийский и китайский «космосы», представляющие собой древнейшие и важнейшие источники высокой духовной энергии.

Великие культуры прошлого обычно охватывали огромные пространства, включали в себя многие народы, они перерабатывали традиции различных по характеру предшествующих культур. В период зарождения и развития великих культур обычно преобладали центристские тенденции, однако, когда эти культуры достигали зрелости, они начинали стареть, слабеть и уступать центробежным влияниям, образуя множество локальных культур (см. у Шпенглера). «Культурная экспансия» при зарождении великих культур охватывала более обширные, более разнородные пространства, была разнообразней, ее границы были более размыты, чем у отдельных «вторичных» культур, возникавших на почве «великих начальных». Возникновение «великих» культур и послужило автору рассматриваемой конструкции основанием для предположения, что схема зарождения и развития новой великой глобальной культуры будет напоминать уже известные в истории человечества процессы³⁰.

Таков благоприятный для человечества сценарий культурного взаимодействия на третье тысячелетие. Однако, как справедливо замечает Ровнер, в истории человечества неблагоприятные обстоятельства по большей части встречаются чаще, нежели благоприятные. Потому он не отвергает возможности и крайне негативного развития событий, а именно: глобальной катастрофы. Такой мрачный поворот событий связан с тем, что ни один из вышеназванных «космосов» (вернее, ни одна

³⁰ *Материалы ... Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 4 (27). С.93–95.*

из религий, лежащих в их основе), при нынешнем уровне разногласий между ними, не имеет шансов для создания единой религиозной системы. Чтобы это произошло, может потребоваться глобальная трансрелигиозная этика, которая, ни в коей мере не отменяя и не замещая важнейших компонентов существующих ныне религиозных систем, образовала бы между ними «мост» взаимопонимания и взаимодействия. Следует заметить, что выработка такой трансрелигиозной и транскультурной этики и соответствующих ей понятий и норм – задача, которая фактически решается на протяжении большей части человеческой истории и весьма далека от ее решения. Это последнее, конечно, склоняет нас к выводу, что крайне негативный сценарий автора рассматриваемого проекта гораздо более реален, нежели его построения, относящиеся к сценарию благоприятному.

Кроме того, вариант, обозначенный как благоприятный, вызывает множество вопросов, связанных, прежде всего, с возможностью его конкретного осуществления, и здесь, думается, ответить на них непросто, не обращаясь к явной утопии. Тем не менее приведенные конструкции будущего могут оказаться полезными в качестве информации для размышлений на весьма обширную и многоплановую тему «Глобализация – культура – религия» – тему, которую разрабатывал Герберт Уэллс, в частности, в «Опыте автобиографии».

«Пытливый чужеземец» в России

Россия, Советский Союз в творчестве Уэллса – тема, достаточно разработанная. В нашей стране общеизвестна его работа «Россия во мгле».

Коснемся этой темы лишь опосредованно. Отметим лишь вкратце то, что показалось нам в его трехтомнике любопытным и малоизвестным.

Впервые Уэллс ступил на российскую землю в 1914 году. Влекла его сюда вовсе не литература (к Толстому он относился прохладно, к Достоевскому – враждебно, к Чехову – с некоторым, но весьма умеренным интересом), а открытое противостояние сил реакции и прогресса. Из русских писателей почитал он больше всех Горького, называя его человеком со многими элементами гениальности (С.417). Они общались и до, и после Октябрьской революции. Впервые встретились в 1906 году в США, следующий раз – в 1920 году. «Тогда, – пишет Уэллс, – он был

близким другом Ленина, но относился критически к новому режиму. Теперь он превратился в законченного сталиниста» (С.416). Одно время Уэллс жил у Горького в Петрограде. Русский писатель познакомил его со своим литературным секретарем Марией Закревской-Будберг – женщиной, которой не на шутку увлекались оба писателя. Уэллс даже предлагал ей руку и сердце, но был отвергнут.

Насколько можно понять из «Опыта автобиографии», редкие встречи с русскими писателями, и с Горьким в том числе, стали удручать Уэллса после 1920 года. Вот, например, его впечатление от одной из таких встреч: «Для меня, без сомнения, самым примечательным в этом разговоре было то, что каждый был убежден: литературу нужно контролировать и ограничивать. Кроме того, они всюду подозревали козни "капиталистов", умы, включая и горьковский, прошли основательную выучку. Мне не понравилось, что Горький стал противником свободы. Это меня больно задело» (С.417). Общаясь с русскими писателями, Уэллс был особенно разочарован тем, что случилось с Горьким, его старым другом, который теперь «стал чем-то вроде неофициального члена правительства, и, как только властям нужно придумать название для самолета, улицы, города или организации, они легко выходят из положения, давая им его имя». «По-видимому, – с горечью добавляет Уэллс, – он спокойно принимает то, что его забальзамируют и положат в мавзолей, когда ему настанет черед превратиться в спящее советское божество». Теперь перед Уэллсом сидел совершенно чуждый ему человек, который хитроумно пытался вывести своего друга на чистую воду, «желая разоблачить происки "капиталиста", тайно плетущего свою паутину» (С.417).

В отличие от Роллана, Фейхтвангера, Барбюса, восторгавшихся увиденным в эти годы в Советском Союзе, Уэллсу, приехавшему сюда в 1934 году, бросается в глаза усиление политического контроля в стране, то, как он становится «чрезмерным, репрессивным». В продолжение всех десяти дней, которые он провел в нашей стране, Уэллс подмечал множество «перекосов», «несообразностей». «Распределение товаров по магазинам с разными ценами и с разными деньгами доходит до полного абсурда. Москва растет очень быстро, но перепланировка и перестройка продуманы, по-моему, очень бездарно» (С.421).

В Советской России, замечает Уэллс, не имеют представления о том, что творится в мире. «Русские преобразования напоминают пропаган-

дирование уравнилельных лозунгов и поспешное введение уравнилельных отношений после Первой французской революции» (С.421). «Коммунистическая пропаганда явно переоценила силу и уникальность этой революции» (С.422). «Постоянные ссылки на что-то великое где-то рядом либо в самом недалеком будущем напомнили мне испанское *tanana*³¹. "Возвращайтесь и посмотрите на нас через десять лет"³², – говорят они каждый раз, как увидишь очередную несообразность... Кажется, они больше любят сносить и переносить, чем создавать» (С.422) и т.д.

Вместе с тем Уэллс признает и достижения Страны Советов. «Новое поколение полностью отрешилось от рабских традиций и отважно смотрит в глаза всему миру». С этим он связывает и «ликвидацию безграмотности» (С.421). Впрочем, встречающаяся иной раз в книге бодряческая уверенность в завтрашнем дне Страны Советов³³, не подкрепленная вескими доказательствами, как-то повисает в воздухе, остается пустой декларацией. Создается впечатление, что Уэллс далеко не всегда убежден; что он колеблется, сомневается в своих оценках. Не был Уэллс силен, как нам кажется, и в области психологии, что, в частности, проявилось в его портретных зарисовках пролетарских вождей, часто противоречивых и весьма поверхностных.

Отношение Уэллса к Ленину хорошо известно по очерку «Россия во мгле». Образ «кремлевского мечтателя» в изображении английского писателя стал едва ли не хрестоматийным. Примерно в тех же тонах выполнен портрет пролетарского вождя в «Опыте автобиографии». Ограничимся лишь одной цитатой из этой книги: «Сила его была в простоте замысла, сочетавшейся с изощренностью мысли... Из учения доктринера-фаталиста (Маркса. – М.Л.)³⁴ он создал гибкую, творческую

³¹ *Завтра (исп.)*.

³² Уэллс повторяет здесь слова Ленина во время их встречи в Кремле в 1920 году.

³³ Особенно она проявилась в очерке «Россия во мгле». Собственно, видимо, поэтому книга и была издана в Советском Союзе с весьма доброжелательным предисловием Г.Кржижановского (Уэллс Г. *Россия во мгле*. М., 1958).

³⁴ Небольшое пояснение по поводу «доктринера-фаталиста». Уэллс никогда не был социалистом по Марксу. Скорее он относил себя к числу домарксовых социалистов (См.: Кагарлицкий Ю.И. Указ. соч. С.607). Об отношении Уэллса к Марксу может свидетельствовать, в частности, следующий отрывок из «Опыта автобиографии»: «Маркс не был

тактическую схему... Его безраздельное влияние длилось меньше пяти донельзя насыщенных лет. За это время, наперекор всем трудностям, он сумел придать России импульс созидательного ускорения» (С.399).

В целом положительное впечатление произвела на Уэллса встреча со Сталиным, который, так же как и Рузвельт, представлял для него особый интерес с точки зрения того, насколько каждый из них стремится к созданию Мирового государства, в котором Уэллс видел единственную надежду для человечества (С.400). Английский писатель полагал, что только Сталин и Рузвельт определяют будущее (С.413–414).

Со Сталиным Уэллс встретился в 1934 году, и его ожидания увидеть «безжалостного, черствого, самонадеянного человека» явно не оправдались. Советский вождь показался ему скромным, даже застенчивым, искренним, прямолинейным человеком, но «очень скуп наделенным способностью к быстрой реакции» (С.414). «Процесс интеллектуального оснащения остановился у него на точке, которой достиг Ленин, когда видоизменил марксизм... Закостенелость Сталина, мешающая увидеть современные реалии, лишь отражает без малейших признаков оригинальности охранительную закостенелость его соратников» (С.415).

В Сталине Уэллс обнаружил то, что заметил и в других советских людях, с которыми ему довелось встречаться, – сопротивление любой созидательной идее, которая исходит со стороны Запада. Если так пойдет и дальше, заключает Уэллс, то, возможно, скоро здесь можно будет услышать лозунг «Россия для русских» (С.416). А еще некоторые считают Уэллса бесплодным мечтателем и утопистом! Воплощение его опасений мы наблюдаем в сегодняшней России, постоянно слыша подобные лозунги из уст многочисленных и разномастных ура-патриотов.

Кстати, о патриотизме, часто соседствующем с национализмом. Уэллс был рьяным противником последнего. «Обожествленный нацио-

человеком с развитым воображением и тайно сознавал этот свой недостаток. Он собирал факты, внимательнейшим образом их анализировал и, опираясь на них, создавал широчайшие обобщения, но у него не было настоящей способности проникнуть в будущее, что дало бы ему возможность нарисовать собственную картину желаемого общества» (С.145). Высказывание, весьма характерное для Уэллса. Отношение К.Маркса к будущему не устраивало Уэллса, оно казалось ему слишком абстрактным; кроме того, протест вызвала вера основоположника марксизма в классовую борьбу как нечто неизбежное и достаточное для спасения.

нализм должен, подобно племенным божествам, кануть в забвение. Наша истинная национальность – человечество»³⁵. В России Уэллс увидел «неисправимый патриотизм», который особенно действен в силу того, что «его скрывают за призывами к всемирному братству» (С.416). Этот псевдопатриотизм под предлогом любви к народу желает удержать народ на пути национального эгоизма.

Еще в очерке «Россия во мгле» Уэллс писал о «неописуемой расхлябанности и небрежности», пьянстве и казнокрадстве, с которыми он встретился в нашей стране. Подметил в России Уэллс и особый характер отношения к религиозности, во многом замешанный на суеверии, предрассудках, мистицизме³⁶. И дело здесь не только и не столько в большевиках, а в том, что «на протяжении столетий духовность и грешная земля были разведены и практически не оказывали влияния друг на друга». На недостатки этого «развода» не раз указывал Вл.Соловьев, настаивавший: «нравственный принцип непременно должен воплощаться в общественной деятельности»³⁷.

Отсутствие этого принципа или, вернее, недостаточная его развитость сформировали в народе (используя слова отечественного политолога Андрея Кузьева) «мечтательность либо маниловского, либо "кремлевского склада (в зависимости от натуры)"»³⁸. Может быть, именно эту черту, ярко проявившуюся в Ленине, и хотел отметить Герберт Уэллс, когда назвал вождя российской революции «кремлевским мечтателем». Тот же Уэллс заметил по поводу особой разновидности религиозности «огромной массы населения России»: «Они суеверны, постоянно крестятся и прикладываются к иконам – особенно это заметно в Москве, – но они далеки от истинной религии...»³⁹.

Зоркий глаз Уэллса заметил у нас, россиян, максимализм, приводящий к быстрому переходу от тотального «хвастовства» к всеобщему «охаиванию». Мы и сейчас остро ощущаем, как эта подмена одного полюса другим расшатывает социальный порядок, изматывает нравственные силы народа, в памяти которого еще живы подобные же пре-

³⁵ Уэллс Г. *Очерки истории цивилизации*. С.925.

³⁶ Уэллс Г. *Россия во мгле*. С.53–54.

³⁷ Соловьев В.С. *Сочинения: В 2-х т. Т.2. М., 1989. С.291.*

³⁸ *Независимая газета*. 1991. 5 ноября.

³⁹ Уэллс Г. *Россия во мгле*. С.50.

вращения идолов в изгоев, вождей – в преступников, господ – в париев. Современный отечественный философ назвал это явление исторической инверсией. «По логике инверсии, – пишет А.Ахиезер, – каждое явление – оборотень, то есть способно, прикоснувшись к противоположному полюсу, стать своей противоположностью»⁴⁰. Историческому развитию России всегда было присуще такое постоянное переворачивание исходной клеточки, обращение в рамках каждого периода к ее альтернативе.

Англичане говорят: «Прошлое – это другая страна». Иной раз складывается впечатление, что для современной России прошлое – это другая планета. Во всяком случае, можно повторить за Цветаевой: «Той России – нету. Как и той меня». И действительно, «той России – нету», и «той меня» тоже, но Россия продолжает биться над тем же порочным кругом проблем, не может вырваться из него.

«История повторяется, в этом ее недостаток», – эта крылатая фраза американского юриста Клеренса Дэрроу, кажется, подходит к истории нашей страны как ни к одной другой. Нам же, сегодняшним, остается лишь уповать на то, что хотя она и повторяется (в этом лишний раз убеждают страницы, посвященные России, в автобиографии Герберта Уэллса), но чему-то да учит. Впрочем, правомерность этой надежды оспаривает мудрый В.О.Ключевский, писавший, что история сама по себе ничему не учит – она лишь наказывает за незнание ее уроков.

⁴⁰ Ахиезер А. *Россия: критика исторического опыта. От прошлого к будущему*. Новосибирск, 1997. С.309.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Марьина Валентина Владимировна

профессор, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

Лапин Владимир Викентьевич

доктор исторических наук,
заведующий отделом Новой истории
Санкт-Петербургского института истории РАН,
профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Ненароков Альберт Павлович

доктор исторических наук, профессор,
главный специалист Российского государственного архива
социально-политической истории,
лауреат Государственной премии РФ.

Мильков Владимир Владимирович

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Майзульс Михаил Романович

преподаватель Российского государственного
гуманитарного университета

Лапицкий Марк Исаакович

доктор исторических наук,
профессор Российской академии внешней торговли

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics,
specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre«On the Boards»

Mar'ina Valentina Vladimirovna

D.Sci. in history, Professor,
the Chief researcher of the Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences

Lapin Vladimir Vikent'evich

D.Sci, historian,
the Head of department for New history
of Saint Petersburg Institute of History (RAS),
Professor of European University (Saint Petersburg)

Nenarokov Al'bert Pavlovich

D. Sci., historian, Professor,
head specialist of Russian Record Office
of Social-Political History,
the winner of State Premium

Mil'kov Vladimir Vladimirovich

D. Sci., head specialist,
Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences

Mayzul's Mikhail Romanovich

the lecturer of Russian State University for the Humanities

Lapitsky Mark Isaakovich

D. Sci, historian,
Professor of Russian Academy of Foreign Trade

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Учредитель
Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Главный редактор
С.Е.Кургинян
Редколлегия:
Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),
Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),
Каравашкин А.В.,
Куриленкова А.А.,
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года
Регистрационное свидетельство 011074

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
телефон (495)691-74-79
факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2009
Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 16.10.2009. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 12 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ 6306
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.
Тел. 554-21-86

5.2009 september-october

Theory and Practice of the Political Games

Not Transgress the Edge: Russia and Strategy
of Russia's Security _____ 4

European Parallels

Valentina Mar'ina

1939: the Soviet Foreign Policy as Perceived
by Coevals (Examined by the Czecho-Slovak
Example) (the end) _____ 28

Pages of History

Vladimir Lapin

History of Russia within Military Technologies
Framework, 17th-21st Centuries _____ 56

Al'bert Nenarokov

«Not every Shining Piece is made of Gold»:
On some Aspects of the Present Day Studies of the
Post-October Menshevism _____ 80

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Vladimir Mil'kov

The Spiritual Troop of the Russian
Autocephaly: Ilarion
of Kiev (the end) _____ **98**

Mikhail Mayzul's

«Daemonum Exterminator»: Michael
the Archangel as Exorcist in Medieval
Russian Culture _____ **122**

Readers' Letters

Mark Lapitsky

Notes on Herbert Wells, a Globalist
Dreamer and a Sharp Realist _ **160**

РОССИЯ XXI